

МАХАБХАРАТА

КНИГА ВОСЬМАЯ

КАРНАПАРВА

ИЛИ

КНИГА О КАРНЕ

ГЛАВА 1

Вайшампаяна сказал:

И вот, когда сражен был Дрона, о царь, владыки людей» возглавляемые Дурьодханой, явились, весьма удрученные, к сыну Дроны (Ашваттхаману). Мучимые скорбью, обессиленные отчаянием, оплакивая Дрону, уселись они вокруг сына Шарадвати. Поутешав его какое-то время всевозможными доводами, почерпнутыми из шаштр, владыки земли с наступлением ночи разошлись по своим походным шатрам.

Но в отличие от других Сын суты, царь Суйодхана, Духшасана и Шакуни не могли забыться сном. Им, властителям земли, и в шатрах своих не было покоя, о кауравья; мысли о грядущей мучительной гибели не давали сомкнуть глаз. Среди ночи, движимые своей неумной, лютой ненавистью к славным Пандавам, сошлись они все в жилище Дурьодханы. Вспоминая о том, как некогда сами втащили в Зал Собрания жестоко страдающую из-за (исхода) игры Кришну, ныне, весьма удрученные, терзались они раскаянием. Из-за мыслей о жгучей ярости, вызванной (исходом) игры у Партхов, мучительно долго, как сотня лет, тянулась для них эта ночь, о царь!

Когда же взошла ясная заря, встали они, движимые роком, и каждый, действуя в соответствии с обычаем, совершил необходимые обряды. По исполнении обязательных обрядов они несколько ободрились и, построив войска в боевой порядок, выступили на битву, о бхарата! Карну, совершив над ним торжественный обряд благословения, поставили они главнокомандующим; подношением сосудов с простоквашей, топленого» масла, ячменя, денег, коров, золота, одежд и других несметных богатств побудили они достойнейших дваждырожденных возглашать (должные мантры); суты, магадхи и вандины благословляли их победными песнями.

Тут и Пандавы, совершив ежедневные обряды, выступили из лагеря своего, полные решимости к битве. И грянула тут шумная, в трепет повергающая битва между кауравами и Пандавами, ищущими друг другу смерти. Это сражение между армиями куру и Пандавов, в коем (кауравами) предводительствовал Карна, являло собой удивительное зрелище и длилось два дня. Наконец, Вриша, учинивший недругам своим в той схватке великое побоище, на глазах у всех сынов Дхритараштры сражен был Пхальгуной. Затем Санджая, явившись в Город, носящий имя слона, поведал Дхритараштре обо всем, что приключилось в Куруджангале.

Джанамеджая сказал:

Великое горе испытал, верно, старый царь, сын Амбики, узнав, что Апагея и Дрона убиты в битве врагами! (Скажи), о достойнейший брахман, как только он, огорченный, с жизнью своей не расстался, услышав, что пал Карна, неустанно радевший о благе Дурьодханы? Как только царь-кауравья с жизнью своей не расстался, когда погиб тот, в ком он видел единственную надежду своих сыновей на победу? Нелегко людям, полагаю, расставаться с жизнью, будучи даже в самом тяжком горе, если уж

не сделал этого царь, прослышав о смерти Карны! Коли он, о дваждырожденный, при вести о гибели престарелого сына Шантану, Бахлики, Дроны, Сомадатты, Бхуришраваса и других друзей своих, сыновей и внуков не решился расстаться с жизнью, то, значит, — нелегкое это дело, о брахман! Поведай же мне обо всем этом более пространно, обладатель сокровища тапаса! Не могу я насытиться, слушая великую повесть о деяниях предков!

Вайшампаяна сказал:

После того как пал Карна, о великий царь, опечаленный сын Гавальганы коней своих, соперничавших с ветром быстротой, погнался в ночи к Городу слона. Прибыв в Хастинапуру, крайне удрученный, явился он в жилище Дхритараштры, не полнившееся уже, как прежде, родными и близкими царя. Увидев там царя, обессиленного отчаянием, он сложил почтительно руки, припал главою к стопам владыки людей и вознес ему хвалу. Воздав, как велит обычай, должные почести владыке земли Дхритараштре, он воскликнул: «Горе! Горе!», а затем произнес следующее:

«О владыка земли, мое имя — Санджая. Позволь осведомиться о твоём благополучии! Надеюсь, тяжкое бедствие, которое ты сам на себя навлек, не ввергло во мрак твой разум? Надеюсь, не слишком мучит тебя воспоминание о том, как ты отверг благие советы, поданные тебе Видурой, Дроной, Гангеей и Кешавой? Надеюсь, не слишком мучит тебя воспоминание о том, как ты отверг благой совет, поданный тебе посреди Собрания Рамой, Нарадой и Канвой? Надеюсь, не слишком мучит тебя мысль о том, что друзья во главе с Бхишмой и Дроной, всецело преданные заботам о твоём благе, сражены на поле битвы врагами?».

На эти слова сына суты, стоявшего пред ним со сложенными ладонями, убитый горем царь, печально вздохнув, отвечал: «Тяжко скорбит мое сердце, о Санджая, о том, что погибли Гангея, искусно владевший всем небесным оружием, и несравненный лучник Дрона! Тяжко скорбит мое сердце о том, что Шикхандином, сыном Яджнясены, сражен при пособничестве Пандавов тот рожденный от Васу носитель духовного пыла, который что ни день сокрушал по десять тысяч колесниц!

И тот великий духом муж, кому даровал Бхаргава непревзойденное оружие, кто уже в детстве был самым Рамой посвящен в таинства стрельбы из лука тот, по чьей милости могучие царевичи Каунтеи, а также другие владыки земли обрели достоинство великоколесничных бойцов, — всегда верный слову Дрона, великий лучник, тоже сражен в битве Дхриштадьумной, при вести об этом тяжко скорбит мое сердце! Узнав о гибели Дроны, коему во всех трех мирах не было равного во владении оружием, чем ответили на это сторонники мои?

Когда великий духом Пандава — Завоеватель богатств, явивши доблесть, отправил войско Связанных клятвой в обиталище Ямы, когда сокрушено было оружие Нараяны, принадлежавшее мудрому сыну Дроны, и лишь часть войск уцелела от истребления — чем ответили на это сторонники мои? Сдается мне, когда убит был Дрона, пустились они в бегство, окунулись в море скорби и в нем барахтались, как жертвы кораблекрушения на волнах океана! Карна, Дурьйодхана, царь бходжей Критаварман, царь мадров Шалья, Крипа, сын Дроны (Ашваттхаман), все уцелевшие сыновья мои и прочие — хотел бы я увидеть цвет их лиц, когда войска пустились врассыпную, о Санджая! Поведай же мне обо всем, что случилось в той битве между сынами Панду и моими, следуя истине и ничего не опуская, о сын Гавальганы!».

Санджая сказал:

Но только ты, почтенный, когда услышишь, что содеяли сыны Панду над кауравами, не предавайся отчаянию! Не-должно сердцу скорбеть, когда свершается веление судьбы! Поскольку (от одной судьбы зависит), достигают люди своей цели или нет, мудрый человек никогда не терзается, если обретет что-либо или потерпит неудачу.

Дхритараштра сказал:

Не было еще такого, чтобы какая-либо весть привела меня в смятение, о Санджая! Все это, думаю я, уже давно было предрешиено судьбой. Рассказывай смело!

ГЛАВА 2

Санджая сказал:

Когда пал великий лучник Дрона, сыновья твои, велико-колесничные бойцы, ощутили сухость во рту, опечалились, перестали осознавать окружающее. Мучимые горем, они, о владыка народа, сжимая в руках оружие, потупили взоры, не глядели друг на друга, не могли вымолвить ни слова. Глядя на них, всем обликом являвших смятение, воины твоей рати, о бхарата, потрясенные горем, то и дело возводили очи к небесам. Когда они увидели Дрону сраженным, то все оружие, обогретенное кровью, попадало у них из рук, о царь царей!

И, падая, эти гибельные орудия подобны были созвездиям, падающим с неба, о великий царь-бхарата! Царь Дурьодхана, видя воинов своих в таковых муках, стоящих недвижно и как бы не сознающих окружающего, обратился к ним, о великий царь, с такими словами:

«Уповая на мощь ваших рук, бросил я вызов сыновьям, Панду и вступил в сражение. Теперь, когда погиб Дрона, печальным для нас видится его исход. Воинам, бьющимся в ратном поле, отовсюду грозит гибель. Будем же биться, грудью встречая врагов со всех сторон! Смотрите, как носится по полю битвы многомогущий, великий духом, славный лучник Карна Вайкартана со своим волшебным оружием! Из страха перед ним сын Кунти — Завоеватель богатств всякий раз обращается вспять на поле брани, как жалкий олененок перед гневным львом!

Не он ли, применяя только обычные для смертных боевые средства, довел могучего Бхимасену, равного по силе десяти тысячам слонов, до столь великой беды! Не он ли, издавши грозный клич, поразил в битве своим неотвратимым копьем отважного Гхатоткачу, знатока волшебного оружия, мастера колдовских чар! Убедитесь же ныне, что беспредельна мощь рук, являемая на поле брани этим мудрым, верным данному слову (воителем), обладателем непревзойденного мужества! Смотрите, как обрушатся на войско Пандавов и панчалов великие духом сын Дроны и Радхейя! Все вы мудры, отважны, отпрыски славных родов, безупречны в поступках, искусны в приемах боя — свидетельствуйте же ныне (славные деяния) друг друга!».

При этих словах его, о великий царь, могучий Карна Вайкартана издал громогласно львиный клич и бросился в битву. На виду у всех сринджаев, панчалов, кекаев и видехов учинил он им великое побоище. С тетивы его лука сотнями срывались, подобно пчелиным роям, потоки стрел, причем острие каждой из них касалось оперения предыдущей. Немалый урон нанес он панчалам и отважным Пандавам, погубил тысячи воинов, пока Арджуна не сразил его.

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» вторая глава.

ГЛАВА 3

Вайшампаяна сказал:

Услышав это, о великий царь, Дхритараштра, сын Амбики, достиг пределов отчаяния. В смятении представил он себе уже мертвым Суйодхану и рухнул на землю, словно теряющий сознание слон. Когда тот достойнейший царь, объятый смятением, пал наземь, раздался громкий горестный вопль жен его, о лучший из бхаратов! Тот звук повсеместно заполнил собой всю землю; жены (царя) бхараты погрузились в грозную пучину скорби! Гандхари и другие женщины гарема, подойдя к царю, о бык-бхарата, не владея собой, пали на землю. Тут принялся Санджая, о царь, ободрять тех слабых, не владеющих собой (женщин), в обилии источавших очами рожденную влагу. Но, несмотря на его утешения, те жены то и дело вновь начинали дрожать, словно банановые деревца во власти сотрясающего их ветра. Видуре же пришлось кропить водою владыку, коему мудрость служила единственным оком, царя-каураву, и утешать его.

Мало-помалу пришел царь в себя, но, глядя на своих жен, безмолвствовал, словно лишенный разума, о владыка народа! Долго пребывал он в раздумье, то и дело вздыхая, а затем принялся порицать сыновей своих, воздавая должное Пандавам. Порицал он решение, принятое им самим, а также Шакуни, сыном Субалы, и надолго погружался в размышления, поминутно сотрясаем дрожью.

Но обретя снова власть над своим сознанием, набравшись стойкости, скоро начал царь опять расспрашивать суту Санджая, сына Гавальганы: «Я выслушал все, что поведал ты мне, о Санджая! Что же Дурьодхана, о сута, — не ушел ли он уже в обиталище Ямы? Изложи мне вновь эту повесть по всей правде, о Санджая!».

На эти слова, о Джанамеджая, отвечал царю сута: «О царь, сражен Вайкартана вместе с сыновьями его, великоколесничными бойцами, вместе с братьями — великими лучниками с сынами сут, всегда готовыми в бою расстаться с жизнью! А Духшасана также был сражен славным Пандавой; движимый гневом, Бхимасена напился крови его на поле битвы!».

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» третья глава.

ГЛАВА 4

Вайшампаяна сказал:

Услышав это, Дхритараштра, сын Амбики, сердце которого было терзаемо скорбью, о великий царь, обратился к суте Санджае: «Дорогой мой, когда я, чей дух был помрачен ложным направлением мыслей, слышу (теперь) о гибели Вайкартаны, в самые средоточия жизни разит меня скорбь! Какие же из куру и сринджаев, в совершенстве владеющие оружием, жаждущие благодаря Шалье достичь берега (моря) бедствия, донныне живы, а какие уже мертвы?»

Санджая сказал:

Могучий, неодолимый сын Шантану, погубивший за десять дней битвы сто миллионов воителей из стана Пандавов, сражен, о царь! Великий лучник, непобедимый, златоколесничный Дрона, сокрушив в битве тьму панчалийских колесниц, вслед за тем был также убит. Истребив половину тех войск, что уцелели от избиения Бхишмой и великосущным Дроной, пал и Карна Вайкартана. Многомогучий царевич Вивиншати, уничтожив сотни анартских воителей, погиб в бою, о великий царь! Тогда сын твой, отважный Викарна, потерявший уже копей своих и оружие, помня о долге кшатрия, все же грудью встретил врагов!

Но Бхимасена, припомнив неисчислимые страшные бедствия, виновником которых был Дурьодхана, а также свой торжественный обет, сразил его. Могучие авантйские царевичи Винда и Анувинда, совершив невиданные подвиги, (также) ушли в обиталище Вайвасваты. И того героя, что всегда был послушен твоим велениям, того, кто властвовал в этом мире над десятью царствами, первым из коих было царство Синдху, — великого мужа Джаядратху поразил Арджуна, о царь, прежде того сокрушив остро отточенными стрелами одиннадцать акшаухини!

Также и сын Дурьодханы, стремительный, неистовый в битве, послушный воле отца своего (Лакшмана) сражен был сыном Субхадры! Также и отважный сын Духшасаны, опьяняющийся битвой Бахушалин, явив свою доблесть, был послан в обиталище Ямы сыном Друзады! Властитель обитающих вдоль морского побережья киратов, преданный дхарме, любимейший, высокочтимый друг самого царя богов, вечно радеющий о соблюдении обычаев кшатры царь Бхагадатта, явив свою доблесть, был послан в обиталище Ямы Завоевателем богатств! Также и родич кауравов, о царь, сын Сомадатты, многославный, отважный Бхуришравас был сражен в битве Сатьяки! Даже и Шрутаюс, царь страны Амбаштха, (величайший) стрелок из лука среди кшатриев, бесстрашно носившийся в гуще сражений, — и он был убит Савьясачином!

Сын твой, о великий царь, всегда в совершенстве владеющий оружием, неистовый в битвах Духшасана — повержен Бхимасеной! А Судакшину, о царь, у которого было дивное войско во много тысяч слонов, поразил в битве Савьясачин. Властитель Косалы, перебивший сотни врагов, явивший

чудеса доблести, — и он был послан сыном Субхадры в обиталище Ямы! И (другой) сын твой, великоколесничный боец Читрасена, многократно вступавший в схватку, был сражен Бхимасеной! А великий (воитель), сын царя мадров, вооруженный мечом и щитом, вселявший трепет в сердца врагов, — убит сыном Субхадры!

Исполненный ратного пыла, ловко владеющий оружием, отважно противостоящий врагу Вришасена был равен в сражении Карне, явил чудеса доблести, но Завоеватель богатств, вспомнив о гибели Абхиманью и о своем обете, отослал его в обиталище Ямы! Владыка земли Шрутаюс, всегда горевший враждою к Пандавам, изливши Партхе в словах всю свою ненависть, также был им убит! А доблестный сын Шальи Рукмаратха пал в сражении от руки Сахадевы, собственного брата, ибо отец его — дядя Сахадевы по матери, о досточтимый царь!

Старый царь Бхагиратха и Брихаткшатра, (властитель) кекаев, могучие, доблестные, непревзойденные мужеством, — оба убиты! Многомогущий сын Бхагадатты, достигший высокой мудрости, сражен был Накулой, словно ястреб носившимся по бранному полю! Дед же твой, Бахлика, явивший великую доблесть, со всем бахликийским войском был отослан в обиталище Ямы Бхимасеной! А могучий Джаятсена, сын Джарасандхи, правитель Магадхи, пал, о царь, от руки великого сына Субхадры. А сын твой Дурмукуха и великоколесничный боец Духсаха, чтимые герои, — оба сражены были палицей Бхимасеи. Дурмаршана, Дурвишаха и великоколесничный боец Дурджая, совершив небывалые подвиги, ушли в обиталище Вайвасваты. Советник твой, сута Вришаварман, вместилище высшей доблести, явив чудеса отваги, был отослал в обиталище Ямы Бхимасеной. А великого царя Нагаютабалу, обладавшего (согласно его имени) боевой силой в десять тысяч слонов, уничтожил вместе со всей его ратью сын Панду, Савьясачин.

Бойцы (из племени) васати числом в две тысячи и доблестные шурасены — все пали в битве, о великий царь! Опьяненные, неистово разящие, облаченные в панцири абхишахи и величайшие мастера колесничного боя шиби вместе с калин-гами — (все) погибли. В Гокуле возросшие в благополучии, преискуснейшие в ратном деле (воины из объединений) шрени, число коих достигало многих тысяч, а также полчища Связанных клятвою — все они, приблизившись к Партхе, направились в обиталище Вайвасваты.

Оба твоих шурина, государь, царственные Вришака и Ачала, ради тебя свершившие великие подвиги, пали от руки Савьясачина. А царь шальвов Угракарман, великий воитель как по имени, так и по делам своим, убит, о великий царь, Бхимасеной. Также и Огхават вместе с Брихатом, из дружбы (к тебе) явившие в битве великую доблесть, оба ушли в обиталище Вайвасваты. И первый среди колесничных бойцов Кшемадхурти, о царь, владыка народа, тоже сражен был на поле брани палицею Бхимасены. А великий лучник, могучий царь Джаласандха, учинивший страшное побоище врагам, пал в сражении от руки Сатьяки.

Алаюдха, Индра ракшасов, ехавший на колеснице, которую и влекли ослы, явив чудеса доблести, был отослан в чертог Ямы Гхатоткачей. Великоколесничные бойцы, сыновья суты, братья Радхеи, а также все кекаи истреблены были Савьяса-чином. Малавы, мадраки, исполненные свирепой отваги дравиды, яудхеи, лалиттхи, кшудраки и ушинары, мавеллаки, тундикеры, савитрипутры, канчалы, жители востока, севера, запада и юга, о почтенный, полчища пеших и тьмы конных воинов, тучи колесниц и отборные боевые слоны, герои, облаченные в нарядное платье, доспехи и украшения, с оружием и знаменами, воспитанники знатных родов, долгое время отдававшие все силы борьбе, — все они, а также другие необъятно-могучие, жаждущие смерти врага воители сражены на поле брани, о царь, рукою неумолимого в деяниях Партхи. И они, и многие другие цари с их полками пали в той битве тысячами. Так произошло при встрече Карны с Арджуной то великое побоище, о котором ты спросил меня, о царь!

Как поразил Махендра Вритру, а Рама — Равану; как Кришна сразил и поверг в битве Муру; как Рама Бхаргава в великой и грозной схватке, прославленной в трех мирах, умертвил отважного, неистово бьющегося Картавирию со всеми его близкими и родичами — так Арджуна, о царь, убил в

колесничном поединке достойнейшего из бойцов, неистового воителя Карну со всеми его друзьями и советниками.

В Карне воплощалась вся надежда сынов Дхритараштры на победу, именно от него пошла вражда, и (все же) одолели его Пандавы; мог ли ты предвидеть такое?! Вот и постиг тебя, о великий царь, тот тяжкий удар, то великое горе, о котором предупреждали тебя радеющие о благе твоём друзья! Сыновья твои возжаждали власти, а ты, думая сделать им добро, сам содеял все зло, плод которого они пожинают.

Дхритараштра сказал:

Ты перечислил, сынок, тех из наших, что сражены Пандавами. Назови теперь, о Санджая, тех из Пандавов, кого убили наши!

Санджая сказал:

Великих мужей, доблестных в битве, могучих кунти со всеми их друзьями и приближенными поверг на поле брани Бхишма. Сатьяджита, который мощью и отвагой был равен Увенчанному диадемой, сразил в бою верный обету Дрона. Почтенные летами цари Вирата и Друпата, явив ради дружбы (к Пандавам) чудеса доблести, оба вместе с их сыновьями также убиты в сражении Дроной. Царственный (Абхиманью), хоть и совсем юный, был равен в сражении Савьясачину, Кешаво и Баладеве; неборимый, он учинил великое побоище (врагам). Но шестеро военачальников на превосходнейших колесницах, досадуя, что им не по силам справиться с (его отцом), Бибхатсу, окружили и убили его. Отважный сын Субхадры, лишившись колесницы, все же твердо следовал своему долгу кшатрия; но его, о великий царь, сразил в бою сын Духшасаны.

Великий лучник, в совершенстве владеющий оружием, неистовый в битве Бриханта, явив великую доблесть, отослан Духшасаной в обиталище Ямы. Два царя, Маниман и Дандадхара, опьянявшиеся битвой, явившие во имя дружбы чудеса отваги, повержены были Дроной. Великоколесничного бойца Аншумана, царя бходжей, показавшего свою доблесть, отослал вместе с его войском в обиталище Ямы сын Бхарадваджи. Читраюдха и Читрайодхин, явив чудеса доблести, учинив (врагам) великое побоище, сражены были в битве многообразно маневрирующим (на колеснице) Карной.

Стойкий в битве, как сам Врикодара, сын (царя) кекаев (Шантарддхана), явивши доблесть, пал в битве от руки (другого) кекаи, (Брихаткшатры), брат — от руки брата! Бившийся палицею правитель горной страны, могучий Джанамеджая сражен в битве, о великий царь, сыном твоим, Дурмухой. Два мужа-тигра, (братья) Рочамана, подобные блистательным планетам, стрелами Дроны в один и тот же миг оба отосланы были на небо. И еще многие цари, о владыка народа, храбро бившиеся, явившие доблесть, свершив небывалые подвиги, ушли в обиталище Вайвасваты.

Пуруджит и Кунтибходжа, дядя Савьясачина по материг направлены стрелами Дроны в миры, обретаемые (гибелью) на поле брани. Абхибху, царя Каши, окруженного многочисленными кашийцами, разлучил в схватке с жизнью сын Васуданы. Неизмеримо мощный Юдхаманью и мужественный Уттамауджас, сразив в битве сотни героев, были сами сражены врагами. Кшатрадхарман-панчалиец и Кшатраварман, о почтенный, эти два величайших стрелка из лука были отосланы в обиталище Ямы Дроной. Кшатрадева, сын Шикхандина, словно царь возвышавшийся над прочими воителями, убит в сражении внуком твоим Лакшманой, о царь-бхарата!

Два отважных великолесничных бойца, Сучитра и Чит-радхарман, отец и сын, (бесстрашно) носившиеся по полю битвы, сражены Дропой. Вардхакшеми, о великий царь, учинивший в схватке побоище (противникам), сражен кауравой Бахликой. Дхриштaketу, наилучший колесничный воин народа чеди, свершив невиданный подвиг, ушел, о великий царь, в чертог Вайвасваты. Также и Сатьядхрити, дорогой мой, учинив (врагам) в той битве великое побоище, явив ради блага Пандавов чудеса доблести, ушел в обиталище Ямы. И Сукетут сын Шишупалы, о владыка земли, сокрушив в битве врагов.

был затем сам сражен в бою Дроной. Также и герой Сатьядхрити, и отважный Мадирашва, и доблестный Сурьядатта — все поражены стрелами Дроны. И еще ШРениман, о великий царь, сражавшийся с небывалым мужеством, свершивший невиданный подвиг, также пошел в обиталище Вайвасваты. Также и доблестный в битве, губитель вражеских героев царь Магадхи, бившийся с исключительной отвагой, сражен был Бхишмой, о царь!

И того Васудану, который в битве учинил (врагам) превеликое побоище, явил небывалую доблесть, — сын Бхарадваджи тоже направил в чертог Ямы! Все эти и многие другие великоколесничные бойцы из числа Пандавов, явивши великую доблесть, сражены были Дроной, о чем ты и просил меня рассказать!

Дхритараштра сказал:

Ныне, красноречивейший, когда перебито это храбрейшее ваше воинство, назови мне уцелевших, о сута, тех, кто еще не покинул этот мир. Те, которым ты воспел хвалу, к настоящему времени пали в битве, но и те, кого ты мнишь живыми, можно считать, обрели уже небо.

Санджая сказал:

Тот, кому превосходнейший из брахманов-воителей Дрона вручил великое, многообразное, сверкающее волшебное оружие четырех родов, великоколесничный боец, обладающий искусством и ловкостью рук, крепко разящий оружием, кулаками и стрелами, мужественный и стремительный сын Дроны стоит непоколебимо (на поле брани), о царь, желая сражаться за тебя! Житель Анарты, сын Хридики, великоколесничный боец, наилучший из сатватов, сам Бходжа Критаварман, искусно владеющий оружием, непоколебимо стоит (на поле брани), желая биться за тебя! И Гаутама, сын Шарадвана, могучий, применяющий в бою разнообразное оружие, держа огромный, великолеплный лук, способный вынести любое натяжение, непоколебимо стоит (на поле брани), готовый сражаться, о царь!

Стойкий в битве Артаяни, главный полководец твоей стороны, тот, кто, стремясь сдержать слово, вынужден был покинуть Пандавов, детей своей сестры, кто некогда обещал Ад-жаташатру угасить во время сражения воинственный пыл Сына суты, — стремительный, неборимый, Шакре равный доблестью Шалья (непоколебимо) стоит (на поле брани), готовый биться за тебя! В окружении войск своих, состоящих из аджанейев, сайндхавов, горцев, уроженцев Нади, Камбоджей, ванаю и бахликов, (непоколебимо) стоит (на поле брани) царь Гандхары, готовый сражаться за тебя! Также и сын твой, Курумित्रа, о храбрый из куру, взойдя на огненно-блещущую колесницу, (непоколебимо) стоит (на поле брани), о Индра людей, сияя, словно солнце в безоблачном небе!

Среди скопища боевых слонов, окруженный отрядами героев на своей изукрашенной золотом колеснице (непоколебимо) стоит на поле брани, ожидая битвы, доблестный Дурьодхана Стоя в окружении царей, этот отважнейший муж, сияющий, как лотос, облаченный в прекрасный золотой панцирь, блещет, будто пламя, почти не дающее дыма, словно Солнце, явившее свой лик среди туч. Также и Сушена, с мечом и щитом в руках, и (другой) сын твой, храбрый Сатьясена, непоколебимо стоят вместе с Читрасеной на поле брани, радостно возбужденные, ожидая сражения. Не желая мириться с позором, царевичи-бхараты Читраюдха, Шрутакарман, Джая, Шала и Сатьяврата с Духшалой непоколебимо стоят (на поле брани), могучие, готовые к сражению.

И высокомерный правитель кайтавьев, царский сын, в каждой битве сокрушающий своих врагов, прибывший с конницей и пехотой, на многих слонах и колесницах, непоколебимо стоит (на поле брани), желая биться за тебя! Шрутаюдха и отважный Шрутаю, Читрангада и храбрый Читраварман, верные слову, гордые собой могучие бойцы, первые мужи во всем войске — непоколебимо стоят (на поле брани)! Сын Карны, великий духом Сатьясена стоит, готовый сражаться, на бранном поле; также и два других сына Карны, достойнейшие из достойных, ловко владеющие оружием, непоколебимо стоят во главе огромного войска — чтоб ворваться в ряды его потребна немалая отвага, — и они тоже готовы сражаться за тебя! В окружении этих избранных и других превосходнейших, неизмеримо мощных

воителей стоит (на поле брани), среди скопища боевых слонов, твердо веря в победу, царь куру (Дурьодхана).

Дхритараштра сказал:

Ты перечислил мне в точности тех, кто уцелел и кто пал от (руки) врага; теперь я ясно представляю себе суть постигшей меня беды.

Вайшампаяна сказал:

Сказав эти слова, Дхритараштра, сын Амбики, осознал наконец, что войско его разбито, потеряло храбрейших бойцов и лишь немногие спаслись от гибели; тогда объяло его смятение, все чувства поразила скорбь. Теряя сознание, он молвил: «Повремени, о любезный Санджая! Рассудок мой потрясен столь огорчительной вестью!» И тотчас владыка земли утратил способность воспринимать окружающее.

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» четвертая глава.

ГЛАВА 5

Джанамеджая сказал:

Узнав, что Карна пал в бою и сыновья обращены в бегство, что сказал на это Индра царей, когда пришел в себя, о достойнейший брахман? Испытав столь великое горе из-за постигшего сыновей несчастья, что говорил он в тот миг, поведай, прошу тебя!

Вайшампаяна сказал:

Весть о гибели Карны казалась столь невероятной, невозможной, чудовищной, ввергающей в смятение все живое, как если бы сдвинулась гора Меру; как если бы — что немыслимо — померк разум многомудрого Бхаргавы или Индра, вершитель грозных деяний, осилен был бы врагами; как если бы ярко сияющее солнце пало с небосвода на землю; как «ели бы — что невозможно себе представить — пересох неисчерпаемый океан; как если бы по некоему чуду не стало разом ни земли, ни неба, ни владык сторон света; как если бы перестали приносить кармический плод и благие, и грешные деяния.

Обо всем этом помыв в связи с гибелью Карны, владыка людей Дхритараштра воскликнул: «Быть того не может! Значит, все живое в силу самой своей природы обречено на гибель!» Сердце его как бы истаяло, опаленное огнем скорби, дух был сокрушен; опечаленный, удрученный, тяжело вздыхая, возглашая: «О горе!», Дхритараштра, сын Амбики, принялся причитать, о великий царь!

Дхритараштра сказал:

Храбрый сын Адхиратхи (Карна), о Санджая, мощью равен был льву или слону, шею имел как у быка, а также подобился быку поступью, голосом и взглядом. Юноша с телом, крепким как ваджра, никогда не уклонялся он от боя, как бык (от схватки) с другим быком, хотя бы шел против него и сам великий Индра! Один лишь звук от удара его тетивы о кисть руки, один лишь шум ливня его стрел обращали в бегство на поле брани воинов пеших и конных, на слонах и на колесницах! Лишь уповая на этого мощнодланного, неколебимого героя, сокрушителя вражеских полчищ, отважился Дурьодхана затеять ссору с могучими сыновьями Панду!

Как же случилось, что Карна, первый среди колесничных бойцов, муж-тигр, чьей мощи невозможно противостоять, сражен был на поле брани Партхой? Ведь он, полагаясь на мощь своих рук, обычно не ставил ни во что ни Ачьюту, ни Завоевателя богатств, ни вришнейцев, ни кого-либо другого.

«Я один в битве повергну наземь с их чудесной колесницы двух неодолимых воителей, обладателей луков Шарнга и Гандива!» — так он часто говаривал неразумному, ослепленному алчностью, вожделеющему власти, удрученному, уязвленному Дурьодхане. еодь прежде он уже одолел сильнейших, неборимых противников: гандхаров, мадраков, матсьев, тригартов, тунгаков, шаков, панчалов, видехов, куниндов, каши и косалов, сухмов, ангов, пундров, нишадов, вангов с кичаками, ватсов, калингов, таралов ашмаков, рипгаков — и всех их, осилив в битве, сделал своими данниками!

Как Уччайхшравас — лучший среди коней, Вайшравана — среди царей (стран света), а Махендра — среда богов, так Карна — лучший среди воителей!

Царь Магадхи (Джарасандха), привлекиши его дружеским обращением, почестями, лестью и выгодами на свою сторону, сумел пленить всю правящую землей кшатру, кроме только кауравов и ядавов! Слыша о том, что Карна сражен в колесничном поединке Савьясачином, я погружаюсь в пучину скорби, оставшись как бы без лодки среди океана! Если даже столь скорбная весть не приносит мне смерть, о Санджая, то, видно, сердце мое неуязвимо, более твердо, чем ваджра! Найдется ли в мире, о сута, еще человек, кроме меня, кто не расстался бы с жизнью, узнав о таком поражении друзей своих, близких и родичей? Лучше умру от огня или яда, брошусь с горной кручи — не вынести мне, о Санджая, столь тяжкого горя! Санджая сказал:

Благочестивые мужи доньше считают, что ты своей царской удачей, рождением, славой, подвижническим пылом и ученостью равен самому Яяти, сыну Нахуши. Ученостью уподобившийся великим мудрецам, достигший цели жизни, соберись же с духом, о царь! Прочь из сердца отчаяние! Дхритараштра сказал:

Значит, всемогуща судьба и бесплодны людские усилия, если уж пал в битве Карна, подобный обликом Раме! Великий воин, он сокрушил полчища Юдхиштхиры и множества панчалийских колесниц, ливнями стрел изъязвил все стороны света! В битве он поверг в смятение Партхов, словно Держатель ваджры — асуров; как же случилось, что ныне он лежит на земле, словно дерево, сломанное ветром?

Я не вижу пределов скорби, как утопающий — берегов бескрайнего океана! Страшная мысль растет во мне, рождается жажда смерти. Слыша о гибели Карны и о победе Пхальгуны, я все ж не могу поверить, что Карна убит, о Санджая! Видно, сотворено мое сердце из того же крепчайшего вещества, что и ваджра, если не разрывается оно на части при вести о гибели мужа-тигра, Карны! Должно быть, предолгая жизнь изначально назначена мне богами, если, узнав о гибели Карны, тяжело страдая, я по-прежнему живу на этом свете! Увы, что за жизнь ждет теперь меня, человека, оставшегося без друзей! Позорный жребий выпал мне, о Санджая; я осужден влачить жалкое существование глупца, вызывающего всеобщее сострадание! Прежде весь мир высоко чтит меня; как мне жить теперь, покрытому презрением, о сута? Из одной беды впал я в другую, еще горшую, о Санджая!

Боюсь, что и других мне не увидеть живыми, если уж пали в битве Бхишма, великий духом Дрона и Сын суты! Ведь он для сыновей моих был главным залогом победы; и этот герой, выпустив тучи стрел, пал на поле битвы! Что пользы мне жить далее, лишившись его, быка среди мужей; великий воитель пал с колесницы, израненный стрелами! Как горная вершина, расколота ударом ваджры, как слон, поверженный другим разъяренным слоном, лежит он теперь, залитый кровью, украшая собою землю. Недостигаемый образец для всех стрелков из лука, тот, в ком была заключена вся сила сынов Дхритараштры и главная опасность для Пандавов, — Карна пал от руки Арджуны! Этот герой, великий лучник, своей поддержкой придававший бесстрашие моим сыновьям, лежит сраженный, словно Бала — Шакрой! Мечтания Дурьодханы столь же тщетны, как страсть к путешествиям у паралитика, как возжелания бедняка или надежда утолить жажду водяною пылью. Мы задумываем свершить одно, но все происходит иначе; увь, всемогуща Судьба, неодолимо Время!

Надеюсь, сын мой Духшасана не был сражен в тот миг, когда, пав духом, утратив мужество, он обратился в постыдное бегство, о сута? Надеюсь, милый, он не вел себя столь низко на поле битвы? Надеюсь, он не принял смерть постыдным для кшатрия образом? Юдхиштхира твердил неустанно: «Не будем враждовать!» — но не внял этому Дурьодхана, как глупец пренебрегает спасительным снадобьем. Великий духом Бхишма, покоясь на ложе из стрел, просил Партху напоить его, и тот пронзил толщу земли. Видя водную струю, высвобожденную из-под земли сыном Панду, мощнодланый (Бхишма) молвил (Дурьодхане):

«Сынок, замиришь с Пандавами! И пусть тогда наступит покой, пусть умрет вместе со мною вражда! Вместе с сынами Панду, в братском согласии наслаждайся властью над землей!» Не послушался его сын мой и ныне раскаивается в этом. И вот сбывается все, предсказанное прозорливым (Бхишмой). Погибли советники мои, о Санджая; из-за игры в кости попал я в беду, словно птица, которой отрезали крылья.

Вот так дети, бывает, поймают птицу, о Санджая, отрежут крылья и, забавляясь, довольные, выпускают ее; она же, раз крылья обрезаны, взлететь не может. Го же и со мною случилось: я — как та бескрылая птица. Измученный, потерявший все достояние, лишившийся близких и родичей, несчастный, попавший во власть врагов, — к какой стороне света направлю стопы свои?

Тот могучий (воин), который для возвеличения Дурьодханы прежде покорил всю землю, ныне сражен отважными, сильными героями-Пандавами. Когда Карна, великий лучник, пал в бою от руки Увенчанного диадемой, кто из героев был рядом с ним? Поведай мне о том, о Санджая! Верно, не был одинок и оставлен (друзьями), когда в битве сразили его пандавы! Прежде ведь ты перечислил мне, о герой, тех храбрецов, что пали в сражении. Бхишма, достойнейший из всех воителей, не оказывая сопротивления, пал в бою от превосходнейших стрел Шикхандина.

А великого лучника Дрону, который среди боя, раненный многими стрелами, сложил свое оружие и погрузился в йогу, сразил, воздев меч, Дхриштадьумна, сын Друпеды, о Санджая! Используя выгодный случай и, главное, с помощью обмана убили их обоих; так я слышал о гибели Бхишмы и Дроны! Ведь ни Бхишму, ни Дрону не смог бы сразить в бою даже сам Владетель ваджры, если бы бой шел по правилам, поверь мне!

Как смогла Смерть коснуться в битве героя, подобного Индре, отважного Карны, мечущего в цель бесчисленные волшебные стрелы? Сам Пурандара дал этому губителю в обмен на серьги волшебное, блестящее подобно молнии, изукрашенное золотом копье; а в сандаловой пыли у него хранилась вложенная (в золоченый тростниковый футляр), оперенная, змееглавая, украшенная золотом, губительная для недругов волшебная стрела. Презревши всех героев, великоколесничных бойцов, во главе с Бхишмой и Дроной, он воспринял от сына Джамадагни знание грозного оружия Брахмы.

Видя, что обратились вспять мучимые вражескими стрелами воины, возглавляемые Дроной, он, мощнодланый, рассек своими стрелами лук сына Субхадры. Он же, лишив колесницы неколебимого, наделенного мощью десяти тысяч слонов, стремительного как ветер брата своего, Бхимасену, насмеялся над ним! Он также одолел с помощью своих безупречно прямых стрел и лишил колесницы Сахадеву, но, будучи знатоком дхармы и исполнившись сострадания, не стал убивать его. Еще, развеяв тысячи колдовских чар, он поразил копьем Шакры неистового в битве Гхатоткачу, Индру ракшасов.

Из страха перед ним даже отважный Завоеватель богатств все эти дни не решался сойтись с ним на бранном поле в колесничном поединке; так как же могло случиться, что пал он в битве? Как он мог быть убит врагами, если только не увязла в земле его колесница, не сломался лук, не иссякло оружие? Кто бы мог одолеть мужа-тигра Карну, когда он, стремительный как тигр, (носясь) по бранному полю, потрясал огромным луком и выпускал из него в битве грозные стрелы, (разил) волшебным оружием? Коли ты говоришь мне, что он сражен, — значит лук его несомненно сломался, либо колесница увязла в земле, либо не стало под рукой оружия; не могу представить себе другой причины его гибели!

«Пока не убью Арджуну, не омою ног своих» — вот какой страшный обет дал великий духом (Карна). Из страха перед ним муж-бык Юдхиштхира, Царь справедливости, за тринадцать лет жизни в лесу ни разу не сомкнул глаз. Лишь уповая на доблесть этого великого духом героя, сын мой посмел силой втащить супругу Пандавов в Дом Собрания, и там, среди Зала Собрания, на глазах у Пандавов, в кругу всех куру, крикнуть ей: «Ты — супруга рабов!» Не придавая значения тому, как страшно разят пущенные из Гандивы (стрелы), глядя в лица Пандавам, сказал он ей:

«Нет у тебя более мужей, о Кришна!» Ни на миг не овладел им страх перед Партхами о сыновьями их и с Джанарданой, ибо уповал он на мощь рук своих, о Санджая! Не помыслию я, сын мой, чтобы могли сразить его в яростном натиске сами боги вместе с Васавой — что уж там говорить о Пандавах! Ведь нет на свете мужа, достойного противостоять ему лицом к лицу, когда сын Адхиратхи, воздевши кожаный щиток на кисть руки, коснется тетивы! Скорей земля может лишиться сияния солнечных и лунных лучей, чем падет в бою этот Индра людей, никогда не обращавшийся вспять!

Сын мой, неразумный, злобный, нашедший пособника в брате своем Духшасане, став ныне свидетелем того, как пал быкошей Карна, как погиб Духшасана, скорбит, верно, о том, что некогда предпочел ответить отказом Васудеве! Узнав, что Вайкартана сражен в колесничном поединке, видя, как ликуют Пандавы, что сказал при этом Дурьодхана?

Увидев, что пали в битве Дурмаршана и Вришасена, что войско разбито, гибнет под ударами великоколесничных бойцов, видя, что цари обратились вспять, помышляя только о бегстве, что колесничные несутся прочь, оплакал, верно, сын мой (свою судьбу)! Неукротимый, неуправляемый из-за своей гордыни, ребенок умом, видя, как сломлен боевой дух его войска, что сказал при этом Дурьодхана? Видя, как Бхимасена сразил в бою его брата и напился крови, что сказал при этом Дурьодхана? Вместе с царем Гандхары возглашавший в Доме Собрания:

«Карна сразит в бою Арджуну!», что сказал он, когда Карна погиб? Шакуни, сын Субалы, тот, кто прежде ликовал, затеяв игру и обманув Пандавов, — что сказал он, когда Карна погиб? Критаварман, сын Хридики, грозный лучник, велико-колесничный воитель сатватов, — что говорил он, видя сраженным Карну? Ашваттахаман, юный сын Дроны, прекрасный, многославный, мудрый, тот, у кого в ученичестве подвизались брахманы, кшатрии, вайшьи, все, кто желал постигнуть «знание лука», — что он говорил, о Санджая, когда Карна погиб? А Крипа, сын Шарадвана, постигший высшую мудрость, ставший наставником в «знании лука», — что он сказал, о сыя мой, когда Карна погиб?

А (что сказал) Шалья, царь мадров, грозный лучник, украшение битв? Воистину, все на свете-предопределено судьбой, раз погиб Карна! А все другие цари, пришедшие на землю, чтоб сражаться, что говорили они, о Санджая, увидев, как пал Вайкартана? Когда убит был отважный Карна, муж^бык, тигр среди колесничных бойцов, кто был назначен по старшинству главою всех ратей, о Санджая?

Как случилось, что Шалья, царь мадров, превосходнейший из колесничных бойцов, был поставлен возничим у Вайкартаны, о Санджая? Какие воины охраняли во время битвы правое колесо (колесницы) Сына суты, какие — левое, кто с тыла защищал героя? Кто были те храбрецы, что не оставили Карну, и кто — те трусы, что бежали в страхе? И как могло случиться, когда вы все (сражались) вместе, что был убит великоколесничный воин Карна? И как отважные Пандавы смогли приблизиться к великоколесничному бойцу в то время, как он изливал ливни стрел, словно облако — потоки воды? И как случилось, что та волшебная, змееглавая, превосходнейшая из стрел не достигла тогда своей цели, — поведай мне о том, о Санджая!

Не верю, чтобы уцелела теперь хоть малая часть от войска моего, когда цвет его погиб, когда оно обезглавлено! Что проку мне жить дальше, если знаю, что погибли ради меня те два отважных великих лучника, достойнейшие из куру, Бхишма с Дроною! Как перенести (мысль), что сражен Радхей, украшение бранного поля, мощь чьих рук равнялась мощи десяти тысяч слонов?! Поведай же мне, о Санджая, о том, как протекала битва отважнейших мужей-кауравов с их противниками после смерти Дроны! Расскажи, как Карна сражался с сынами Кунти и как тот губитель недругов вкусил на ратном поле покой (смерти).

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» пятая глава.

ГЛАВА 6

Санджая сказал:

Когда в тот день пал великий лучник Дрона и когда помрачилось сознание великоколесничного бойца, сына Дроны, о бхарата, когда побежало войско кауравов, о великий царь, Партха с братьями, (вновь) придав своей рати правильный строй, утвердился на бранном поле. Видя его стоящим (на поле битвы), свое же войско бегущим, сын твой, о бык-бхарата, мужественно отразил (натиск врага). Построив войска, уповая на мощь своих рук, в течение долгого времени, о бхарата, бился он с врагами — достигшими цели, ликующими, неустанно атакующими Пандавами; лишь дождавшись наступления сумерек, дал он приказ отходить.

Выведа (из боя) войска и придя в свой лагерь, держали куру совет о (путях к) своему благу. На превосходнейших сиденьях, усталых восхитительными покрывалами, на прекрасных тронах, на удобных ложах покоились они, словно бессмертные боги. И тогда царь Дурьодхана, обратившись к тем великим воителям со сладчайшей, подобающей случаю, утешительной речью, сказал: «Мудрейшие из мудрых, немедля выскажите каждый свое мнение о том, что при этих обстоятельствах подобает делать, как необходимо поступать, о цари!».

При этих словах Индры людей мужи-львы, восседавшие на львиных тронах, многообразными телодвижениями изъявили свою жажду битвы. Прочтя в их жестах готовность жизнями своими совершить жертвенное возлияние (огню) сражения, увидев лицо царя, сияющее словно только что взошедшее солнце, мудрый, искусный в речах сын наставника сказал: «Страстность, использование удобного случая, ловкость и житейская мудрость — вот средства достижения выгоды, возвещенные мудрыми; (успех применения) каждого из них зависит (однако) от Судьбы. Отважнейшие из людей, богоравные великоколесничные бойцы из нашего стана, наделенные житейской мудростью, умелые, преданные тебе пали (в бою). Но ни в коем случае не должны мы терять надежды на победу; ведь если эти средства использовать в жизни надлежащим образом, то можно сделать Судьбу благосклонной к себе! Поставим же Карну, превосходнейшего из мужей, наделенного всею совокупностью достоинств, начальником над войсками — п тогда сокрушим наших недругов!»

Доволен остался Дурьодхана, выслушав эту прекрасную, приятную, следующую истине, изысканную, дружественную, к пользе его направленную речь. Утвердив в этой мысли свой ум, Дурьодхана, о великий царь, уповая на мощь своих рук, так сказал Радхее: «Я знаю, о Карна, сколь ты доблестен и сколь прочна твоя дружеская привязанность ко мне! Поэтому я скажу тебе, о мощнодланый, что, (по-моему, может принести нам) благо: ты же, герой, выслушав, поступи, как понравится, как сочтешь нужным; ибо ты всегда отличался мудростью, всегда в трудный час был надежной моей опорой.

Непревзойденные колесничные бойцы, военачальники мои Бхишма и Дрона — оба пали (в битве). Но ты превосходишь мощью их обоих вместе — так стань же полководцем моим, Достопочтенный! Эти почтенные летями великие лучники оба были многим обязаны Завоевателю богатств; тогда я, по твоему совету, о Радхее, всевозможными почестями насытил их честолюбие. Бхишма, помня о том, что сыновья Панду доводятся ему внуками, на протяжении десяти дней щадил их в великой оитве. Но, поскольку ты в то время сложил оружие, то Пхальгуна, выставив вперед Шикхандина, сразил в грозной сече деда своего Бхишму! Когда же этот причастный великой Доле (герой) был сражен и возлег на ложе из стрел, то, по твоему совету, муж-тигр, предводителем был назначен Дрона. Он также щадил в битве Партхов, поскольку они прежде были его учениками. Но скоро и этот старец был убит Дхриштадьумной.

Теперь, когда убиты два этих великих вождя, о неизмеримо-доблестный, я не вижу, сколько ни ищу, воина, равного тебе в сражении! Несомненно, почтенный, ты в силах принести нам победу! Мы знаем, что это так (независимо от того), началось ли только (сражение), в самом разгаре оно или близится к концу! Потому, о почтенный, ты должен, как подобает вождю, возложить на себя в этой битве бремя (ответственности) . Соверши над собой обряд посвящения в сан военачальника!

Как могущественный, бессмертный полководец Сканда — рать богов, так и ты, досточтимый, храни это войско мое, войско сынов Дхритараштры! Сокруши вражеские рати, как Махендра — данавов!

Увидев тебя, великоколесничного бойца, стоящим на поле брани, побегут Пандавы вместе с панчалами, словно данавы при виде Вишну! Итак, возглавь, о муж-тигр, это великое воинство! Увидев, что ты стоишь на бранном поле, готовый к борьбе, лишатся разума Пандавы вместе с советниками их, с паичалами и сринджаями! Как взошедшее солнце, жгущее пламенным блеском своим, тотчас изничтожает мрак, так изничтожь и ты наших врагов!

Карна сказал:

Ведь прежде я уже сказал в присутствии твоём, сын Гандхари: «Я одолею Пандавов, о царь, вместе с их сыновьями и с Джанарданой!» Разумеется, я готов стать твоим военачальником. Будь крепок духом, великий царь, и считай, что Пандавы уже побеждены!

Санджая сказал:

При этих словах исполненный духовного пыла царь Дурьйодхана встал (с сиденья), а вслед за ним встали, словно боги вслед за Совершителем ста жертвоприношений, и другие цари для того, чтобы почтить Карну саном военачальника, подобно тому как некогда небожители почтили Сканду.

Затем жаждущие победы цари во главе с Дурьйодханой поспешно совершили над Карной, о царь, восседавшим на троне из дерева удумбара и укрытым шелковой тканью, обряд «окропления», в соответствии с обычаем, согласно предписаниям шаштр, используя освященные мантрами золотые и глиняные сосуды, наполненные водою рога могучих быков, носорогов и бивни слонов, прочие изделия из жемчуга и драгоценных камней, благовонные растения и другую тщательно подобранную утварь. «Одолей в великой битве Партхов с Говиндой и всеми их приспешниками! — так возглашали, о бык-бхарата, брахманы и вандины. — Ради нашей победы, о Радхей, уничтожь Партхов с панчалами, как восходящее солнце своими грозными лучами изо дня в день истребляет мрак! Пандавы вместе с Кешавой, дотоле неуязвимые, не вынесут вида выпущенных тобой стрел, как не выдерживает взор пламенных лучей солнца. Не устоят Партхи с панчалами, словно данавы — перед Махендрой, когда ты двинешься на них в битве, обнажив свой меч!».

Необъятным великолепием наделенный Карна, приняв посвящение, воссиял красою и величием словно второе солнце. А сын твой, движимый роком, посвятив Радхей в военачальники, уже мнил себя достигшим осуществления заветной цели. Губитель недругов Карна, о царь, вступив в должность военачальника, повелел (войскам) на восходе солнца построиться в боевой порядок. В окружении сыновей твоих, о бхарата, чоссиял тогда Карна величием, словно окруженный богами Сканды в битве, завязавшейся из-за Тараки.

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» шестая глава.

ГЛАВА 7

Дхритараштра сказал:

Когда Карна был посвящен в военачальники, когда сам же царь обратился к нему с ласковой речью, как к брату, когда повелел он войскам построиться на восходе солнца — что совершил затем многомудрый Вайкартана? Поведай мне о том, о Санджая!

Санджая сказал:

Исполняя желание Карны, сын твой, о бык-бхарата, при радостных звуках музыки отдал войскам приказ строиться в боевой порядок. Рано утром, в последнюю стражу перед восходом, сын твой, о почтенный, вдруг воскричал громогласно: «Стройся! Стройся!» Тут снаряжаемые к бою слоны и огражденные колесницы, вооружающиеся пехотинцы и конница, воины, в спешке кричащие друг на друга, — все они, о народоправитель, подняли страшный шум, вознесшийся до самых небес.

Затем, (держа в руках) лук, изукрашенный с тыльной стороны золотом, явился Сын суты на огражденной колеснице, сияющей чисто, как Солнце, влекомой конями, золотистыми, будто только что взошедшее светило, снабженной многочисленными флажками, белым стягом, знаменем с эмблемой «Слоновьей подпруги», (запасным) луком, колчаном, полным стрел, обручем,

колокольцами, шатагхни, дротиками, пилами, копьями. При этом, о сын мой, он дул в свою раковину, снабженную золотистой сетью, и потрясал огромным златоизукрашенным луком.

Когда кауравы, о почтенный, увидели Карну, великого лучника, превосходнейшего колесничного бойца, который высился на своей колеснице подобно солнцу восхода, тысячекратно истребляющему мрак, то они перестали, о муж-тигр, скорбеть о гибели Бхишмы, Дроны и других воителей!

И тут, подгоняя воинов трубным звуком своей раковины, Карна двинул вперед воинство кауравов. Тот великий лучник, притеснитель недругов Карна расположил свою рать боевым порядком «макара» и, предвкушая победу, устремился навстречу Пандавам. В пасти того макары, о царь, стоял сам Карна, в глазах макары, о герой, — Шакуни и великоколесничный боец Улука. На темени стоял сын Дроны, на загривке — все единоутробные братья, в центре — сам царь Дурьодхана, сопровождаемый несметным воинством.

У левой лапы макары, о Индра царей, стоял Критаварман, окруженный отрядами нараянов и неистовых в битве гопалов; а у правой лапы, о царь, — истинно-доблестный Гаутама (Крипа), сопровождаемый великими лучниками из числа тригартвов и жителей южной страны. У левой задней лапы стоял Шалья с огромным воинством из страны мадров, а у правой, о великий царь, — верный слову Сушена, окруженный тысячами колесниц и сотнями слонов. При хвосте же макары находились с большим воинством два царственных брата, великих героя: Читра и Читрасена.

И вот, когда Карна, достойнейший из мужей, двинулся в бой, то Царь справедливости, поглядев на Завоевателя богатств, сказал так, о Индра царей: «Смотри, о Партха, как воинство сынов Дхритараштры, возглавляемое великоколесничными бойцами, построено Карной на бранном поле, о герой! Но эта великая рать сынов Дхритараштры потеряла отважнейших своих бойцов; уцелели только слабейшие, о мощнодланный, коих я мною ничтожными, словно стебли травы! Одинокое стоит среди них великий лучник, Сын суты, превосходнейший колесничный боец, кого не смогли бы одолеть все три мира со всем в них движущимся и неподвижным, с богами, асурами гандхарвами, с киннарами и великими змеями! Срази его — и ты обретешь ныне победу, о мощнодланный Пхальгуна, и тотчас будет извлечен терний, мучивший меня двенадцать лет! Помня об этом, выстрой войска в боевой порядок, какой сочтешь нужным, о мощнодланный!»

Вняв этим словам брата, Пандава Белокопный расположил свое войско оборонительным строем, имевшим форму полумесяца. На левом краю его, о царь, встал Бхимасена, на правом — великий лучник, могучий Дхриштадьумна, в центре боевого порядка — сам Пандава, коему возничим служил Кришна; а с тыла замыкали строй Накула, Сахадева и Царь справедливости. «Стражами колес» при Арджуне стали два панчалийских царевича, Уттамауджас и Юддхаманью; в битве ни на миг не покидали они Увенчанного диадемой, и сам он тоже постоянно оказывал им помощь. И все остальные, облаченные в доспехи цари-герои также заняли в боевом строю места, соответствовавшие их характеру, достоинствам и отваге, о бхарата!

Расположив таким образом свои войска в величественные боевые порядки, Пандавы и великие воители твоей стороны, о бхарата, возгорелись жаждою битвы. Глядя на твое воинство, построенное Сыном суты на бранном поле, сын твой и соратники его мнили Пандавов уже сраженными. А Юдхиштира, глядя на войска Пандавов в боевом строю, также полагал всех сынов Дхритараштры вместе с Карной уже сраженными, о владыка людей! Повсюду раздавались громкие звуки раковин, гром барабанов, литавр, панава и «бычьих морд»; этот шум оглашал оба стана, о царь! Слышны были также львиные кличи героев, жаждавших победы. Кони ржали, слоны трубили, грозно скрежетали ободья колесниц, о владыка людей!

Глядя на великого лучника, облаченного в панцирь Карну, стоявшего во главе боевого строя, никто из кауравов уже не скорбел о потере Дроны, о бык-бхарата! Оба великих войска, состоявшие из радостно возбужденных людей и слонов, желая битвы, противостояли друг другу, готовые по первому знаку разить насмерть, о царь! А между двух ратей красовались, о Индра царей, готовые к бою,

преисполнявшиеся ярости при виде друг друга Карна и Пандава. И когда оба войска сблизились, то они, казалось, пустились в пляс всеми краями своими и крыльями, ибо вырвались из рядов вперед жаждавшие сражения воины. И началось тут побоище крепко разивши друг друга людей, коней, слонов и колесничных воинов, о великий царь!

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» седьмая глава.

ГЛАВА 8

Санджая сказал:

Сойдясь друг с другом, те два великих воинства, подобные ратям богов и асуров, состоящие из разъяренных людей, коней и слонов, учинили меж собою сечу. Пешие воины, наездники слонов, всадники и колесничные бойцы наносили друг другу мощные удары, разлучающие о телом и избавляющие от грехов. Мужья-львы усеяли всю землю головами других мужей-львов, и были те головы подобны красю полной луне, сиянием — солнцу, а ароматом — лотосу. Стрелами с расширенными, серповидными и подковообразными наконечниками, мечами, широкими копьями и топорами сражающиеся сносили друг другу головы. Мужья с длинными и мощными руками отекали другим мужам с длинными и мощными руками их Длинные мощные руки, и те падали на землю с перерубленными кистями, изломанным оружием и браслетами. Этими еще трепещущими руками, пальцы и ладони которых обагрены оыпл кровью, украшалась земля, словно телами грозных пятилавых змеев, умерщвленных Гарудой.

Сраженные недругами Рои падали со своих коней, колесниц и слонов, как обитатели неба низвергаются вниз со своих виман, когда исчерпается их благая заслуга. Сотнями падали храбрецы, которых другие, храбрейшие, разили в битве тяжелыми палицами, дубинами, булавами. Колесница сокрушала колесницу, один разъяренный слон — другого, всадник сбивал всадника в этом невиданном столпотворении. Падали наземь среди битвы колесничные воины, сраженные другими превосходнейшими колесницами и слонами, всадники, сраженные пешими воинами, пешие, сраженные всадниками; колесничные бойцы, всадников и пехота, сраженные слонами, слоны и пешие, сраженные колесницами; пехота, колесницы и слоны, сокрушенные конницей; конница, колесницы и слоны, сокрушенные пешими людьми. Пехота, конница, колесничное войско и слоны учинили колесничному войску, коннице, слонам и пехоте руками своими, йогами, оружием и колесницами невиданное побоище.

Когда же погубило все это истребляемое героями (передовое) войско, то Партхи во главе с Врикодарой двинулись прямо на нас. Дхриштадьюмна, Шикхандин, сыновья Драупади и прабхадраки, Сатьяки и Чекитана с отрядами дравидов, сопутствуемые огромной воинской силой пандьи и удры с кералами, широкогрудые, длиннорукие, статные, ладные, украшенные венками, краснозубые, не уступающие мощью разъяренным слонам, облаченные в разноцветные одежды, умащенные благовонными порошками.

С мечами, с арканами в руках, способные обратить вспять боевых слонов воители, готовые умереть друг за друга, о царь, с колчанами, с луками в руках, длинноволосые, охочие до битв, устрашающим видом и грозной доблестью наделены были те пешие воины, приведенные Сатьяки из страны андхров! Устремились вперед и другие герои: чеди, панчалы, кекаи, каруши, косалы, каши, магадхи. Казалось, их колесницы, слоны и превосходнейшие-пешие воины, возбужденные многообразными шумами (боя), развеселились и пустились в пляс!

Едущий на загривке слона, сопровождаемый искуснейшими наездниками слонов в самую середину того великого войска твоего врезался Врикодара. И весьма грозный видом, подобающе снаряженный, превосходнейший слон, на котором восседал он, сиял, словно дворец на вершине горы Удая, когда покажется над ним восходящее солнце. А его превосходный железный доспех, украшенный отборными самоцветами, подобен был сиянием осеннему (ночному) небу, полному ярко мерцающих звезд. Разнаряженный, увенчанный прекрасной диадемой, меча рукой дротики и легкие копья, двигался он подобно солнцу полудня, пылом своим сожигая недругов.

Издали завидев того слона, Кшемадхурти, сам восседавший на слоне, бросил (Бхиме) вызов и, ликуя, напал на своего еще более ликующего противника. Их слоны, грозные обликом, подобные двум огромным лесистым горам, сами завязали друг с другом бой. А те два героя, когда слоны их схватились меж собой, принялись, громко крича, изо всех сил разить друг друга сверкающими как солнечные лучи дротиками.

Затем, разойдясь, стали они описывать на своих слонах круги и, взявши луки, разить друг друга (стрелами). Хлопками рук, криками, свистом стрел веселили они сердца всех людей; оба издавали львиные кличи. Оба могучие и искусные, бились они на слонах, а слоны задирали хоботы и ветер развеивал флаги на их спинах. Расщепив друг другу луки, Бхима и Кшемадхурти с громким ревом обрушили затем друг на друга ливни дротиков и копий; так две (грохочущие) тучи в пору дождей (разят) одна другую потоками воды.

И вот Кшемадхурти, внезапно поразив Бхиму легким копьем, а затем и шестью другими в середину груди, издал (победный) крик. Бхимасена, восплавленный от гнева всем телом, сиял с этими копьями (в груди), словно семиконный Апшуман с (затемняющими его блеск) облаками. Тогда Бхима изо всех сил метнул в своего недруга цельножелезное, блеском подобное Солнцу, неотвратно летящее к цели копье. Но повелитель кулутов взял лук и расщепил то копье десятью стрелами, а затем сам своей пикой поразил Пандаву. А Пандава, разъярившись, тоже взял лук, громышающий, словно грозовая туча, и изранил стрелами слона своего недруга. Терзаемый ливнями стрел Бхимасены, тот слон, как ни старался его удержать Кшемадхурти, не устоял все же на поле боя, словно облако, развеянное ветром. А царственный слон Бхимасены устремился на слона Кшемадхурти, как подгоняемая ветром туча — на уносимое ураганом облако.

С трудом заставив своего слона повернуть обратно, мадхурти принялся разить стрелами наступающего Бхимасену с его слоном. Удачно пущенной стрелой «бритвой» тот муж-бык рассек у врага тетиву, а затем изранил слона своего противника. И еще поразил Кшемадхурти Бхиму стрелой «ложкой», а слону его пронзил все средоточия жизни железными стрелами. Бхимасена, прежде чем рухнул его слон, успел соскочить на землю и, пеший, сокрушил слона своего противника палицей. Когда же Кшемадхурти спрыгнул со своего поверженного слона и бросился, воздев свой меч, на Бхиму, то и его самого сразил палицей Вриккодара.

И тот, будучи сражен, пал бездыханным, с мечом в руке, рядом со своим слоном; так лев, сраженный ваджрой, (падает замертво) подле раздробленной ваджрой горы. Видя царя — творца славы кауравов — сраженным, воинство твое, удрученное, обратилось в бегство, о бык-бхарата!

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» восьмая глава.

ГЛАВА 9

Санджая сказал: Тогда отважный, великий лучник Карна принялся на поле|брани разить безупречно прямыми стрелами воинство Пандавов. Тут и Пандавы, великоколесничные бойцы, стали, разъяренные, разить на глазах у Карны, твоего сына, его войско, о царь! Но мощнодланый Карна, о царь, крушил рать; Пандавов выровненными кузнецом железными стрелами, что подобны блеском солнечным лучам! И вот слоны, о бхарата, терзаемые стрелами Карны, заревели, обуянные ужасом, обессилели и пустились бежать во всех десяти направлениях!

Но, когда Сын суты истреблял то войско, о почтенный, стремительно обрушился на него среди битвы Накула! Бхимасена противостал сыну Дроны, вершившему трудноисполнимые деяния, а Сатьяки — (братьям) Кекаям: Винде и Анувинде, владыка земли Читрасена — наступавшему на него Шрутакарману, а Читра, обладатель великолепных знамени и лука, — Пративиндхье, Дурьодхана устремился на царя Юдхистхиру, сына Дхармы, а разгневанный Завоеватель богатств — на полчища Связанных клятвою.

Среди той сечи, в коей гибли достойнейшие из героев, Дхриштадьюмна схватился с Крипою, а Шикхандин — с неколебимым Критаварманом, Шрутакирти — с Шальей, а могучий Сахадева, сын Мадри, — с сыном твоим Духшасаной, о великий царь!

В той битве Кекаи окутали ливнем сверкающих стрел Сатьяки, а он — их обоих, о бхарата! Двое братьев тяжело поразили того героя в грудь, как два слона в грозной схватке бивнями разят слона-соперника. Те двое братьев, доспехи на которых были в сражении иссечены стрелами, изранили тогда своими стрелами вершителя праведных деяний Сатьяки, о царь! Усмехнувшись, Сатьяки затмил ливнем стрел все стороны света, о великий царь, и дал отпор тем двоим, о бхарата! Но те двое, хотя и потеснил их внук Шипи ливнями своих стрел, тотчас затмили его колесницу своими стрелами! Потомок Шуры тогда расщепил у обоих их прекрасные луки и окутал их своими стрелами, острыми, тяжкоразящими.

Тут они, взяв себе два других великолепных лука и мощные «трелы, принялись, осыпая ими Сатьяки, разьежжать вокруг него с великим умением и проворством. И пущенные ими одетые перьями павлина и цапли, изукрашенные золотом мощные стрелы полетели, заливая светом все стороны света. От (блеска) их стрел в той великой битве ничего не было видно, о царь! Но тут те великоколесничные бойцы расщепили друг другу луки.

Тогда, о великий царь, разъяренный, одурманенный битвой, Сатвата, взяв новый лук и натянув средь боя тетиву, острейшей стрелою-«бритвой» снес Анувинде голову. И та большая голова, отягощенная серьгами, пала на землю, как (некогда) голова сраженного в великой битве (демона) Шамбары; стремительно пала она на землю, иссушив сердца всех кекаев.

Увидев, что этот герой сражен, брат его, великоколесничный боец, надевши тетиву на новый лук, отразил натиск внука Шипи. Поразив Сатьяки легким копьем и златооперенными, заточенными на камне стрелами, тот могучий (воин) издал громогласный клич и так воззвал к нему: «Стой! Защищайся!» Затем, разъярившись, тот великоколесничный боец кекаев вновь поранил Сатьяки в руки и в грудь пламенными стрелами. А тот Сатвата, прозревающий существо вещей, чье тело было сплошь изранено стрелами, воссиял средь бранного поля красую, о царь, словно цветущее дерево киншука.

Пронзенный (стрелами) великосущного Кекаи Сатьяки в том бою (в ответ на это сам) поразил Кекаю, словно играючи, двадцатью пятью стрелами. Оба (воителя) с мощными руками, взявши щиты, каждый из которых был покрыт сотнями (изображений) луны, воздев превосходнейшие мечи, красовались на той гигантской зрелищной арене, словно могучие Джамбха и Шакра в битве богов с асурами.

И, описывая (колесницами) круги по полю брани, оба они в той схватке стремительно разили друг друга мечами. Вот Сатвата надвое рассек щит Кекаи; но и тот царь тоже расколол щит у Сатьяки. Рассекши тот щит, покрытый изображениями сотен созвездий, Кекаю начал описывать (колесницей) круги, то приближаясь, то удаляясь (от противника). Но когда он, вооруженный превосходнейшим мечом, кружил по той огромной арене, то его разрубил, (ударив) наотмашь, щедро одаренный ловкостью внук ТПшти. И великий лучник Кекаю, перерубленный вместе с доспехом надвое, рухнул средь битвы наземь, словно гора, сокрушенная ваджрой, о царь!

Одолев его в битве, тот герой, превосходнейший из колесничных бойцов, утеснитель недругов, вуук Шини поспешно взошел на колесницу Юдхиманью. И, стоя на новой, подобающе подготовленной к бою колеснице, Сатьяки вновь начал веять стрелами в огромную рать кекаев. Избиваемое на поле брани несметное воинство Кекаи, отступившись от недруга своего на колеснице, бросилось бежать во всех десяти направлениях.

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» девятая глава.

ГЛАВА 10

Санджая сказал:

Шрутакарман, о великий царь, разгневавшись, поразил в битве владыку земли Читрасепу пятьюдесятью стрелами с червеообразными наконечниками. Но и царь абхисаров, ударив в Шрутакармана девятью остро отточенными стрелами, пять (другими) пронзил (его) возничего. Тогда Шрутакарман, разгневавшись, остройшей железной стрелой ранил стоявшего во главе войска Читрасену в средоточие жизни. В последующий миг многославный Шрутакирти накрыл того владыку земли девятью десятками оперенных стрел.

Затем великоколесничный боец Читрасена, к которому вернулось сознание, широко лезвийной стрелой рассек ему (Шрутакарману) лук и самого его ранил семью (стрелами). А Шрутакарман, взявши новый златоизукрашенный, стремительно разящий лук, залил Читрасену волнами стрел, чем придал ему изумительнейший облик.

Украшенный стрелами, увешанный прекрасными венками тот юноша блистал, словно некий богато наряженный юнец среди собрания, о царь!

Вот, разъярившись, поразил он в бою Шрутакармана железной стрелой в середину груди и воскликнул: «Стой! Защищайся!» А Шрутакарман, раненный в битве железной стрелой, в обилии пролил кровь, как гора (изливает) воду, окрашенную красным песчаником⁶⁵. Весь красный от крови, с перемазанным ею телом, он сиял среди битвы красой, о царь, словно дерево киншука в цвету!

Тут Шрутакарман, теснимый врагами, дал им отпор, о царь, и перерубил надвое лук (Читрасены). А когда лук (у Читрасены) был сломан, то многославный Шрутакарман поразил его тремя сотнями железных стрел, о достойнейший бхарата! Затем еще одной остройшей широколезвийной стрелой стремительно и мощно отсек он увенчанную шлемом голову того великого духом (героя). И та огромная голова облаченного в нарядный доспех (Читрасены) упала на землю, словно месяц, внезапно рухнувший наземь с небес!

Увидев, что сражен царь абхисаров, воины Читрасены тотчас устремились в бой, о почтенный! Но великий лучник, восплавленный гневом, обрушился на их войско, (разя) стрелами, как Царь усопших в срок конца (мира) яростно обрушивается на живые существа; быстро потеснив их стрелами, Шрутакарман воссиял (величием).

А Пративиндхья, ранив Читру пятью стремительными стрелами, еще тремя поразил его возничего и одной — знамя. Читра девятью златокрыльми, отполированными на камне, оснащенными оперением цапли и павлина, широколезвийными стрелами изранил ему руки и грудь. Пративиндхья, рассекши стрелами лук Читры, о бхарата, пятью другими острыми поразил и его самого. Затем метнул Читра в Пративиндхью, о великий царь, неотразимое, с золотым древком копьё, грозное видом, подобно огнеглавой (комете). Но когда оно стремительно падало на него из поднебесья, будто пламенный метеор, Пративиндхья, словно играючи, рассек его среди битвы надвое.

И тогда оно рухнуло наземь, рассеченное острыми стрелами Пративиндхьи, как низвергается, приводя в трепет все живое, ашани по завершении мирового периода.

Видя, что его копьё сокрушено, взял Читра огромную, покрытую золотым узором палицу и метнул ее в Пративиндхью. Сразила она среди битвы его коней и возничего, изломала колесницу и с силой ударила в землю. В этот самый миг, отпрыгнув с колесницы, Пративиндхья бросил в Читру изукрашенное, увешанное золотыми колокольцами копьё, о бхарата!

То дивноблещущее копьё, настигнув среди битвы отважного Пративиндхью, пронзило его правую руку и затем упало на землю; падая, оно озаряло светом окрестность, словно ашани. Тогда Пративиндхья, о царь, разъярившись и возжелав убить Читру, метнул в него изукрашенную золотом железную пику. Пронзив его защитный доспех и грудь, она стремительно ушла в землю, словно гигантская змея — в свою нору. И пораженный той пикой, о царь, он пал тогда (на землю), раскинув большие, массивные руки, подобные двум железным брусам.

Увидев, что сражен Читра, (воины) твоей стороны, украшения поля брани, со всех сторон стремительно набросились на Пративиндхью. Меча всевозможные стрелы и увешанные колокольцами шатагхни, они затмили его, как скопища облаков (затмевают) солнце. Но мощнодланый (Пративиндхья), отразив их натиск среди битвы тучею стрел, погнал прочь твоё воинство, словно Держащий ваджру в деснице — (воинство) асуров. Те твои (воины), избиваемые на поле брани Пандавами, поспешно рассеялись, словно облака, разогнанные ветром, о царь!

Когда то воинство, разимое со всех сторон, бежало, сын Дроны в одиночку устремился на могучего Бхимасену. И в один миг закипела меж ними двумя грозная схватка, подобная той, что была у Васавы с Вритрой во время битвы богов с асурами.

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» десятая глава.

ГЛАВА 11

Санджая сказал:

И вот сын Дроны, наделенный небывалой стремительностью, являя изумительную ловкость в обращении с оружием, поразил оперенной стрелой Бхимасену, о царь! Затем он, славящийся проворством своих рук, знающий уязвимые места (человеческого тела), пронзил его, целя в самые средоточия Жизни, еще девятью десятками острых стрел. Бхимасена, усыпанный (вонзившимися в его тело) острыми стрелами сына Ароны, являл в той битве величественный вид, словно солнце, оцетинившееся лучами, о царь! Вот Пандава, окутав детище?

Дроны тысячью метко направленных в цель стрел, издал! боевой львиный клич! Но сын Дроны, отразив в той битве! стрелы его своими, затем, как бы в насмешку, поразил Пандаву железной стрелой в лоб. И эту стрелу, вонзившуюся в лоб, нес Пандава на своем челе, как разъяренный носорог в лесу несет свой рог, о царь! Потом доблестный Бхима тоже, как бы забавляясь, поразил сопротивляющегося ему изо всех сил сына Дроны тремя железными стрелами в лоб. И с этими стрелами во лбу являл собой тот брахман дивное зрелище, словно величественная гора с тремя пиками, омытая (ливнем) в пору дождей.

Вслед за тем еще сотнями стрел изранил Пандава сына Дроны, но все же не смог поколебать его, как ветер не в силах поколебать гору. И сын Дроны, горевший восторгом битвы, тоже не смог в той схватке сотнями острых стрел поколебать Пандаву, как не могут поколебать гору потоки ливня. Окутывая друг друга тучами грозных стрел, искусно передвигаясь на своих колесницах, те два отважных великоколесничных бойца, первенствующие в битве, являли дивный вид. Превосходнейшими стрелами терзали они друг друга, как два пылающих, солнца, чинящих светопреставление, опаляют друг друга своими лучами.

Изо всех сил нападая и обороняясь в той великой битве, оба они, не ведая страха, с великим усердием то атаковали, то защищались; те два великоколесничных бойца кружили по бранному полю, словно два страшных неодолимых тигра, чьи зубы — стрелы, чьи разверстые пасти — луки. Из-за множества повсюду летающих стрел оба стали невидимы, как солнце и месяц, заслоненные в небе скопищами туч; но вскоре те два утеснителя недругов вновь воссияли, подобно двум этим светилам, когда они вырвутся в небе из толщи облаков.

Вот сын Дроны совершил вокруг Врикодары объезд апа-савья и осыпал его сотнями грозных стрел, как (дождь поливает) гору потоками воды. Не мог потерпеть Бхима, что враг его являет тем самым как бы залог своей победы; стал он противодействовать совершающему апасавью (Ашваттахману), о царь! И между ними двумя, совершавшими среди великой битвы наступательные и понятные движения, в соответствии с (выполняемым в данный момент) элементом (колесничного) маневра, была там шумная схватка. Разъезжая в различных направлениях и по кругу, они разили друга друга стрелами, пущенными из напрягаемых до предела луков. Оба великоколесничных бойца прилагали все силы, чтобы убить друг друга, и каждый стремился в битве лишить другого его колесницы.

Затем великоколесничный боец, сын Дроны, явил взорам различное чудесное оружие; но все его в битве отразил своим оружием Пандава. И была тут, о великий царь, грозная битва всевозможного их оружия, подобная грозной битве планет, была при погибели всего живого. Стрелы, пущенные ими, сшибались друг с другом в воздухе, ярко озаряя стоящие повсюду войска и все стороны света, о бхарата! Поднебесье, заполненное множествами стрел, приняло ужасающий вид, как бывает при падении дождя пылающих комет в пору уничтожения всего живого, о царь! От ударов стрел друг о друга там возгорелось пламя с искрами и огненными языками, которое принялось пожирать оба войска, о бхарата!

И вот, о великий царь, сиддхи, слетевшиеся туда, сказали так: «Битва эта непомерно превосходит все прочие битвы! Все другие сражения не стоят и одной шестнадцатой доли этого! Подобной битвы нет, не было и не будет более! Сколь богаты оба они знаниями, сколь щедро наделены грозной доблестью! Сколь устрашающа мощь Бхимы, сколь оба искусны во владении оружием! Сколь стремителен этот герой, и как ловки они оба! Поистине, они стоят на поле брани, подобно двум Ямам-Губителям! Грозные обликом два этих мужа-тигра в битве подобны двум воплощенным Рудрам, или двум Солнцам, или двум Ямам!».

Вот такие слышались тогда то и дело возгласы сиддхов; а собравшиеся небожители, наблюдая чудесные, невиданные подвиги тех двух героев в сражении, издавали боевой львиный клич.

А те два героя в битве осыпали друг друга оскорблениями и пожирали расширившимися в ярости очами, о царь! От гнева глаза их покраснели, губы дрожали; в ярости они скрипели губами и прикусывали губы. Те два великоколесничных бойца покрыли друг друга ливнями стрел; стрелы их были в той битве — как потоки воды, сверкание оружия — как блеск молний. Изорвав друг другу знамена, ранив колесничих и коней, о два великоколесничных бойца принялись затем разить друг друга.

Наконец, разгневанные, взяв среди великой битвы каждый по стреле, поспешно пустили они их друг в друга, о великий царь, ища друг другу смерти. И те две стрелы, неотразимые, сверкающие, стремительные, как ваджра, настигли тех двух стоявших во главе ратей героев и поразили обоих, о великий царь! И оба великих воителя, тяжело раненные теми стрелами, сокрушенные мощью друг друга, пали тогда на днища своих колесниц. Тут возник чих, видя, что сын Дроны лишился сознания, вывез его из битвы на виду у всех кшатриев. А утеснителя недругов Пандаву, чье сознание то и дело угасало, его возник чих также вывез из битвы на колеснице.

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» одиннадцатая глава.

ГЛАВА 12

Дхритараштра сказал:

Как проходила битва Связанных клятвою с Арджуной и других моих — с Пандавами, о том мне поведай!

Санджая сказал:

Слушай, о царь, поведаю тебе все, как было, о битве героев с недругами, гибельной для тела и для грехов! Губитель врагов Партха, ворвавшись в подобное морю воинство Связанных клятвою, взволновал его, как сильный ветер (волнует) океан. Снося острыми широколезвийными стрелами головы героев: с лицами, ясными как полная луна, с прекрасными очами, глазами и зубами, Завоеватель богатств вскоре устелил ими всю землю, словно сорванными со стеблей цветами лотоса! Стрелами с бритвообразными наконечниками отсекал Арджуна в битве округлые, длинные, холеные, умашенные сандалом и алоэ, сжимающие оружие, прикрытые доспехами, подобные пятиглавым змеям руки недругов.

То и дело разрубал Пандава широколезвийными стрелами запряженных в колесницы мощных коней, возник чих, знамена, луки, стрелы, руки и кисти рук (врагов). Слонов, коней и колесницы с

едущими на них воинами многими тысячами стрел отсылал Пандава в той битве в обиталище Ямы. Они же, в гнев издавая рев, словно разъяренные быки, соперничающие из-за телки, с рычанием обрушились на того героя и его, разящего в ответ, разили стрелами, словно быки — рогами. И была между ними в трепет повергающая битва, подобная той, что была у Владетеля ваджры с дайтями при покорении (им) тройственной вселенной.

Со всех сторон отразив своим оружием оружие врагов, поспешно пронзив многочисленными стрелами их жизненные центры, Арджуна громко вскричал. Как ветер — облака, так разбивал он на куски колесницы, у которых колеса, дышла и оси были изломаны, бойцы их, кони и возничие сражены, поломано оружие и колчаны, сокрушены знамена, порваны крепления ярма и поводья, передки и ярма рассечены, все многообразное вооружение изломано.

Повергая всех в изумление, вселяя ужас в сердца врагов, согершал Арджуна восхищающий взоры подвиг, который был бы по силам только тысяче колесничных бойцов. Сонмы сиддхов и божественных мудрецов, а также чараны пели ему хвалы; гремели барабаны богов; над головами Кешавы с Арджуной выпали цветочные дожди и бестелесный голос произнес: «Кешава с Арджуной — два героя, наделенных красотой Месяца, пламенностью Солнца, силою Ветра и светозарностью Огня! Стоя на одной колеснице, эти два героя неодолимы, словно Брахма и Ишана! Два эти героя, величайшие из живых существ, суть Нара Нараяна!».

Видевший и слышавший все эти великие чудеса, о бхарата, Ашваттхаман, собрав все силы, обрушился в битве на обоих Кришн! Рукой, державшей стрелу, призывно помахав Пандаве, отправлявшему стрелы, (подобные) Яме-Губителю, сын Дроны усмешкой сказал: «Если ты, о герой, видишь во мне достойного гостя, то от всей души выкажи мне подобающее гостю уважение, сразившись со мною!».

Когда сын наставника, горя каждою битвы, бросил ему этот вызов, Арджуна, чувствуя себя весьма польщенным, так обратился к Джанардане: «Я должен сразить Связанных клятвою, но меня вызывает и сын Дроны; посоветуй, о мощнодланый, как мне надлежит теперь поступить!». Услышав это, Кришна повез Партху, которому победоносный (недруг) по всем правилам бросил вызов, туда, где находился сын Дроны, как Ваю (доставляет) Индру к (месту) жертвоприношения. Обратившись к сыну Дроны, Кешава, все сознание которого было устремлено к одной цели, сказал:

«Держись стойко, Ашваттхаман, проворно рази и защищайся! Пришло время, когда нахлебники должны воздать хозяевам за угощение! Брахманы (при ритуальном состязании между гостем и хозяином) ведут спор из-за тонкостей (дхармы), а кшатрии — из-за вещей значительных: поражения или победы! Если ты хочешь удостоиться, по глупости своей, «божественного гостеприимства» Партхи, чего тебе не пережить, то будь же ныне тверд и сразись с Пандавой!».

В ответ на эти слова Васудевы достойнейший из дважды-рожденных молвил: «Да будет так!», а затем шестьюдесятью железными стрелами поразил Кешаву и тремя — Арджуну. Придя в ярость, Арджуна тремя широколезвийными стрелами рассек его лук; тогда сын Дроны взял другой лук, еще более грозный. В мгновение ока напруг он тетиву и поразил Кешаву с Арджуной: Васудеву — тремя, а Пандаву — тысячью стрел. Затем сын Дроны, гневаясь, выпустил тысячи, миллионы, сотни миллионов стрел, чем совершенно ошеломил среди битвы Арджуну. (Сами собой) стрелы стали вылетать, о почтенный, из колчана, из лука, из тетивы, из пальцев, из рук, из кулаков, из груди, изо рта, носа, глаз, ушей, из головы, из всех членов, из пор тела, из колесницы и стяга того искусного изрекателя мантр. Великим множеством стрел поразив Кешаву с Пандавой, сын Дроны, обуянный радостью, вскричал так громко, как грохочет скопище грозных туч.

Услышав его крик, Пандава молвил Ачьюте: «Гляди, о Мадхава, как злоумышляет против меня сын Дроны! Заклучив нас как бы в дом из стрел, он полагает нас обреченными гибели! Но я силой своей и искусством разрушу его планы!». И расщепив каждую из стрел, пущенных Ашваттхаманом, натрое, достойнейший бхарата все их развеял, как ветер развеивает тучи.

Затем Пандава вновь принялся разить грозными стрелами Связанных клятвою с их конями, возничими, колесницами, слонами, знаменами и отрядами пеших воинов. Людям, наблюдавшим битву, на кого бы и как бы они ни глядели, казалось, что и тот, и сами они сплошь покрыты стрелами.

Те посланные Гандивой, многообразные оперенные стрелы разили в битве людей и слонов, находившихся даже на расстоянии целой кроши. Отсеченные широколезвийными стрелами хоботы обуянных бешеством слонов падали, как падают осенью подрубленные топорами большие, старые деревья. Вслед за тем падали, подобно горам, и сами те слоны со своими ездоками — так некогда рушились горные хребты, разбитые ваджрою Индры.

Осыпая стрелами врагов как дождем, рассекая ими в куски подобающе оснащенные, подобные городам гандхарвов колесницы, в которые впряжены были обученные и быстрые кони, в которых ехали опьяняющиеся битвой (герои), Завоеватель богатств поражал также богато наряженных всадников и пеших воинов. Завоеватель богатств — солнце светопреставления остро-жгучими стрелами-лучами иссушил неиссушимый океан Связанных клятвою!

И вновь поспешно поразил он солнечноблещущими, стремительными стрелами тот огромный горный пик — сына Дроны, подобно тому как поражает гору Держатель ваджры. Разгневанный сын наставника, горевший жаждой одолеть его вместе с конями и возничим своими быстрыми стрелами, не в силах был этого сделать, так как Партха рассекал его оружие еще в полете.

Потом, сильно разгневавшись, он обрушил на Ашваттамана все стрелы своих колчанов, как (хозяин одаривает) желанного гостя всем богатством дома. Позабыв о Связанных клятвою, устремился Пандава на сына Дроны: так даритель, оставив (гостей), недостойных сидеть за угощением, (обращается) к тем, кто достоин и заслуживает (даров).

И между ними двумя, блистательными словно Шукра и сын Ангираса, началась битва, подобная битве Шукры с сыном Ангираса, когда они оба на небосводе устремятся в одну нак-шатру. Опаляя друг друга пламенными стрелами-лучами, они были подобны двум сошедшим со своих орбит, повергающим миры в трепет планетам.

Арджуна с силой вонзил железную стрелу между бровей (Ашваттаману); и с этой (стрелой) воссиял сын Дроны, словно солнце с (единственным) устремленным ввысь лучом. А два Кришны, тоже тяжело израненные сотнями стрел Ашваттамана, были подобны двум солнцам светопреставления, оцетинившимся множеством лучей.

Тогда Арджуна, охраняемый Васудевой, применил оружие, испускавшее во все стороны потоки (стрел), и поразил сына Дроны стрелами, подобными ваджре, пламени или жезлу сына Вивасвана. Но тот в избытке наделенный ратным пылом вершитель устрашающих деяний поразил Кешаву и Арджуну в средоточия жизни меткими, острыми и быстрыми стрелами, от удара которых испытала бы страдание даже сама Смерть. Отразив стрелы, пущенные в него сыном Дроны, Арджуна окутал вдвое большим числом ладно оперенных стрел того непревзойденного воителя с его конями, возничим и знаменем, а затем обрушился на войско Связанных клятвою.

И начал Партха пускаемыми из лука стрелами рассекать луки, стрелы, колчаны, тетивы, руки, кисти, зажатое в кулаках оружие, зонты, знамена, коней, одежды, венки и украшения, щиты, прекрасные панцири, а также во множестве — красивые головы тех (славных) недругов, противостоящих ему, не отвращая лица. Отменно снаряженные (для битвы) колесницы, кони и слоны, которыми с превеликим усердием правили храбрейшие мужи, сокрушенные множеством пущенных Партхой стрел вместе с теми достойнейшими мужами падали на землю. Отсеченные широколезвийными, полумесяцевидными и бритвообразными стрелами непрерывно сыпались на землю головы мужей, украшенные диадемами, коронами и венками, с лицами, прекрасными как лотосы, солнце или полная луна.

В этот миг на слонах, великолепных словно слон царя богов, гневных и гордых, как непомерно гордый недруг бога, храбрецы из числа калингов, вангов, ангов и нишадов устремились на Пандаву, желая убить его. Тем слонам Партха рассек доспехи, средоточия жизни, хоботы, а также погонщиков; стяги и знамена рушились с них, как сокрушенные ваджрой вершины многоглавой горы. Когда же они были сокрушены, Увенчанный диадемой окутал дитя наставника блестящими как молодое солнце стрелами: так ветер (окутывает) восходящее солнце скопищами огромных туч.

Тогда сын Дроны, рассеяв стрелы Арджуны своими, окутал потом стрелами Арджуну и Васудеву, как грозовая туча в час заката (затмевает) в небе одновременно солнце и луну. Но Арджуна, хоть и израненный тем неотразимым оружием, в один миг все вокруг затмил ладно оперенными стрелами, поразив опять и его, и всех прочих твоих (воинов). Невозможно было в той битве разглядеть, когда Савьясачин берет стрелу, когда нацеливает и когда выпускает; виднелись только сраженные слоны, кони, пешие воины с телами, пронзенными стрелами, и (разбитые) колесницы. Возложив на тетиву десять превосходных железных стрел, сын Дроны, поспешая, выпустил их разом, как одну; пять из них ранили Арджуну и пять метко пущенных поразили Ачьюту. Оба они, первые среди всех людей, равные Индре и Дарителю богатств, пораженные теми (стрелами), залились кровью, так что все присутствовавшие подумали: неужели осилены они и убиты знатоком (военной) науки Ашваттхаманом?

Тогда сказал Арджуне вождь дашархов: «Не будь беспечен, срази этого воина; если пренебречь им, то станет он причиной большой беды, как болезнь, которую должным образом не лечат!» Трезво размыслив и ответив Ачьюте: «Да будет так!» Арджуна, не жалея сил, принялся сечь стрелами сына Дроны; он перерубил ему поводья, а затем ранил коней, и те далеко унесли того (героя) из битвы. Достоянейший из потомков Ангираса, подумав, решил не возвращаться и не возобновлять боя с Арджунной, ибо осознал он, что победа явно суждена герою из рода Вринши и Завоевателю богатств.

Когда кони Ашваттхамана повернули назад и вывезли его из битвы, как болезнь устраняют из тела заклинаниями, целебными травами, лекарствами и очистительными церемониями, — Кешава с Арджунной на громыхающей как туча колеснице, над которой реяло развеваемое ветром знамя, обрушились на Связанных клятвою.

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» двенадцатая глава.

ГЛАВА 13

Санджая сказал:

В этот миг с левого крыла воинства Пандавов донесся шум и крик; производили его колесницы, слоны, кони и пешие воины, избиваемые Дандадхарой. Повернув колесницу в другую сторону, но не замедляя при этом бега стремительных, как ветер или Гаруда, коней, Кешава молвил Арджуне: «Многодобрестен этот царь магадхов, едущий на сокрушающем все вокруг слоне; силой и искусством он не уступит никому, кроме Бхагадатты. Убей прежде его, а потом — Связанных клятвою!» — и при этих последних словах он помчал Партху туда, где находился Дандадхара.

Тот (герой) не имел себе равных среди магадхов в искусстве погонять слона — так планета Викача страшнее всех прочих планет. И он сокрушал, грозный, враждебное войско, как планета Викача (сокрушает) всю землю. Восседая на топчущем врагов, ревущем как грозовая туча слоне, подобном слону Данавы, он поражал стрелами тысячи колесниц, коней и даже слонов. Надвигаясь на колесницы, в тот же миг он растапывал их ногами (слона) вместе с конями и возничими; восседая на слоне, передними ногами его, стопами и хоботом сокрушал он слонов противника, словно Колесо времени.

Повергая ниц мужей в железных доспехах и золотых украшениях вместе с (сопровождавшими их) конными и пешими воинами, он втапывал их в землю своим мощным, превосходным слоном с таким звуком, словно то были толстые стволы бамбука.

Но вот Арджуна при грохоте колес, хлопках тетивы о ладонь, звуке мридангов, труб и многочисленных раковин, при криках тысяч людей, ржании коней и реве слонов на своей превосходнейшей колеснице обрушился на того превосходнейшего слона. Тут Дандадхара двенадцатью великолепными стрелами поразил Арджуну, шестнадцатью — Джанардану и тремя — каждого из коней, после чего громко вскричал и рассмеялся. Тогда широколезвийными стрелами Партха рассек его лук вместе с тетивой и стрелой и богато украшенное знамя, а также поразил погонщиков слона вместе со «стражами стоп».

Владыку Гиривраджи это привело в ярость. И вот он, стараясь потеснить Арджуну своим бешеным, с лопнувшими висками слонем, который был равен стремительностью Ветру, стал разить Джанардану и Завоевателя богатств легкими копьями. Но Пандава тремя бритвообразными стрелами отсек обе его руки, подобные слоновьим хоботам, и голову, лик которой был прекрасен как полная луна; затем сотнями стрел он поразил слона. Тот облаченный в золотой доспех слон из-за стрел Партхи, изукрашенных каленым золотом, воссиял, как сияет в ночи гора, на которой деревья и травы охвачены пламенем лесного пожара. Терзаемый болью, обессиленный, тот слон, ревущий как грозовая туча, плутая, шатаясь и спотыкаясь, пустился бежать и, наконец сломленный, рухнул наземь вместе со своим погонщиком, словно гора, сокрушенная ударом ваджры.

Когда брат его пал в бою, Данда на белом как снег, украшенном золотыми венками, подобном гималайской вершине слоне, обуянный жаждой убивать, устремился на младшего брата Индры и Завоевателя богатств. Тремя сверкающими как солнечные лучи копьями поразив Джанардану и пятью — Арджуну, (радостно) вскричал он, сам уже обреченный страданию: Пандава тут же отсек ему обе руки. Отсеченные мощным ударом стрел с бритвообразными наконечниками, сжимающие метательные копья, натертые сандаловым порошком руки его, с которых уже соскользнули браслеты, разом падая со слона вниз, были прекрасны, как две огромные змеи, падающие с горной вершины.

Потом и голова Данды, которую Увенчанный диадемой срезал полумесяцевидной стрелой, упала со слона на землю; и, падая, она, залитая кровью, сияла красною, словно Солнце, падающее с Горы Заката на западный край земли. Тогда опять поразил Партха превосходными, подобными солнечным лучам стрелами того слона, схожего с белой горной вершиной, и тот, заревев, рухнул, словно гималайская вершина, сокрушенная громовой стрелой (Индры).

Затем и другие слоны, подобные тем двум, пытались было одолеть в бою Савьясачина, но он обошелся с ними, как с теми двумя, и теперь мощное вражеское войско было вконец сломлено. Воины на слонах и колесницах, конные и пешие, разя друг друга, во множествах носились по полю битвы, налетали друг на друга, обменивались мощными ударами, выкликали каждый имя своего рода и падали сраженными.

Наконец соратники Арджуны, окружив его со всех сторон, как сонмы богов — Пурандару, сказали ему: «Тот недруг, коего мы страшились, как все живое страшится Смерти, ныне, по милости судьбы, сражен тобою, о герой! Если бы ты не избавил от грозной беды людей наших, утесненных могучими врагами, то враги сейчас ликовали бы так же, как мы ликуем, видя сраженных тобой врагов!».

Услышав из уст друзей эти и другие подобные речи, Арджуна, возрадовавшись сердцем, воздал всем этим людям (ответные) почести, соответственно достоинствам каждого. Затем Губитель рати Связанных клятвою вновь устремился (в бой).

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» тринадцатая глава.

ГЛАВА 14

Санджая сказал:

Как планета Ангарака (несет гибель), совершая круг по своей кривой, выгнутой орбите, так Арджуна, вернувшись опять к Связанным клятвою, истребил многих из их числа. Пораженные стрелами Партхи, о царь, люди, кони, колесницы и слоны шатались, металась в беспорядке, ревели и грохотали, падали и гибли, о почтенный! Сокрушая могучих, способных везти огромный груз (коней), колесницы и возничих, Пандава широколезвийными, бритвообразными, полумесяцевидными и оснащенными наконечниками «телячий зуб» стрелами отсекал руки с золотым в них оружием и срубал во множестве головы противостоящих ему в битве неприятельских героев. Как быки, рвущиеся сразиться с другим быком из-за телки, сотнями и тысячами устремились храбрецы на Арджуну.

И была у него с ними повергающая в трепет битва, как у Владетеля ваджры с дайтьями при завоевании тройственной вселенной. Тремя стрелами, что были подобны ядовитым змеям, поразил Арджуну Уграюдха; но тут Арджуна отсек ему голову от тела. Со всех сторон, разъяренные, дожидили враги многообразным оружием на Арджуну, как теснимые ветрами облака в пору летнего зноя дождят на Химаван. Однако он, отразив со всех сторон своим оружием оружие недругов, затем метко пущенными стрелами перебил всю их огромную рать. В один миг Арджуна стрелами своими разрубил (их колесницам) тривену, задки и дышла, сразил их возничих и охранителей тыла, рассек поводья, крепления ярм, сами ярма, оси и днища, погубил все их снаряжение. Те сокрушенные им во множестве великолепнейшие колесницы похожи были на дома богачей, разрушенные пламенем, водой и ветром.

Слоны, пораженные в средоточия жизни стрелами, подобными ваджре и ашани, падали, словно дома, стоящие на вершине горы, когда их сокрушают ваджра молния, ветер и пламя. Кони вместе со всадниками, являя ужасное зрелище, залитые кровью, с отсеченными языками и вывалившимися внутренностями, теряя силы, во множестве падали наземь под ударами Арджуны. Кони, слоны и люди, пронизанные железными стрелами Савьясачина, металась в смятии, сталкивались друг с другом, кричали, падали и погибали, о почтенный! Острейшими, заточенными на камне, (губительными), как ваджра и ашани или змеинный яд, стрелами разил Партха врагов, словно Махендра — данавов. Носящие дорогие доспехи и украшения, многообразные одежды и всякого рода оружие отважные воины с колесницами их и знаменами лежали (замертво), сраженные Партхой. Вершители благочестивых подвигов, славящиеся происхождением из знатнейших родов, будучи побеждены, оставляли тела свои на земле, а сами, в награду за свои высокие деяния, отправлялись прямо на небо.

Тогда бывшие в твоём войске отважные мужи, правители различных стран, преисполнившись гнева, дружно устремились со своими отрядами на колесницу Арджуны. Едущие на конях и в колесницах, а также пешие воины, горя желанием умертвить (врага), стремительно напали на него, поспешно бросая всевозможное (метательное) оружие. Но Арджуна ветер своими острыми стрелами в один миг развеял тот великий ливень оружия, изливаемый воинами-облаками.

И вот к Партхе, который, используя меч и стрелы как мост, намеревался силой переправиться через непреодолимый вплавь поток колесниц, слонов, пехотинцев и конницы, обратился Ва-судева: «О Партха, не полно ли тебе тешиться этой игрою? Сокруши этих Связанных клятвою и спеши скорей убить Карну, о безупречный!».

«Да будет так!» — ответил Арджуна и затем, изо всех сил стремительно ударив на оставшихся в живых Связанных клятвою, принялся их разить своим оружием, словно Индра — дайтьев. И никто не мог разглядеть, когда Арджуна в той битве брал стрелы и возлагал на тетиву; не видно было даже, когда он стремительно пускал те стрелы в цель. «О чудо!» — восклицал Говинда, погоняя коней. Как лебеди ныряют разом в озеро, так те окрыленные белыми лебедиными перьями стрелы пронизали вражеское войско.

И, созерцая поле битвы в то время как шло это великое побоище, молвил Говинда Савьясачину: «Вот, о Партха, свершается по вине Дурьодханы великое, грозное истребление рода бхаратов и царей всей земли! Погляди, о бхарата, на эти, брошенные где попало, изукрашенные с внутренней стороны золотом луки, и пояса, и колчаны, принадлежавшие прославленным стрелкам! На эти гладкие и прямые стрелы с золотым оперением, на эти железные, омоченные в масле стрелы, подобные змеям,

сбросившим свою кожу! На изукрашенные золотом мечи с рукоятками из слоновой кости, на разбросанные по земле дротики и златоизукрашенные великолепные луки!

На соскользнувшие с тел позолоченные доспехи, о бхарата, на изукрашенные золотом легкие пики, на позлащенные копья! На толстые, обложенные золотыми пластинками палицы, на золоченые обоюдоострые мечи, на златоизукрашенные копья паттиша! На рассеянные повсюду секиры со златоблещущими древками, на разбросанное железное (оружие) с острями, подобными листьям куша⁷⁶, на тяжелые боевые дубины! Погляди на прекрасные шатагхни и на толстые железные брусы, на брошенные в беспорядке среди бранного поля бесчисленные метательные диски и боевые молоты!

Отважные мужи, в жажде победы стиснувшие в руках многообразное оружие, хоть и мертвые, все еще кажутся живыми! Погляди, вот тысячи этих воинов, чьи кони, слоны и колесницы сокрушены, чьи тела раздроблены палицами, чьи головы размозжены дубинами! Все поле битвы усеяно безжизненными, залитыми потоками крови телами людей, коней и слонов, во множестве сраженных стрелами, копьями, пиками, дротиками, мечами, копьями паттиша, легкими копьями с зазубринами, кривыми ножами и палицами, о губитель недругов!

Куда ни глянь, всюду рассеяны по земле умащенные сандалом, с браслетами ангада и кейюра на предплечьях, с другими дивными украшениями и с кожаными ремнями на ладонях руки (павших героев), о бхарата! Сияет красой земля, по коей разбросаны отрубленные, богато украшенные кисти рук с защитными наперстками на пальцах и подобные слоновьим хоботам отсеченные бедра, а также украшенные серьгами и самоцветом на темени отрубленные головы отважных волооких героев! Величествен вид земли, по которой, словно костры, чье пламя затухает, разбросаны, о достойнейший бхарата, окровавленные безглавые тела с перерубленными конечностями и шеями!

Погляди на эти изломанные, различных видов великолепные колесницы, увешанные золотыми бубенцами, на множество залитых кровью коней! На разбросанные повсюду белые славные раковины воителей, на покоящихся на земле гороподобных слонов с вывалившимися языками! На их великолепные «победные» стяги, на сраженных воинов-наездников, на яркие слоновьи попоны, сшитые из умело подобранных кусков различных тканей! На изорванные в клочья, прекрасные, разнообразные (по рисунку и расцветке) ковры (на слоновьих спинах) и на многочисленные колокольцы, изломанные и раздавленные слонами при падении! На эти оброненные на землю анкуши, древки которых выложены драгоценным камнем вайтурья, на эти златоизукрашенные плети, которые всадники привязывают к верхушкам своих знамен!

Погляди на эти многоцветные, изукрашенные золотом и драгоценными камнями конские попоны, покрывала и коврики из оленьей шерсти, упавшие на землю! На самоцветы, (прежде покоившиеся) на темени земных владык, на многообразные золотые венцы, на разбросанные повсюду зонты, веера и опахала из ячьих хвостов! Погляди: вся земля покрыта кровавой слякотью и усеяна ликами героев в богатом убранстве, с изящно подстриженными бородами, с прекрасными серьгами в ушах; ликами, что сиянием подобны месяцу и созвездиям!

Взгляни на этих мужей, еще живых, повсюду стенающих; с многочисленные родичи дружно хлопочут над ними и неумолчно рыдают; а те отважные герои, осыпав (стрелами) дерзко приблизившихся неприятельских воинов, исполненные гнева, горящие жаждой победы, вновь возвращаются в битву, о владыка народа! Другие гордые воины мечутся взад и вперед (по полю битвы), чтобы исполнить просьбу своих отважных раненых родичей о глотке воды; одни герои, уйдя за водой, сами гибнут во множестве, а другие, вернувшись (с водой), видят тех (своих родичей) уже мертвыми, о Арджуна!

Увидев воду, (раненые) устремляются к ней, крича друг на друга; гляди: одни умирают, напившись воды, другие — пока пьют ее, о бхарата! Взгляни, о возлюбленный родичами: есть и такие, что, бросив возлюбленных своих на произвол судьбы, бегут по полю битвы во всех направлениях! Гляди, достойнейший из людей: другие, то и дело закусывая губы, с лицами, искаженными гримасой гнева,

озираются по сторонам! Тот подвиг, что ты совершил в этой великой битве, Арджуна, — деяние, достойное и тебя, и самого царя богов в небесах!»

Так описал Кришна Увенчанному диадемой вид поля битвы. Уже на пути (в лагерь) услышал он громкий шум, поднявшийся в войске Дурьодханы. В том шуме смешались грохот колесниц, ржание коней, рев слонов и грозный звон оружия с громом литавр, барабанов дундубхи, панава, а также трубным звуком раковин. Ворвавшись на своих стремительных как ветер конях в ряды той рати, Кришна остановился в изумлении, видя, как войско твое истребляется Пандьей.

Тот превосходнейший стрелок из лука многообразными стрелами губил в битве скопища недругов, как Антака губит людей, пребывающих на смертном одре. Пронизывая острыми стрелами тела людей, коней и слонов, тот первейший из бойцов разлучал их с дыханием и телом. Разбивая своими стрелами всевозможное оружие, метаемое в него храбрейшими из неприятельских героев, Пандья насмерть разил врагов, словно Шакра — асуров.

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» четырнадцатая глава.

ГЛАВА 15

Дхритараштра сказал:

Ты упомянул ранее об этом великом, прославленном в мире герое, но не воспел деяний, совершенных им в битве, о Санджая! Поведай же мне теперь пространно о доблести этого выдающегося храбреца, о его искусстве, величии и отваге, о доблести его и мере его мощи!

Санджая сказал:

Ты полагаешь, что Дрона, Бхишма, Крипа, сын Дроны, Лрджуна и Джанардана, постигшие военную науку, всех превосходят на поле брани в стрельбе из лука; но (Пандья), сознающий себя равным Карне и Бхишме, не желает уступать в чем-либо Васудеве и Арджуне. Этот достойнейший из царей, первый из числа всех носителей оружия, принялся разить воинство Карны, словно оскорбленный Антака.

И то войско, изобиловавшее конями и колесницами, состоявшее также из слонов и превосходнейших пеших воинов, под победоносным ударом Пандьи завертелось словно круг гончара. Как ветер теснит облака, так Пандья метко пускаемыми стрелами потеснил своих недругов, лишившихся коней, возничих, знамен и колесниц, побросавших оружие. Слонов с исколотыми ляжками, потерявших знамена, флажки и вооружение, вместе с их «стражами стоп» насмерть разил он, как Губитель недругов разит недругов своею ваджрой. Вооруженных копьями и дротиками, снабженных колчанами всадников вместе с их конями, пулиндов, кхашей, бахликов, нишадов, андхраков, танганов, жителей Юга и свирепых, безжалостных в битве бходжей — всех их Паядья, лишая сперва стрелами оружия и доспехов, разлучал затем с жизнью.

Увидев, как неустрашимый Пандья истребляет в битве стрелами войско четырех родов, не уступающий ему бесстрашием сын Дроны выступил ему навстречу. Отважно обратившись к нему с учтивой речью, тот достойнейший из бойцов, усмехаясь, приплясывая на месте, вызвал его на бой такими словами: «О царь, чьи глаза подобны лепесткам лотоса, обладатель превосходного вооружения и колесницы; о ты, чей удар крепок, как ваджра, чьи силы и мужество непревзойденны! Мощными руками, ладоням которых привычно сжимать оружие, растягивая превосходный лук, ты великолепен как огромная грозная туча! Тебе, изливающему на недругов ливни стремительных стрел, я не знаю другого, кроме меня самого, достойного соперника на поле брани!

В одиночку сокрушаешь ты множества колесниц, слонов, конницы и пеших войск; так бесстрашный, грозный своею мощью лев в лесной чаще истребляет стада антилоп. Оглушительным грохотом колесницы наполняешь ты небо и землю, как солнце — Губитель посевов в конце поры дождей

заливает все вокруг своими лучами. Вынимая из колчана острые, ядовитым змеям подобные стрелы, сразись со мною один на один, как Андхака — с Треокимом!».

В ответ на эти слова и на обращенный к нему призыв Ашваттхамана: «Сражайся!», сказав: «Да будет так!», Тот, на чьем знамени (красуется изображение горы) Малая, поразил сына Дроны «ушастой» стрелой. А сын Дроны, наилучший из наставников, усмехнувшись, пронзил Пандью стрелами весьма грозного вида, подобными языкам пламени, рассекающими самые средоточия жизни. Тогда Ашваттхаман выпустил в него еще девять острых, одетых перьями цапли железных стрел, направив их в цель десятым способом. Пять из них Пандья рассек (в полете) пятью своими остро отточенными стрелами, но (остальные) четыре в один миг поразили его коней, и те испустили дух.

Тут, расщепив остро отточенными стрелами своими стрелы сына Дроны, Пандья рассек также растянутую (рукой) солнечноблещущего (героя) тетиву его лука. Тогда, натянув новую тетиву взамен рассеченной старой, губитель недругов сын Дроны послал в Пандью сто тысяч стрел, заполнив ими поднебесье, а также все стороны света. Муж-бык Пандья, зная, что стрелы, выпускаемые великосущным сыном Дроны, неисчерпаемы, все же разбил их все на сотни кусков. С великим усердием рассекши все посланные сыном Дроны стрелы, противник затем своими остро отточенными стрелами обратил в бегство его «стражей колес».

Убедившись в ловкости своего противника, сын Дроны ко лесом растянул свой лук и излил на него стрелы, как изливает дожди младший брат Пушана. За одну лишь восьмую часть дня сын Дроны обрушил (на врага) столько оружия, сколько привезли восемь телег, запряженные каждая восьмью быками, о почтенный! И кто только ни обращал взор на него, яростного, словно Антака, подобного видом Яме последнего часа, все те в большинстве своем тут же лишались сознания. Как Парджанья в конце знойной поры (поливает) дождем землю с ее лесами и горами, так сын наставника поливал то воинство дождем стрел. Но Пандья ветер быстро отразил оружием Ваю тот губительный дождь стрел, излитый Ашваттхаманом Парджаньей, и издал (радостный) крик.

Сын Дроны тотчас же, срезав украшенное (древесиной) сандала и алоэ, несущее изображение горы Малая знамя кричащего (Пандьи), поразил затем четырех его коней. Одной стрелой убив возничего, другой, с наконечником в виде полумесяца, разрубив лук, звук тетивы которого подобен грому грозовой тучи, он сокрушил в мелкие куски его колесницу. Своими стрелами отразив стрелы (Пандьи), изломав все его оружие, сын Дроны, хотя враг и был всецело в его власти, не стал убивать его, желая продлить сражение.

(В этот миг) тут, по счастью, оказался могучий, отлично снаряженный, превосходнейший слон, потерявший в битве своего наездника; великий владыка Малаи вскарабкался ему на спину, как лев с громким ревом взбирается на вершину горы. Тот повелитель (Малаи), царя гор, больно погоняя слона и громко крича, с силой, яростью и высшим усердием, неизменно ему присущим при метании оружия, послал в сына наставника дротик, сверкавший как солнечный луч. Радостно повторяя «Убит! Ты убит!», он разбил чудесный головной убор сына Дроны, украшенный узором из самоцветов, алмазами и золотом, белой тканью и нитями жемчуга. И та (тиара), обладавшая сиянием солнца, месяца, планет и огня, от этого сильного удара упала, разбитая в куски, на землю, словно обильно поросшая лесом горная вершина, сокрушенная ваджрой Махендры.

Тут (Ашваттхаман) воспылал превеликим гневом, словно царь нагов, которого пнули ногою; и возложил он на тетиву четырнадцать стрел, губительных для недругов, подобных жезлу Губителя — Ямы. Пятью он отсек стопы ног и хобот слона, тремя — голову и руки царя, а шестью остальными сразил наделенных необычайным блеском и величием шестерых велико-колесничных бойцов, которые следовали за царем пандьев.

Длинные и округлые, умащенные лучшим сандалом, украшенные золотом, жемчугом, самоцветами и алмазами руки царя, упав на землю, извивались на ней словно две змеи, сраженные Таркшьею. А голова, о ликом ясным как полная луна, с крупным носом и широко раскрытыми, медно-красными от

гнева очами, упав на землю, с ушными серьгами по обе стороны, сияла краскою словно месяц, (стоящий) между двух (звезд накшатры) Вишакха.

Тогда царственный сын твой в сопровождении друзей приблизился к постигшему воинскую науку, осуществившему задуманный подвиг сыну наставника и воздал ему особые почести, точно так же, как Владыка бессмертных (почтил некогда) Вишну после того, как сражен был Бали.

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» пятнадцатая глава.

ГЛАВА 16

Дхритараштра сказал:

Когда был сражен Пандья, а несравненный герой Карна потеснил врагов, что содеял тогда в битве Арджуна, о Санджая? Этот могучий, искусный, отважный Пандава один из всех людей постиг в совершенстве военную науку по милости великого духом Шанкары. Лютый страх вселяет Завоеватель богатств, этот губитель недругов; что же содеял там Партха, поведай мне, о Санджая!

Санджая сказал:

Когда погиб Пандья, Кришна тотчас, радея о благе Арджуны, обратился к нему с такими словами: «Погляди (туда, где находится) почтеннейший царь! Отступает воинство Пан-цавов! Исполняя замысел Ашваттхамана, Карна сокрушил сринджаев; великое побоище учинил он людям, коням и слонам!» Так молвил Увенчанному диадемой неодолимый Васудева. Выслушав его и увидев, в сколь грозной опасности находится его брат, Пандава тотчас воскликнул: «Погоняй коней, о Хришикеша!» Тогда Хришикеша на колеснице, биться с которой не могла бы ни одна другая, помчал его вперед, и возобновилась там грозная схватка. И закипела вновь, о достойнейший из царей, между Карной и Пандавами битва, увеличивавшая число подданных Ямы.

Вооружившись луками, стрелами, булавами, мечами, дротиками, трезубцами, дубинами, бхушунди, пиками, копьями, опорами, палицами, легкими копьями праса и кунта, пращами и длинными крючьями, стремительно сблизилась она, горя желанием одолеть друг друга. Оглашая небо, поднебесье и все главные и промежуточные стороны света хлопками тетивы о ладонь, а землю — грохотом колес, устремились (герои) на врагов. Радостно возбужденные этим громким шумом и желая скорее покончить спор, завязали они с другими героями грозную схватку. В превеликом шуме (битвы слились) и хлопки тетивы о кожаные щитки, и рев погоняемых и падающих сраженными слонов. Слыша разноголосый свист стрел и боевые кличи героев, воины содрогались от ужаса, разили друг друга и падали замертво, о бхарата! Из них, издающих громкие вопли, испускающих ливень стрел, Карна, сын Адхиратхи, весьма многих перебил своими боевыми стрелами.

Пять, и пять, и еще десять отважных великоколесничных — бойцов вместе с возничими их, конями и знаменами отослал Карна стрелами в обиталище Ямы. Но великие герои, наилучшие бойцы в войске Пандавов, ловко владеющие оружием, затмив (стрелами) небо, со всех сторон обступили на поле брани Карну. Тогда Карна, приведя в смятение вражескую рать ливнями стрел, погрузился в нее, словно слоновий вожак — в кишачий птицами лотосовый пруд. Ворвавшись в гущу неприятельских войск, Радхья, напрягая свой превосходнейший лук, принялся сносить, отсекая острыми стрелами, головы (недругов), рассекая щиты и доспехи, словно принося поминальную жертву воплощенным (предкам), и если он настигал кого одной стрелой, то ему уже не требовалось тратить вторую. Пущенными из лука, губящими доспехи, тела и жизни врагов стрелами, а также тетивой и кожаными наручными лентами хлестал он врагов, словно коней — бичом! Приближаясь к Пандавам, сринджаям и панчалам на расстояние полета стрелы, Карна в один миг сокрушал их, словно лев — стада антилоп!

Тут сыновья царя панчалов и сыновья Драупади, оба Близнеца и Ююдхана дружно устремились на Карну, о почтенный! Широко развернув свои ряды, воины куру, Пандавов и сринджаев, готовые расстаться с драгоценной жизнью, двинулись друг на друга. Тяжело вооруженные, закованные в доспехи, украшенные шлемами великоколесничные бойцы, одни — с палицами и дубинами, другие —

с булавами, словно боги с воздетыми жезлами, двигаясь прыжками, громко крича, вызывая друг друга на бой, мощно устремились вперед, о почтенный!

И разили они друг друга, и, принимая в схватке удары, падали на поле боя, изливая из тела кровь, с вывалившимся мозгом, с вытекшими глазами. Одни из них, заваленные горами оружия, со сверкающими зубами, с сочащимися кровью, красными как плод граната ртами, стояли, будто еще живые. Другие копьями и мечами, пиками, камнями из пращей, кривыми ножами, дротиками, палицами кололи, секли, разили, а третьи рубили, пронзали, резали друг друга, разгневанные, не зная страха. Сраженные неприятелем, залитые кровью, испустив дух, падали они, как падают, разбрызгивая вокруг свой красный сок, срубленные сандаловые деревья.

Колесничие, сраженные колесничими, слоны — другими слонами, (пешие) мужи — другими достойнейшими (пешими) мужами и всадники, сраженные всадниками, падали наземь тысячами. Отсеченные бритвообразными, широколезвийными и полумесяце-видными стрелами (падали наземь) знамена, головы, зонты, хоботы слонов и руки людей, из которых выпадало (зажатое в них) оружие. Отважные воины, разимые (вражеской) конницей, слоны с отсеченными хоботами сами крушили в той битве пехоту, слонов, колесницы и конницу.

Несущие на себе флаги и знамена, мечущиеся в волнах пехоты слоны и колесницы падали, словно рушащиеся горы. Повсюду падали уже сраженные или сражаемые воины; всадники гибли, стремительно сшибаясь с пехотой; толпы пеших ложились на поле брани замертво, сраженные конницей. Лики и тела павших, о многомудрый, подобны были растоптаным лотосам или увядшим венкам! Некогда столь прекрасные тела людей, коней и слонов стали безобразны видом, словно промокшие насквозь

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» шестнадцатая глава.

ГЛАВА 17

Санджая сказал:

Горя желанием погубить Дхриштадьюмну, искусные наездники, подстрекаемые твоим сыном, со всех сторон устремились на слонах на внука Пришаты. Уроженцы Востока и Юга, необычайной отваги воины, сражающиеся на слонах: анги, ванги, пундры, магадхи и тамралиптаки, мекалы, кошалы, мадры, дашарны и искусные в бою с использованием слонов нишадхи вместе с калингами — все они, о бхарата, стрелами, простыми я железными, а также дротиками, словно дождящие облака, кропили средь битвы гору — Панчалийца.

Желая сокрушить тех слонов, погоняемых ударами пяток, больших пальцев ног и крюков, внук Пришаты окутал их дождем железных и прочих стрел. Затененный теми слонами, словно Творец дня — облаками, он поразил их, гороподобных, одного — десятью, другого — шестью, третьего — восемью (метко) пущенными стрелами, о бхарата! Пандавы и панчалы, Накула, Сахадева, Шикхандин и доблестный Чекитана с остро отточенным оружием, кричащие, окружили тех слонов, звеня тетивами, обрушивая на них ливень свистящих стрел. Погоняемые млеччхами, те слоны в лютой ярости крушили хоботом и топтали ногами людей, коней и колесницы, остриями бивней пронзали (врагов) или, поддев, бросали (на воздух), а некоторые, видом своим вселяя ужас, бродили (по полю) с обвисшими у них на бивнях (трусами).

Но вот Сатьяки, поразив грозно стремительной железной стрелой в средоточие жизни шедшего впереди прочих слона царя вангов, поверг его наземь. А когда слон стал падать, он поразил железной стрелой в грудь собравшегося было соскочить (с его спины царя вангов), и тот тоже пал (замертво) на землю (у ног) Сатьяки. Сахадева, тщательно (прицелившись), ударил тремя железными стрелами наступавшего на него подобно движущейся горе слона царя пундров. Лишив того слона флагов, ездока, доспехов, знамени и самой жизни, Сахадева затем устремился на царя ангов. Но, удержав Сахадеву, Накула сам поразил царя ангов тремя железными, подобными жезлу Ямы стрелами, а слона

его — сотней стрел. Царь ангов метнул в Накулу восемьсот сверкающих как солнечные лучи дротиков, но тот рассек каждый из них (своим оружием) натрое.

Тогда Пандава стрелой с наконечником в виде полумесяца снес ему голову, и тот млечча, сраженный, рухнул наземь вместе со своим слоном. Когда пал тот сын наставника, весьма искусный в обучении слонов, то все анги, умелые слоновьи наездники, распаясь яростью, желая сокрушить Накулу, поспешно устремились на него на своих слонах, несущих развевающиеся знамена, превосходных, украшенных золотыми попонами и подпругами и оттого подобных объятым пламенем горам.

Мекалы, уткалы, калинги, нишады и тамралиптаки, алчущие крови, испускали ливни дротиков и стрел. Тут (на помощь) к Накуле, который был сокрыт ими, как солнце — дождевыми облаками, со всех сторон устремились Пандавы, панчалы и сомаки. И вот грянула битва колесничных бойцов, изливавших ливни стрел, тысячами метавших дротики, со слонами (неприятеля).

У тех могучих слонов, сплошь израненных железными стрелами, рассечены были лобные кости и средоточия жизни, изломаны бивни и украшения. Восьмерых из них Сахадева молниеносно поразил шестьдесятю четырьмя ладно заостренными стрелами, и те пали замертво вместе со своими ездоками. Изо всех сил напрягши свой превосходный лук, Накула принялся затем разить (и других) слонов неотвратно летящими к цели железными стрелами, о потомок Куру!

Вслед за ним внук Шины и сын царя Панчалы, сыновья Драупади и прабхадраки, а также Шикхандин — все залили тех могучих слонов потоками стрел. Те неприятельские слоны — горы, которых воины Пандавов — дождевые облака поражали ливнями стрел, падали наземь, словно настоящие горы, сокрушенные ливнями ваджр.

Истребив таким образом твоих слонов, те мужи-слоны из потомства Панду обратили взоры на бегущее с поля брани войско (кауравов), что было подобно реке, вырывающейся из берегов. Обозрев то войско и приведя его в еще большее смятение, воины сына Панду двинулись на Карну.

Тут, о великий царь, на разъяренного Сахадеву, испепелявшего тее воинство, устремился — брат на брата! — Духшасана. Увидев, как эти двое сошлись там на поле великой битвы, владыки людей издали громовые львиные кличи и стали размахивать своими одеждами. И вот гневный сын твой, вооруженный луком, поразил могучего сына Панду тремя стрелами в грудь, о бхарата! А Сахадева, о царь, ранив сына твоего железной стрелой, поразил его затем еще шестьдесятю, а колесничного — тремя и еще тремя. Тогда Духшасана, расщепив сперва среди великой битвы лук Сахадевы, ранил его потом в руки и грудь шестьдесятю тремя (стрелами), о царь!

Разгневался тут Сахадева, взял меч и метнул его в пылу схватки, первый среди бойцов, в великого сына твоего! Рассекши лук Духшасаны вместе со множеством стрел, его великий меч рухнул затем на землю, словно змей, упавший из поднебесья! Тогда, взяв другой лук, могучий Сахадева послал в Духшасану смертоносную стрелу. Но эту летевшую в него (стрелу), сверкавшую словно палица Ямы, каурава рассек в полете надвое, бросив ей навстречу свой меч с остро заточенными краями. Сахадева тот летящий на него меч в один миг, словно играючи, поверг в битве на землю своими острыми стрелами. Тогда сын твой среди великой битвы стремительно послал в колесницу Сахадевы шестьдесят четыре стрелы, о бхарата! Но каждую из тех стрел, что во множестве стремительно летели на него среди битвы, Сахадева рассек пятью своими, о царь!

Отразив грозные стрелы, пущенные твоим сыном, сын Мадри сам обрушил на него великое множество стрел. Вот, распаясь яростью, возложил могучий Сахадева на тетиву грозную, подобную Смерти и Губительному Времени, стрелу; с силой растянул он лук и пустил ее в сына твоего, о великий царь! Мощно ударив, та великая (стрела) пронзила доспех и ушла в землю, словно змея — в муравейник; и тогда помутилось сознание великоколесничного бойца, сына твоего, о царь!

Заметив, что он лишился чувств, возникший, объятый страхом, сам тяжело поражаемый острыми стрелами, быстро повез его прочь. Одолев в битве Духшасану, Пандава, первенец (царя) Панду, возликовал и принялся крушить со всех сторон воинство Дурьодханы. Как человек в гневе, о царь, разоряет муравейник, так сокрушал он рать кауравов, о царь-бхарата!

А Карна Вайкартана, о царь, встал на пути неистового Накулы, громившего в той битве армию (кауравов). И Накула, усмехаясь, молвил Карне такое слово: «Наконец-то обратили ко мне боги благосклонный свой взор! Вот ты и явился очам моим на поле брапи, о злодей! А ведь в тебе — корень всех бедствий, всей вражды и злобы! Не по твоей ли вине редает число куру, сошедшихся в междоусобной схватке! Ныне, сразив тебя в бою, я достигну заветной цели и избавлюсь от тревог!».

На эти слова Сын суты дал Накуле такой ответ, вполне достойный царского сына и тем более приличествующий (прославленному) лучнику: «Что же, нападай, мальчик, поглядим на твою отвагу! Но сперва соверши подобающий подвиг в сражении, а потом будешь хвастать, герой! Храбрые мужи, любезный, все силы отдают борьбе на ратном поле, не тратя лишних слов! Бейся со мной что есть силы, и я сейчас смирю твою гордыню!»

Так сказав, Сын суты стремительно напал на сына Панду и пронзил его в битве семьюдесятью тремя стрелами. Тогда Накула, раненный Сыном суты, сам поразил его восьмьюдесятью подобными ядовитым змеям стрелами, о бхарата! А Карна, непревзойденный лучник, рассекши Пандаве лук, ранил его затем тридцатью златооперенными, заточенными на камне (стрелами). Пробив доспех, они стали среди битвы пить его кровь, как ядовитые змеи, пройдя сквозь землю, пьют воду.

Тут Накула, взяв другой лук, смертоносный, изукрашенный о тыльной стороны золотом, поразил Карну двадцатью, а возникшего — тремя стрелами. Затем, распалась гневом, губитель вражеских героев Накула, о великий царь, острейшей «подковообразной» стрелой расщепил лук Карны. А потом, усмехаясь, герой поразил того лишившегося лука, величайшего в мире колесничного бойца тремя сотнями стрел. Видя, что Карна жестоко изранен сыном Панду, все колесничные бойцы, а с ними и боги прониклись небывалым изумлением, о почтенный!

Тогда Карна Вайкартана взял новый лук и пятью стрелами ранил Накулу в ключицу. С теми торчащими на груди стрелами прекрасен был сын Мадри, словно солнце со своими лучами, заливающее землю сиянием. Тут Накула, поразив Карну семью железными (стрелами), вновь обрубил ему один из концов лука, о почтенный! Но тот, взяв себе новый лук, еще более мощный, заполнил стрелами своими пространство со всех сторон от Накулы. Плотнo окутанный пущенными из лука Карны стрелами, тот великоколесничный боец быстро расщепил их все своими.

И те стрелы казались широко раскинутой в небе сетью, словно в поднебесье летали рои ярких светлячков. Все небо было сокрыто сотнями пущенных (обоими воинами) стрел, как будто в нем кишели стаи саранчи. Те злато-изукрашенные стрелы, то и дело пролетавшие по небу стройными рядами, были прекрасны, словно летящие цепочками (стаи) лебедей. Когда небосвод был окутан множеством стрел и солнце померкло за ними, вряд ли какое живое существо двигалось там, о владыка людей, — ведь во всех направлениях путь был перекрыт тучами стрел; а те два избранных (героя) сияли величием словно два восходящих юных солнца.

Разимые стрелами, вылетающими из лука Карны, израненные, терзаемые болью, (один за другим) гибли сомаки, о Индра царей! Твоя же рать, разимая стрелами Накулы, о царь, развеялась по всем направлениям, будто тучи, гонимые ветром. Оба войска, истребляемые грозными волшебными стрелами тех двух бойцов, устремились за пределы досягаемости стрел и встали, словно зрители, по сторонам. Когда толпа была отеснена стрелами Карны и Пандавы вдаль, те два великих духом героя принялись обрушивать ливни стрел друг на друга.

Являя взорам в гуще битвы различное волшебное оружие, они вскоре совершенно окутали им один другого, ища друг другу смерти. Пущенные Накулой, одетые перьями цапли и павлина стрелы,

казалось, повиснув над Карной, неподвижно стоят в вышине. Как бы заключенные в дома из стрел, те двое, о царь, стали для всех невидимы; так солнце и луна затмеваются, когда хлынет проливной дождь.

Тут Карна, воспылав гневом и оттого приняв особо устрашающий облик, со всех сторон окутал Пандаву в битве ливнями стрел. Но (стрелы), которыми окутал его в схватке Сын суты, не причинили ему беспокойства и вреда; так пребывает невредимым солнце, окутанное дождевыми тучами, о царь! Тогда сын Адхиратхи, усмехаясь, стал пускать в него в битве [учи стрел сотнями и тысячами, о почтенный! От тех стрел преисполненного духовным величием Карны на все пал густой мрак; от тех летящих превосходных стрел воздвиглась тень, подобная тени облаков!

Затем Карна, о великий царь, перерубил лук преисполненного духовным величием (Накулы) и, будто бы играючи, поверг его возникшего из кузова колесницы наземь. В тот же миг он четырьмя острыми стрелами отослал в обиталище Ямы и четверых его коней, о бхарата! Затем он тотчас разбил стрелами в щепы его колесницу, флаг и знамя, переломил меч, сразил «стражей колес», рассек щит, украшенный сотней изображений луны, и все снаряжение, о почтенный!

Потеряв коней и колесницу, лишившись доспехов, Накула, о владыка людей, тотчас спешил и противостал ему, держа в руке железную палицу. Но Сын суты по той вздетой, весьма грозной видом железной палице его ударил сотнями и тысячами стрел, о царь! Убедившись, что он обезоружен, Карна тогда пронзил его во множестве гладкими и прямыми стрелами, но старался при этом не поразить его насмерть.

Разимый среди битвы могучим, в совершенстве владеющим оружием (Карной) Накула, чьи чувства пришли в смятение, поспешно обратился в бегство, о царь! А Радхея, со смехом налетев на него, свой лук с натянутой на нем тетивой набросил ему на шею, о бхарата! И он, с тем великолепным луком, надетым ему на шею, о царь, красовался, будто месяц в небесах, окруженный сияющим ореолом, или как белое облачко, украшенное «луком Индры».

И сказал тогда ему Карна: «Ты творил пустое! Повтори-ка теперь снова, так же весело, что можешь убить меня! Никогда не вступай в бой со старшими, с теми, кто сильнее тебя, Пандава; сражайся с равными себе, не позорься, сынок! А еще лучше: ступай домой, пли (под защиту) Кришны и Пхальгуны, о сын Мадри!».

С этими словами Сын суты отпустил (Накулу). о великий царь! Не стал он убивать того, кто был уже па краю гибели; вспомнил слова Кунти и отпустил его. А Пандава, отпущенный на волю великим лучником, Сыном суты, пошел, пристыженный, туда, где (виднелась) колесница Юдхиштхиры. Измоченный Сыном суты, терзаемый тоскою, взошел он на ту колесницу, тяжело вздыхая, словно змей, брошенный в сосуд.

А Карна, отпустив его с миром, на своей многими флагами украшенной, лунно-белыми конями влекомой колеснице устремился па панчалов.

Увидев, как (вражеский) полководец обрушился на скопища панчалийских колесниц, Пандавы издали громкий крик, о владыка народа! А могучий Сын суты в час, когда солнце достигло зенита, кружась (по полю битвы) словно колесо, учинил там целое побоище, о великий царь! И увидели мы, о почтенный, как множества панчалий-ских колесниц уносятся прочь, одни — управляемые возникшими, а на других возникшие сражены, у одних — поломаны колеса, у других — срублены флаги и знамена, рассечены оси.

Повсюду метались, не разбирая пути, взбешенные слоны, как если бы пламенем пожара в большом лесу объаты были их тела. Окровавленные, с рассеченными лбами, разбитыми головами, отрубленными хвостами и хоботами, метались они вразброд, разимые тем великим (героем), словно развьянные (ветром) облава, о почтенный! Другие же слоны, объаты ужасом из-за обрушившихся на них сотнями стрел и дротиков, устремлялись прямо на него, как мошкара — на огонь! И еще видны

были там другие громадные слоны, оглушительно ревушие, брызжущие вокруг кровью, словно горы, сбрасывающие с себя (обрушившийся на них) поток воды.

Кони, потерявшие нагрудные доспехи и повязываемые на хвосты ленты, а также бронзовые, серебряные и золотые украшения, лишившиеся попон, потерявшие удила, султаны из ячьих хвостов, обронившие яркие покрывала и колчаны, — те превосходнейшие кони, чьи отважные ездоки, украшения битвы, пали за смертью, видны были носившимися взад и вперед по полю брани.

Мы видели, о владыка людей, всадников, носящих доспехи и шлемы, пронзенных дротиками, копьями и мечами; мы видели, как стремительно мечутся (по полю) изукрашенные золотом, влекомые быстрыми конями колесницы, правившие которыми воины уже мертвы: у иных были сломаны дышла и оси, разбиты колеса, у других потеряны знамена и флаги, сокрушены передки, перебиты оглобли и ярма. Мы видели также, как бегут во всех направлениях лишившиеся (колесниц) колесничные бойцы, объятые страхом перед стрелами сына Солнца, о владыка народа! Мы видели и других твоих воинов, выронивших оружие или все еще держащих его, тысячами лежащих сраженными, облаченных в кольчуги, украшенных нагрудными колокольчиками. И еще мы видели, как бегут во всех направлениях, пестрея яркими разноцветными флагами, (отряды) пеших воинов. Мы видели отсеченные в той битве вылетевшими из лука Карны стрелами головы, руки и прочее. Великая, лютая беда постигла тогда воинов (неприятеля), рассеянных оружием Карны, перебитых острыми стрелами.

Истребляемые Сыном суты сринджаи устремились среди битвы прямо на него, как насекомые летят на огонь. А (другие) кшатрии, как только могли, избегали того испепеляющего целые армии великоколесничного бойца, словно то было свирепое пламя конца юги. Тех же отважных великоколесничных

64

бондов из числа панчалов, которые с разбитыми доспехами и сломанными знаменами все же избежали гибели, преисполненный ратного пыла Карна одолел, потеснил и пустился преследовать, осыпая сзади стрелами. Великоколесничный боец опалял их своими стрелами, как Гонитель тьмы, достигнув в полдень зенита, опаляет зноем все живое.

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» семнадцатая глава.

ГЛАВА 18

Санджая сказал:

На сына твоего Юютсу, который (один) двинулся против огромного войска, стремительно напал Улука, прокричавший ему: «Стой! Защищайся!». Тогда Юютсу, о царь, остроконечную стрелой ударил Улуку, словно Индра своею ваджрой — гору. А Улука, распалась гневом, сперва «подковообразной» стрелой перерубил лук твоего сына, а потом «ушастой» поразил его самого.

Отбросив сломанный лук, Юютсу, глаза которого налились кровью от гнева, взял другой, еще более огромный и мощный. И вот поразил он сына Шакуни шестьюдесятью стрелами, затем тремя настиг его возничего, а затем опять его самого. А Улука, поразив его двадцатью златоизукрашенными стрелами, потом срубил среди битвы, разгневанный, его золотое знамя. То великое, огромное знамя, древко коего было разрублено, упало, златоблещущее, на землю перед колесницей Юютсу.

Увидев, что знамя его сокрушено, Юютсу воспылал гневом и поразил Улуку пятью стрелами в середину груди. А Улука, о почтенный, широколезвийной, омоченной в масле стрелой в один миг снес голову его возничему, о достойнейший бхарата! Затем он поразил четырех коней и пятью (стрелами) — его самого. И, тяжело раненный могучим (противником), тот перешел на другую колесницу. Одолев его в битве, о царь, Улука поспешно двинулся затем против панчалов и сринджаев, разя их острыми стрелами.

А сын твой Шрутакарман в одну долю мгновения хладнокровно лишил Шатанику его коней, возничего и колесницы, о великий царь! Стоя на (изломанной и) оставшейся без коней колеснице, могучий Шатаника, пылая гневом, метнул боевую палицу в сына твоего, о почтенный! Сокрушила она в прах колесницу, коней и возничего и стремительно ушла в землю, будто бы прорвав ее, о бхарата! Оставшись без колесниц, оба те героя, возрастители славы рода Куру, измученные битвой, не сводя глаз друг с друга, отступили. Сын твой, пребывая в смятении, взошел на колесницу Вивитсу, а Шатаника поспешно поднялся на колесницу Пративиндхьи.

Свирепый Сутасома поразил острыми стрелами Шакуни, но тот не дрогнул, как гора (не дрогнув, принимает на себя падающий водный поток. Увидев этого заклятого недруга своего отца, Сутасома окутал его многими тысячами стрел, о бхарата! Но ловко владеющий оружием, сражающийся многими' различными способами, всегда уверенный в победе Шакуни, тотчас рассек среди битвы все те его стрелы своими. Отразив, в том бою острыми стрелами все стрелы (противника), преисполненный ярости (Шакуни) ранил затем тремя стрелами! Сутасому.

Тот великий герой, твой шурина, рассек стрелами; в куски коней, знамя и возничего (Сутасомы), так что все присутствующие издали громкий крик. Тот стрелок из лука, чьи кони были убиты, стяг срублен, колесница разрушена, взяв в руки превосходнейший лук, сошел с колесницы наземь и стал (пешим) пускать златооперенные, на камне заточенные (стрелы), о почтенный! И те рои стрел, словно рои насекомых, окутали огромную колесницу твоего шурина.

Но и при виде тех устремленных на его колесницу (стрел) не дрогнул сын Субалы; все их многославный (герой) сокрушил роями собственных стрел. Все присутствовавшие там воители, а также пребывавшие в небе сиддхи с удовлетворением взирали на невероятный, удивительный подвиг Сутасомы, который, будучи спешенным, сражался с тем царем (Шакуни), стоявшим на колеснице. Своими острыми, стремительными, гладкими и прямыми стрелами царь (Шакуни) разбил в щепы его лук, а также колчан. Он, чей лук был разрублен, с громким кличем воздел тогда среди битвы меч цвета голубого лотоса или камня вайдурья, с рукоятью из слоновой кости. И этот (меч), светлый как чистое небо, (меч), которым размахивал многомудрый Сутасома, казался подобием (смертоносного) Времени. Могучий и искусный Сутасома, вооруженный мечом, начал стремительно перемещаться (по полю), тысячекратно выполняя двадцать четыре различных боевых маневра, о великий царь!

Принялся доблестный сын Субалы пускать в него стрелы; но тот все их, на него устремленные, рассек своим превосходнейшим мечом. Исполнившись ярости, губитель вражеских героев, сын Субалы, (вновь) послал в Сутасому стрелы, подобные ядовитым змеям, о великий царь! Но тот, наделенный столь же великолепною доблестью, что и Таркшья⁹⁰, являя в битве исключительную ловкость, благодаря своей отваге и умению и те (стрелы) также рассек мечом.

Тут, о царь, (Шакуни) острейшей «бритвообразной» стрелою перерубил (Сутасоме), который в этот миг обходил его круговым маневром, его сверкающий меч. И, рассеченный, тот превосходный меч упал на землю, а часть его с рукоятью осталась в руке у беспомощного (Сутасомы). Великоколесничный боец Сутасома, увидев, что меч его сломан, отступил на шесть шагов назад, а затем метнул обломок (в своего противника). И гот (обломок меча), изукрашенный золотом и алмазами, перерубив лук того великого духом (героя) вместе с тетивою, стремительно врезался в землю. Тогда Сутасома перешел на великую колесницу Шрутакирти. А сын Субалы вооружился новым грозным, неотразимым луком и двинулся на воинство Паидавов, истребляя многочисленные сонмы недругов.

При виде того как бесстрашно разъезжает (на колеснице) по полю брани сын Субалы, воины армии Пандавов подняли громкий крик, о владыка народа! Все видели, как теснит эти отменно вооруженные, великие, гордые рати преисполненный духовного величия сын Субалы! Как Царь богов сокрушил некогда полчище дайтев, так, о царь, истреблял Саубалея войско Пандавов!

Крипа, о царь, противостал в той битве Дхриштадьюмне; так шарабха в лесной чаще противостоит в схватке гордому стону. И Паршата, которому преградил путь могучий сын Го-тамы, не мог сделать более ни шага вперед, о бхарата! Видя (гигантское) тело Гаутамы, воздвигшееся перед колесницей Дхриштадьюмны, все существа исполнились ужаса в предчувствии неизбежной гибели. Пав духом, всадники и колесничные бойцы говорили (один другому):

«Этот превосходнейший из людей, преисполненный ратного пыла, высокий помыслами, искушенный во владении волшебным оружием сын Шарадвана весьма разгневан из-за гибели Дроны! Посчастливится ли ныне Дхриштадьюмне в схватке с сыном Готамы? И спасется ли вся эта великая рать (наша) от грозной опасности? Не погубит ли всех нас, собравшихся здесь, этот брахман? Тот, кто принял на виду у нас столь грозный, подобный Губителю (Яме) облик, будет, несомненно, действовать в битве по примеру сына Бхарадваджи. Наделенный доблестью и проворством рук, владеющий всевозможным оружием наставник, когда он обуян гневом, всегда побеждает в битве! А Паршата сегодня как будто весьма нерасположен биться!» — такие и всяческие прочие слова говорили воины твоей и вражеской армий.

Крипа, сын Шарадвана, задыхаясь от ярости, осыпал (стрелами) недвижно стоящего Паршату и поразил его во все средоточия жизни, о царь! У того, пораженного в схватке великим Гаутамой, помутилось сознание, и не знал он, что еще ему предпринять в этой величайшей из битв. Тогда обратился к нему возничий: «Не изменило ли тебе твое счастье, о Паршата? Прежде я не видал, чтобы в битве тебя постигла когда-либо такая неудача! Только игрою судьбы эти смертельно разящие стрелы, которые пустил в тебя, целясь в самые средоточия жизни, величайший из брахманов, не погубили тебя! Я лучше поверну сейчас колесницу назад, как речной поток обращается вспять от океана; думается мне что этот брахман, сокрушивший твою доблесть, неуязвим!».

Тут Дхриштадьюмна, о царь, медленно произнес такие| слова: «Помрачено сознание мое, любезный, тело покрылось! потом; смотри, я весь дрожу и цепенею (от страха)! Избегая на поле битвы этого брахмана, езжай неспешно туда, где находится Ачьюта! Только подле Арджуны либо Бхимасены буду я в безопасности среди этой битвы, таково мое твердое мнение, о возничий!».

И вот, погоняя коней, возничий повез его туда, где великий лучник Бхима вел бой с воинами твоей сто^роны, о великий царь! А сын Готамы, увидев, что колесница» Дхриштадьюмны отъезжает, пустился тогда в погоню, осыпая его сотнями стрел, о почтенный! То и дело дуя в свою раковину, тот губитель недругов гнал перед собой убегающего Пар" і шату, словно Махендра — Шамбару!

Сын Хридики, осыпая (противника) насмешками, противостал в битве Погубителю Бхишмы, неодолимому Шикхандину. А Шикхандин, сойдясь с тем великоколесничным бойцом из рода Хридики, поразил его пятью острыми широколезвийными стрелами в ключицу. Но великоколесничный боец Критаварман, разгневавшись, ударил в него шестьдесятю стремительными стрелами, а затем с усмешкой еще одною перерубил его лук, о царь!

Тогда, взяв новый лук, могучий сын Друзады прокричал в гнев Хардикье: «Стой! Защищайся!» И послал он в него девяносто златооперенных, остро отточенных стрел, о Индра царей; но все они отскочили от панциря (Критавармана). Видя, что стрелы его пропали зря и попадали на землю, могучий Шикхандин наиострейшей стрелой с подковообразным наконечником рассек (сопернику) лук.

Затем, разгневанный, восемьдесятю стрелами поразил он (Критавармана), чей лук был рассечен и который уподобился теперь быку с обломанными рогами, в руки и грудь. Жестоко израненный стрелами, Критаварман, распаясь гневом, взял новый лук со множеством стрел и вонзил те превосходнейшие стрелы в плечи Шикхандина. Со стрелами, вонзившимися в плечи, Шикхандин воссиял красною, словно огромное дерево с простертыми цветущими ветвями. Те двое, жестоко друг друга разящие, обильно залитые кровью, являли собой величественное зрелище, словно два бьющихся рогами быка.

Напрягая все силы для того, чтобы сразить друг друга, те два великоколесничных бойца тысячами выписывали по полю на своих колесницах всевозможные фигуры. Критаварман, о великий царь, поразил в этой битве Паршату семьюдесятью острыми, заточенными на камне, златоопереннымд стрелами. А потом превосходнейший из бойцов Бходжа поспешно послал в Шикхандина (еще одну) грозную, смертельно-разящую стрелу. И у того, пораженного ею, помутилось сознание, о царь; лишившись чувств, он ухватился что было сил за древко своего знамени. Израненного стрелами Хардикьи, то и дело тяжело вздыхающего, того превосходнейшего среди колесничных бойцов вывез из битвы его возничий. И когда был побежден отважный сын Друпады, то все воинство Пандавов, разимое со всех сторон, обратилось в бегство, о владыка!

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» восемнадцатая глава.

ГЛАВА 19

Санджая сказал:

Однако Белоконный (Арджуна) рассеял войско твое, о великий царь, как ветер, налетев, развеивает во все стороны груды хлопка. Навстречу ему двинулись тригарты, шиби с кау-равами, шальвы, Связанные клятвою, а также войско, зовущееся «войском нараянов». Сатьясена и Сатьякирти, Митра дева и Шатрунджая, сын Сушруты и Митрасена, и Митраварман, о бхарата, и царь тригартов, которого на поле брани окружали братья и сыновья — великие лучники, вооруженные всевозможным оружием, — все они, словно потоки воды — к океану, устремились в той битве на Арджуну, (непрерывно) стреляя и осыпая его на поле боя роями стрел.

Сотнями тысяч налетев на Арджуну, все те воители обрели в нем, как змеи — при встрече с Таркшьей, свою гибель. Разимые в битве Пандавой, они все равно не отступали от него, как сожигаемая мошкара (все же не улетает) прочь от пламени. Сатьясена поразил в бою Пандаву тремя стрелами, Митрадева — шестьюдесятью тремя, Чандрадева — семью; Митраварман — семьюдесятью тремя, а сын Сушруты — пятью, Шатрунджая — двадцатью, Сушарман — девятью стрелами. Он же, убив тогда заточенными на камне стрелами царя Шатрунджаю, снесши сыну Сушруты с тела голову вместе со шлемом, вслед за тем и Чандрадеву тотчас отправил стрелами в обиталище Ямы. И другим великоколесничным бойцам, не щадя сил противоборствовавшим ему, он ответил каждому пятью стрелами, о великий царь!

Сатьясена, распалась гневом, метнул, целя в Кришну, свою громадную пику и издал среди битвы боевой львиный клич. Эта железная свирепая пика, пронзив левую руку великого духом Мадхавы, ушла затем в землю. У Мадхавы, раненного той пикой в великой битве, выпали из руки поводья и бич. Но он, многославный, вновь подхватив бич и поводья, погнал своих коней прямо на колесницу Сатьясены.

Увидев, что Вишваксена ранен, Завоеватель богатств, могучий Партха пронзил твой тотчас же пятью златоперыми, острыми, на камне ченными стрелами ранил в ответ того владыку земли. Затем царь Дурьодхана метнул (в противника), о бхарата, цельно-железное, разящее копьё, летевшее подобно пламенному метеору. Царь справедливости на лету расщепил его заточенными на камне стрелами, и тут же семью другими ранил его самого.

С грозным жужжанием то копьё с золоченым древком пало на землю, сияя при этом, словно пылающая комета. Видя, что его копьё разбито (на куски), твой сын, о владыка народа, поразил тогда Юдхистхиру девятью острыми широколезвийными стрелами. Тяжко израненный, тот притеснитель недругов, первый среди силачей, поспешно взял (из колчана) стрелу, чтобы пустить в Дурьодхану. Многомощный, доблестный царь возложил ту грозную стрелу на лук, а затем, распалась гневом на царя-соперника, выстрелил.

И та стрела, настигнув великоколесничного бойца, царственного сына твоего, помутила его сознание, а затем ушла в землю. Тогда разъяренный Дурьодхана воздел свою палицу и, желая разом положить

конец бою, стремительно напал на Пандаву. Увидев, как он (наступает) с воздетой палицей, будто Антака с жезлом в руке, Царь справедливости метнул в сына твоего пламенное, стремительное, грозное копьё, полыхавшее подобно большой комете. Среди великой битвы поразило оно стоявшего на колеснице Дурьодхану, пробило его доспех; ужас стеснил его сердце, он пал и лишился чувств. Тогда Критавар-ман поспешно подбежал и встал рядом с царственным сыном твоим, погружившимся в пучину бедствия. А Бхима, схватив огромную, изукрашенную золотом палицу, стремительно обрушился среди битвы на Критавармана. И (вновь) закипела схватка (сыновей) твоих с недругами.

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» двадцатая глава.

ГЛАВА 21

Санджая сказал:

Под предводительством Карны (сыновья) твои, опьяняемые битвой, вернулись и возобновили сражение, подобное схватке богов с асурами.

Радостно возбужденные звуками раковин, (ржанием) коней, (криками) воинов, (грохотом) колесниц и (ревом) слонов, конные, пешие, воины на слонах и колесницах устремились вперед на (врагов) и осыпали (их) ударами всевозможного оружия. В той великой битве достойнейшие мужи стрелами, боевыми топорами, копьями паттиша, всяческим оружием, а также своими ездовыми животными сокрушали людей, коней, колесницы и слонов. Дивный вид являла земля, которую устилала красой подобные лотосу, солнцу и луне, белозубые, с прекрасными лицами, носами и очами, украшенные чудесными серьгами и диадемами головы героев.

Тысячи людей, коней и слонов бежали, теснимые (ударами) сотен булав, дубин, копий, дротиков, «когтей», бхупгунди и палиц; и текли там широкие потоки крови. То многочисленное, ужасное видом, жестоко израненное воинство, в котором воины на слонах и колесницах, конные и пешие — все были сражены, что уподобилось царству Владыки питаров в час гибели всего живого.

Затем, о бог среди людей, все твое войско и сыновья твои, быки в роде Куру, прекрасные, как сыновья богов, шествуя впереди несметной рати, устремились в битве на сына Шини. Чудесный вид являло то войско, блестящее и грозное, состоящее из множества доблестных мужей, коней, колесниц и слонов, ревущее словно вздыбленные соленые воды (океана), подобное рати богов или асуров.

И вот в битве равный доблестью владыке небожителей, подобный младшему брату достойнейшего из Тридцати сын Солнца осыпал отважнейшего (воина) в роде Шини стрелами, схожими с солнечными лучами. Но бык из рода Шини тотчас и сам окутал среди битвы того достойнейшего мужа вместе с колесницею его, конями и возничим тучею всевозможных стрел, жгучих, будто змеиный яд.

Тогда друзья твои, великоколесничные бойцы, в сопровождении слонов, колесниц, пеших воинов и всадников спешно устремились на выручку к быку среди колесничных бойцов, Васушене, который был изранен стрелами быка из рода Шини. Но на это подобное океану войско, (ранее) уже стремительно атакованное другими, напал могучий (воитель), друг сына Друпеды; и учинил он превеликую бойню людям, слонам, коням и колесницам.

И тут, совершив прежде ежедневные обряды и поклонившись по всем правилам владыке Бхаве, ударили на бегущее войско твое два достойнейших мужа — утвердившиеся в решимости истребить врагов Арджуна и Кешава. С замиранием сердца наблюдали тогда враги, как приближается везомая белыми конями, грохочущая будто грозная туча колесница с развеваемыми ветром знаменем и флагами.

Зазвенев тетивой Гандивы и словно бы приплясывая (на колеснице), Арджуна среди битвы заполнил стрелами небо, а также все главные и промежуточные стороны света. И сокрушил он стрелами подобные виманам, снабженные знаменами, вооружением и различными устройствами колесницы

вместе с их возникшими, подобно тому как ветер, (сокрушает) облака. Слонов с погонщиками, с «победными стягами», вооружением и знаменами, коней со всадниками и пеших воинов — всех отослал он стрелами своими в обиталище Ямы.

Против этого неборимого, подобного разгневанному Ан-таке великоколесничного бойца один на один выехал Дурьод-хана, разя его всяческого рода стрелами. Арджуна, семью стрелами поразив его лук, возницу, знамя и коней, затем еще одной стрелой срубил его зонт". Взял он также девятую, превосходнейшую, насмерть разящую стрелу и пустил ее в Дурьодхану; но ее расщепил на семь кусков сын Дроны. Тогда, разбив лук сына Дроны и поразив стрелами его превосходных коней, Пандава разрубил затем также и грозный лук Крипы. Он разбил лук сына Хридики и поверг также его знамя и коня; расщепив превосходнейшую стрелу Духшасаны, он напал затем на сына Радхи (Карну). Тогда, оставив Сатьяки, Карна поспешно поразил тремя стрелами Арджуну, двадцатью — Кришну и снова тремя — Партху.

Тут и Сатьяки приблизился и поразил Карну девятю девятью грозными, острыми стрелами, а затем ранил еще сотней. И за ним все храбрейшие мужи из войска сынов Панду принялись дружно разить Карну. Юдхаманью и Шикхандин, сыновья Драупади и прабхадраки, Уттамауджас и Юютсу, Близнецы и Паршата, воинство Чеди, Каруши, матсьев и ке-каев, могучий Чекитана и верный обетам Царь справедливости — все они, сопровождаемые грозными своею доблестью пехотой, конницей и войском слонов, единые в своем желании убить Карну, выкрикивая угрозы, окружили его средь битвы и осыпали ударами всевозможного оружия.

Но Карна, снова и снова разбивая тот ливень различного оружия острыми стрелами, смял их всех, как ветер крушит деревья. На виду у всех разъяренный Карна уничтожил и колесничных бойцов, и слонов с погонщиками, и коней со всадниками, и тучи (неприятельских) стрел. И почти все воины Пандавов, жестоко израненные, растерявшие оружие, сокрушаемые пламенной мощью оружия Карны, обратились в бегство.

Тогда Арджуна отразил оружие Карны своим и заполнил небо, землю и все пространство ливнями стрел. Те стрелы обрушивались на (врагов), словно железные булавы, дубины, шатагхни, грозные ваджры и другое подобное оружие. Язвимые этими (стрелами), все бывшие в том войске воины, пешие и конные, на слонах и колесницах, зажмурив глаза (от страха), металась по всему полю в крайнем смятении. Одни воины, конные, пешие и на слонах, принимали тот губительный для них бой и (падали), сраженные стрелами, а другие в страхе бежали.

В то время как они, распаленные жаждой победы, увлечены были боем, Солнце достигло Горы Заката и скрылось. Из-за сумрака, о великий царь, а особенно из-за пыли мы ничего не могли более разглядеть: ни доброго, ни недоброго. Славные лучники, убоявшись ночной битвы, дружно отступил, унося (в колчанах невыпущенные) стрелы, о бхарата! Когда на закате дня кауравы ушли с поля, Партхи, о царь, радуясь доставшейся им победе, вернулись в свой лагерь. Многообразными звуками музыкальных инструментов, львиными кличами, движениями танца они выражали презрение врагам и воздавали хвалу Ачьюте с Арджунной.

После того как герои отвели свою рать (в лагерь), все войско и цари — владыки людей изрекли благословения Пандавам. Произведя отход и войдя в лагерь, те владыки людей, куру Пандавы, довольные, расположились на ночлег. Тогда сонмы якшей, ракшасов, пищачей и хищных зверей сошлись на то грозное поле битвы, подобное месту игрищ Рудры.

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» двадцать первая глава.

ГЛАВА 22

Дхритараштра сказал:

Поистине, стоило Арджуне лишь захотеть — и он перебил всех наших! Когда он возжаждет крови, от него не спасется в битве и сам Антака! В одиночку Партха похитил Бхадру, без чужой помощи

насытил Агни! Собственными силами покорил он всю землю и всех царей сделал данниками! Один, обладатель волшебного лука, перебил он ниватакавачей¹⁰³! Один сражался с Шарвой, представшим в облике Кираты! Один, своими силами оберегал он покой всех бхаратов, один ублаготворил Бхаву! Им одним побеждены все (сыновья) мои, пылающие грозной мощью! Нет в этом их вины, но нет и заслуги. Поведай мне, что же еще они содеяли?

Санджая сказал:

Избитые, израненные, сломленные, лишившиеся доспехов, оружия и коней, гордецы, побежденные недругом, — кауравы терзались скорбью, печально звучали их голоса. Снова собрались они в своем лагере, чтобы держать совет, и были при этом подобны змеям, лишенным зубов и яда, втоптаным ногами (в пыль).

Тут, до боли стиснув одну ладонь другою, дыша тяжело, будто рассерженный змей, и не сводя глаз с сына твоего, обратился к ним Карна: «Всегда сдержан, тверд, ловок и стоек Арджуна, и всегда в должный момент подвигает его на действие Адхокшаджа. Сегодня, выпустив тысячи стрел, он перехитрил нас; но завтра, о владыка земли, я расстрою все его козни!».

Ответив на эти слова: «Да будет так!», (Дурьодхана) позволил достойнейшим царям удалиться. Благополучно проведя ночь, (утром) они, радостные и бодрые, вышли на битву.

Они увидели неодолимую рать, которую первейший среди куру, Царь справедливости, с великим усердием построил (для боя), следуя предписаниям Брихаспати и Угланаса. Тут и вспомнил Дурьодхана о всегда владеющем собою, губителе недругов Карне, чьи плечи мощны как у быка. Как в беде обращаются к другу, так устремил царь помыслы свои к великому лучнику Карне, Сыну суты, который в битве равен Пурандаре, силою — сонму марутов, а доблестью — Картавирые.

Дхритараштра сказал:

Когда вы, неразумные, обратили в тот миг помыслы ваши; к Карне Вайкартане, вы взирали на него (с надеждой), как коченеющие от холода — на (восходящее) солнце. Как же после отвода войск и возобновления битвы сражался тогда Карна Вайкартана, о Сапджая? И как все Пандавы бились против Сына суты? Ведь мощнодланый Карна один способен перебить всех Партхов вместе с сомаками; считают, что мощь его рук равна мощи Шакры и Вишну; то же можно сказать о доблести этого великого (героя) и о грозном его оружии.

И вот, когда он увидел, как жестоко израпетт Пандавой Дурьод\апат как сыновья Панду в великой битве блещут доблестью; когда Дурьодхана, вновь обуянный гордыней, прибег в битве к его защите, тогда (Карна) дерзко умыслил одолеть всех Партхов с сыновьями их и с Кешавой. Но, увы, горе нам великое: не смог Карна силою своей одолеть в битве сыновей Панду; поистине, всесилен рок! Увы, ныне сказываются губительные последствия игры! Увы, по вине Дурьодханы суждено мне претерпеть жесточайшие страдания, терзающие будто копья, о Сапджая! А ведь сына Субалы всегда считали знатоком государственной мудрости, и все же то и дело я слышу, о любезный Санджая! о поражениях и гибели моих сыновей в разыгрывающихся небывалых битвах! Нет никого, кто на поле брани противостал бы Пандавам: они врываются (в ряды бойцов), как в толпу женщин! Поистине, всесилен рок!

Санджая сказал:

Мы часто задним числом размышляем о содеянном ранее; но нельзя этого делать, такие мысли губельны. То, что ты сделал, теперь, по размышлении, кажется тебе опрометчивым; но ведь прежде, действуя, ты не задавался мыслью, правильно поступаешь или нет. Ведь не раз говорили тебе, о царь: «Не враждуй с Пандавами!», но ты, в заблуждении своем, этим (словом) о Пандавах не внял, о владыка народа! Из-за тебя, из-за совершенных тобой по отношению к детям Панду жестоких злодейств учинилась теперь земным царем страшная погибель! Но теперь, когда все уже свершилось, не предавайся печали, о бык-бхарата! Услышь, о непоколебимый, все о том, как происходило это грозное побоище.

Когда рассвело, мощнодланнии Карна приблизился к царю Дурьодхане и молвил: «Сегодня, о царь, сойдуся я в бою со славрым Пандавой и либо сражу того героя, либо он сразит меня\ Из-за множества других деяний, которые предстояло свершить и мне, и Партхе, поединок наш с Арджуной не мог состояться ранее, о царь! Послушай, о владыка народа, что я скажу тебе по своему разумению:

«Не сразивши в битве Партху я не вернусь назад, о бхарата! Поскольку в этом войске сражены все храбрейшие мужи и только я встану на бранном поле, Партха (несомненно) выйдет против меня, лишённого копья Шакры! Узнай же, владыка людей, о том, что дает выгоду тебе и (с другой стороны) о преимуществе в оружии и средствах, каким обладает Арджуна».

В меткости стрельбы по цели, в быстроте рук, дальности полета стрел, в ловкости и в знании военного искусства Савьясачин не может сравниться со мной! Вот этот лук, именуемый Виджая, — глава над всем оружием на свете. Радея о благе Индры, его создал сам Вишвакарман. С этим луком, о царь, Совершитель ста жертвоприношений одолел сотни дайтьев; от одного звука его тетивы дайти теряли способность различать направления!

И этот бесценный, превосходнейший, чудесный лук Шакра даровал Бхаргаве, а Бхаргава передал мне; им-то я и сражусь с величайшим из воителей, мощнодланнным Арджуной, как некогда Индра бился с полчищем всех дайтьев. Этот грозный лук, дарованный мне Рамой, превосходит Гандиву; ведь именно этим луком трижды семь раз покорена была вся земля! Этим луком, который дарован Рамой, о чудесных деяниях которого сам Бхаргава мне поведал, я и буду биться против Пандавы!

Сегодня порадуя я, о Дурьодхана, тебя и родичей твоих, и сразив в бою победоноснейшего воителя, отважного Арджуна. Вся земля с горами, лесами, островами и морями станет отныне владением твоих сыновей и внуков, о царь, и не будет им на ней соперника! Ныне не вижу я ничего недостижимого, особенно — раз речь идет о том, чтобы сделать тебе приятное; так человек, познавший Атман и истинно преданный дхарме, (уверен, что непременно) достигнет совершенства. Не выдержит Пхальгуна встречи со мною в битве, как дерево не снесет прикосновения пламени. Нужно, однако, сказать и о том, в чем я ему уступаю.

Тетива его лука — волшебная, два колчана — неисчерпаемы, чудесный лук не имеет себе равных, ведь это — Гандива, которому ничто не причинит вреда в бою. А у меня — превосходнейший, великий, волшебный лук Виджая, и благодаря этому луку я сильнее Партхи, о царь! Но узнай от меня и то, в чем отважный Пандава превосходит меня. Поводья его колесницы держит в руках всем миром почитаемый Дашарха. Волшебная колесница, дарованная ему Агни, со всех сторон неуязвима, изукрашена золотом, кони его быстры/ как мысль, о герой, сияющее волшебное знамя его с изображением обезьяны приводит своим видом в изумление. Сам Кришна, творец этого мира, бережет его колесницу; но и при всех этих преимуществах врага я готов сразиться с Пандавой!

Однако отважный Шалья, украшение собраний, равен ему, и если он будет у меня колесничим, то твоя победа обеспечена. Так пусть же Шалья, неодолимый для недругов, будет моим колесничим. И пусть везут за мной на повозках железные стрелы, оснащенные перьями грифа. Пусть до пятам за мной постоянно следуют отборные колесницы с Напряженными в них лучшими конями, о Индра царей, бык-бхарата. Благодаря этим преимуществам я превзойду Партху: как Шалья выше Кришны, так и я (буду) выше Арджуны! Как Дашарха, губитель вражеских героев, владеет сокровенным знанием коней, так же знает коней и великоколесничный боец Шалья. Нет никого, кто сравнится мощностью рук с царем мадров, и нет такого держателя лука, что сравнился бы со мной во владении этим оружием. И нет никого, кто бы равен был Шалье в управлении конями; а потому колесница у меня будет лучше, чем у Партхи! Я желал бы, о губитель недругов, чтобы ты все это исполнил; и если так будет сделано — тогда осуществляются все мои желания! И ты увидишь, что я содею в битве, о бхарата: я одолею сегодня Пандавов всех до единого!»

Дурьодхана сказал:

Я все сделаю так, как ты считаешь нужным, о Карна! Колесницы с колчанами и добрыми конями будут следовать за тобою, Сын суты! И пусть везут за тобой на повозках железные стрелы, оснащенные перьями грифа! И сам я, и все мы, цари-владыки земли, последуем за тобой, о Карна! Санджая сказал:

Потом сын твой, могущественный царь, о владыка, подошел к царю мадров и молвил ему такое слово. Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» двадцать вторая глава.

ГЛАВА 23

Санджая сказал:

Почтительно приблизился сын твой, о великий царь, к царю мадров и, исполненный дружелюбия, сказал ему такое слово: «О причастный великой доле! Верный обетам! Возраститесь печали недругов! О царь мадров, отважный в битвах, вселяющий страх во враждебные рати! Ты слышал, красноречивейший, что сказал Карна: из всех этих царей-львов избирает тебя! А потому — на погибель Партхам и для блага моего соизволь, о наилучший из колесничных бойцов, охотно исполнить обязанности возницы!

Нет на свете другого, кто мог бы как ты, почтенный, управляться с поводьями его колесницы; так храни же от всех опасностей Карну, как Брахма хранил Шанкару¹⁰⁸! Как Кришна, искуснейший из держателей поводьев, — друг Партхи, так и ты от нападения с каждой из сторон оберегай Радхеи! Бхишма, Дрона, Крипа, Карна, ты, о почтенный, и отважнш Бходжа, Шакуни — сын Субалы, сын Дроны и я — вот (была главная) наша сила, и мы поделили между собой врагов, предводитель ратей, на девять частей. Нет уже доли Бхишмы и великого духом Дроны; превзойдя положенные им доли, эти двое истребили и моих врагов. Оба эти престарелых мужа-тигра убиты с помощью обмана; совершив небывалые подвиги, они ушли отсюда на небеса, о безгрешный! Многие другие мужи-тигры из нашего войска, совершавшие, не щадя сил, невиданные деяния, сраженные в битве врагами, расставшись с жизнью, также ушли с поля брани на небо.

Мощнодланный Карна, величайший колесничный боец во вселенной, один, не считая тебя, о муж-тигр, остался радеть о нашем благе, и в нем, о владыка мадров, заключена теперь вся моя надежда на победу!

Поскольку колесницей Партхи правит сам Кришна, то Партха благодаря ему надежно защищен в битве, о царь; ты свидетель тому, какие совершил он деяния. Никогда еще прежде Арджуна не сокрушал так в битве неприятелей; ныне, о владыка мадров, что ни день, мы видим, как он обращает их в бегство. Но за Карной и за тобой, о блистательный, остаются еще ваши доли, и их вы с Карной совместными усилиями истребите в бою! Как погибает мрак, о почтенный, когда явятся Сурья и Аруна, так да сгинут Каунтеи вместе с панчалами и сринджаями! Карна — лучший из колесничных бойцов, ты — лучший из возничих, и во всем свете не найти подобной вам пары! Как Варшнея в любых напастях оберегает-Пандаву, так и ты, почтенный, храни в битве Карну Вайкартану! Если ты станешь при нем возничим, то поверь слову моему: он будет неодолим в битве даже для богов, возглавляемых Шакрой, — что и говорить о Пандавах, о владыка земли!».

Слушая речь Дурьодханы, Шалья преисполнился ярости. На лбу его сложились три гневные морщины, он размахивал руками, вращал огромными глазами, налившимися от ярости кровью. Гордый своим родом, властью, образованностью и силой, мощнодланный Шалья так отвечал (царю):

«Ты презираешь меня, о сын Гандхари, ты, верно, не веришь в мои силы, если безрассудно говоришь мне: «Служи, что есть поистине лучшее средство для достижения любой желанной цели:

«Да, бесспорно все так, как ты сказал, о Шалья! Но у меня был особый умысел, уразумей его, о владыка народа! Нет, Карна не превосходит тебя, и для сомнений у меня нет повода: царь и владыка

мадров никогда не совершит ничего неподобающего! Предки твои, достойнейшие мужи, всегда поступали по истине; потому-то, я думаю, и зовут тебя «Арджуна».

А потому, что ты, податель гордости, всегда был копьем для недругов тебя зовут еще возничим!»). Ты восхваляешь Карну, считая его выше нас; я-то не признаю Радхею равным мне в битве! Назначь большую, чем прежде, долю (врагов), я перебую их в сражении и уеду домой, о владыка земли! Или же пусть я выйду сражаться, о радость куру; полюбуюсь сегодня доблестью, когда я буду в битве испепелять врагов!

Человек, подобный мне, не станет действовать, когда движет им искренняя сердечная привязанность, поэтому оскорбляй меня сомнением! Никогда во время битвы не выказывай мне пренебрежения; погляди на эти руки мои, разящие крепко как ваджра! Взгляни на мой прекрасный лук, на стрелы, подобные ядовитым змеям! На колесницу мою, в которую впряжены как ветер быстрые, добрые кони! На палицу мою взгляни, сын Гандхари, украшенную золотыми накладками! Своим ратным пылом я мог бы в гнев расколоть раздробить горы, иссушить океан, о царь! Зная, что я та что могу сам совладать с врагами, зачем же ты ставишь возницей к ничтожному сыну Адхиратхи? Ты не дол о Индра царей, впрягать меня в позорное ярмо; будучи его, я не снесу подчинения этому недостойному!

Того, кто по зову сердца пошел под начало к вышестоящему, поставить в подчинение к низшему — значит совершить грех против природного порядка вещей! Брахма, как гласят шрути, произвел брахманов — из рта, кшатру — из рук, вайшьев породил из бедер и шудр — из стоп; от них потом подразделения варн, рождаемые от восходящих и сходящих браков, от смешения этих четырех варн друг с другом, о бхарата! Кшатриям Предание предписывает быть защитниками (народа), собирателями богатств и дарителями. Брахманы поставлены на этой земле благодетельствовать человеческий род совершением жертвенных обрядов, обучение принятием незапятнанных дарений. Удел вайшьев - скот и всевозможные даяния. Шудры поставлены брахманам, кшатре и вайшьям. А назначение сур — служить брахманам и кшатриям, но не шудрам и вайшьям. Внемли словам моим, о безгрешный! Меня, чья глава помазана, происходящего из рода святых царственных мудрецов, прославленного великоколесничного бойца, коему должны служить и носить хвалу певцы, меня, такого, каков я есть, ты не должен назначать, о искоренитель вражеских родов, возницу к Сыну сур! Претерпев такое оскорбление, я ни за что стану сражаться! С твоего позволения, о сын Гандхари, я уйду домой!»).

С этими словами Шалья, муж-тигр, украшение собраний разгневанный, быстро поднялся и пошел прочь с этого сборища царей. Но твой сын, из любви и глубокого уважения, удержав его, обратился к нему со сладкой, примирительной речью, что есть поистине лучшее средство для достижения любой желанной цели:

«Да, бесспорно все так, как ты сказал, о Шалья! Но у меня был особый умысел, уразумей его, о владыка народа! Нет, Карна не превосходит тебя, и для сомнений у меня нет повода: царь и владыка мадров никогда не совершит ничего неподобающего! Предки твои, достойнейшие мужи, всегда поступали по истине; потому-то, я думаю, и зовут тебя «Артаяни». А потому, что ты, податель гордости, всегда был на этой земле разящим копьем для недругов, тебя зовут еще «Шальей», о владыка земли! Ради меня, о знаток дхармы, щедрый даритель, исполни все то, что ты мне прежде обещал!

Мы избрали тебя править в битве этими несравненными конями не потому, что Радхея или же я сам превосходим тебя в доблести. Но, как Карна превосходит достоинствами Завоевателя богатств, так ты, друг мой, превосходишь Васудеву, что известно всему миру. Карна превосходит Партху во владении оружием, ты же, о муж-бык, превосходишь Кришну силой и умением править конями. Пусть многомудрому Васудеве открыто тайное знание коней; но ты, о царь мадров, без сомнения знаешь вдвое больше него!»).

Шалья сказал:

Сказав обо мне в присутствии всего войска, что я превосхожу сына Деваки, ты сделал мне приятное, о каурава, сын Гандхари! Исполняя твоё желание, о герой, я займу место возничего при славном Радхее, когда он будет сражаться с главнейшими из Пандавов. Но в отношении Вайкартаны, о герой, ставлю я одно условие; да будет мне позволено вести при нём любые речи, какие ни пожелаю.

Санджая сказал:

И сын твой, о царь, лучший из бхаратов, в присутствии «Карпы отвечал сыну царя мадров: «Да будет так!»

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» двадцать третья глава.

ГЛАВА 24

Дурьйодхана сказал:

Слушай, могучий владыка мадров, я ещё расскажу тебе том, что случилось в давние времена, когда была битва у богов с асурами. Передаю все в точности так, как рассказывал моему отцу великий мудрец Маркандея, а потому, о достойнейший царственный мудрец, ты должен воспринять это без тени сомнения!

Была у богов с асурами великая битва. А началось то сражение в начале времен из-за Тараки, о царь! И вот, как мы слышали, боги одолели в нём дайтьев. После того как потерпели дайтьи поражение, трое сыновей Тараки: Таракакша, Камалакша и Видьюнмалин, о царь, предались суровому подвижничеству, приняли строжайшие обеты и самоистязанием совершенно истощили тела свои, о губитель недругов! Их обеты, подвиги и смирение понравились Праотцу; и вот он, явившись Дарителем, предложил каждому выбрать себе дар, о царь! Тогда они все вместе попросили у Праотца всей вселенной такой дар: да пребудут они среди всех других существ неумертвимыми. И отвечал им державный бог, властелин миров: «Не бывает безусловного бессмертия! Откажитесь от своей просьбы, асуры! Выберите другой дар, столь же желанный!».

После многих долгих размышлений, поклонившись владыке всех миров, они, о царь, обратились к нему с такой речью: «О бог-прародитель, мы просим у тебя такого дара: да будем мы, утвердившись в трех городах, опустошать набегами всю землю, ограждены твоей благодатью! Когда же минует тысяча лет, да сойдемся мы вновь друг с другом и да сольются три города воедино, о безгрешный! И их, соединившихся вместе, да поразит тогда Бхагаван, лучший из богов, одной стрелою; от него пусть придет нам гибель!» — «Да будет так!» — ответил им бог и ушел на небо.

Обрадовались (братья) полученному дару, посоветовались меж собой и избрали для сотворения трех городов высоко чтимого всеми дайтьями и данавами великого асуру Мая, бессмертного Вишвакармана. И вот мощью своего подвижнического пыла сотворил мудрый Мая три города: один — из золота, другой — из серебра, третий — из железа. Золотой город был на небе, серебряный — в воздушном пространстве, а железный стоял на земле, о царь, на круге. Каждый из них был шириной в сотню йоджан, с высокими кровлями зданий, квадратными башнями, городской стеной и въездными арками, каждый достаточно заполнен строениями, но не тесен, здоров для обитания, украшен всевозможными дворцами и вратами. В каждом из городов был свой царь. Прекрасным золотым городом правил великий духом Таракакша, о царь, серебряным — Камалакша, железным — Видьюнмалин.

Эти три царя дайтьев ратным пылом своим вскоре подчинили себе все три мира и правили великое множество лет, как бы (олицетворяя собой) Праджапати. В этот их тройной город, под защиту его укреплений, стеклись отовсюду миллионы, десятки, сотни миллионов непревзойденных по своей отваге данавских вождей, возжаждавших владычества над миром. И всем им тот же Мая поставлял все необходимое; под его опекой жили они, ни перед чем не ведая страха. Стоило только кому-либо из обитателей тройного города в мыслях возжелать чего-то, как тотчас Мая исполнял его желание посредством волшебства.

Был у Таракакши сын, могучий воитель по имени Хари. Он предавался суровейшему подвижничеству и тем убогатил Прародителя. Умилостивив бога, попросил он у него дар: «Пусть в нашем городе будет такой пруд, из которого каждый сраженный оружием, будучи брошен туда, выйдет (живым и) еще более сильным, чем прежде!» Получив этот дар, Хари, отважный сын Таракакши, устроил такой пруд, в котором оживали мертвые, о владыка! Стоило теперь бросить убитого дайтью в этот пруд, и он, каков бы вид ни имел, под какой личиной ни скрывался, сразу воскресал в том же облике.

Заполучив такой пруд, обитатели тройного города подчинили себе все миры. Благодаря небывалому подвижничеству достигли они совершенства и заставили трепетать перед собой богов; и никак нельзя было, о царь, уничтожить их в битве. Утеревши в алчности и ослеплении разум, принялись они без стыда и совести опустошать вокруг все населенные места. Всегда и всюду обращая в бегство богов с сопутствующими им сонмами, гордые обретенным даром, они бродили, где бы им ни захотелось. Столь милые сердцам небожителей роши богов, святые обители мудрецов, жертвенные столпы, селения людей — все уничтожали, попирая границы, злокозненные данавы.

Тогда пошли боги все вместе к Прародителю, о смиритель недругов, рассказать об обиде, какую чинят им богоненавистники. Поклонились они до земли владыке Прародителю, все по правде ему поведали и спросили: какое есть средство погубить (данавов)? Владыка выслушал богов и отвечал им: «Злокозненны асуры, ненавистники премудрых (богов)! Вечно они досаждают, вечно чинят вам притеснения. Я, несомненно, беспристрастно отношусь ко всем существам, но сейчас скажу вам: надо погубить нечестивцев! Изберите бойцом за вас неутомимого в деяниях, Державного, Победоносного Стхану, и он изничтожит богоненавистников, о Адитьи!».

Выслушав эту речь, боги с Шакрой во главе, председательствуемые Брахмой, обратились в поисках защиты к Имеющему знаком быка. Дружно предались они, твердя слова извечных Вед, суровому подвижничеству; вместе со святыми мудрецами знатоки дхармы устремили дух свой к Бхаве. Подобаяющими случаю речами умилостивили они тою, кто избавляет от страха в минуту опасности, того, великого духом, кто есть Дух вселенной, кто объемлет своим духом все; того, кто путем небывалых аскетических подвигов достиг единения с Атманом, кто познал санкхью Атмана, кто всецело повелевает своим духом.

Наконец явился им не имеющий в мире подобия, незапятнанно чистый, в сиянии своего духовного пыла Владыка, Супруг Умы. Хотя и един Бог, в разных обликах познали они его; каждый из них, крайне изумленный, лицезрел его, великого духом, в особом образе. Перед ним, нерожденным, царем и владыкою мира, вместилищем всего сущего боги и брахми-ческие мудрецы склонили головы свои до земли. А когда, почтив его приветствием, они встали с колен, владыка Шанкара сказал им с улыбкой: «Говорите — слушаю!».

С позволения Треокого они вне себя от волнения воскликнули: «Слава, слава тебе, владыка! Поклон тебе, бог над богами, тебе, вооруженному луком, тебе, исполненному гнева! Разрушителю жертвоприношения Праджапати, чтимому всеми праджапати! Слава тебе, о прославленный, прославляемый, достославный, тебе, о Смерть, о Рудра-Вилохита, Синешей, с трезубцем в деснице! Тебе, оленекий, неотвратимый, неборимый, вооруженный превосходнейшим оружием; тебе, о (жизнетворное) Семя, о Брахма, о Брахмачарин!

Тебе, Непомерный, Владыка, Правитель, Облаченный в кожи, Неустанно подвижни-чающий, Верный обетам, Одетый в звериные шкуры! Тебе, Треокий, тебе, отец Кумары, держащий в длани превосходнейшее-оружие, тебе, кто прогоняет печали прибегающих к тебе, кто> истребляет сонмы брахманоненавистников! Слава тебе, владыке людей, царю над (деревьями) владыками лесов; вечная слава тебе, владыке коров, владыке жертвоприношений? Слава тебе, Треокий, наделенный грозным пылом предводитель рати! Мыслями, словами, делами мы предаемся тебе: повелевай нами!»

Тогда Бхагаван, довольный, приветствовал их словами; «Добро пожаловать!» и сказал: «Отбросьте ваши страхи! Говорите, что мне для вас сделать?» И вот, когда он, великий духом, предложил сонмам

богов, святых мудрецов и питаров выбрать дар, Брахма, воздав почести Шанкаре, обратился к нему, с такой, ко благу вселенной направленной речью:

«О владыка богов, по твоему соизволению я возведен в этот сан Праджапати. Своей властью дал я данавам великий дар. Уничтожить их, дерзновенно попирающих границы, предстоит тебе и никому иному; только ты, о владыка прошедшего и будущего, можешь погубить недругов! Яви свою милость, о бог владыка богов, прибегшим к тебе, молящим (о защите) небожителям, а данавов, о Владетель трезубца, истреби!»

Великий бог сказал:

Вот мое решение: всех этих недругов ваших должно истребить. Но одному мне не по силам погубить этих богоненавистников. Лучше вы сами дружно, общими усилиями и благодаря мощи моего оружия одолейте в битве тех врагов; великая сила в единении!

Богисказали: Сколько ни есть у нас пыла и мощи, у них, мы знаем, против нашего — вдвое; ведь прежде мы познали их пыл и их мощь!

Бхагаван сказал:

Эти нечестивцы, оскорбившие вас, подлежат полному истреблению! Возьмите половину ратного пыла моего и мощи — и убейте всех этих недругов.

Боги сказали:

Мы не сможем, о великий владыка, вместить половину еі твоего ратного пыла. Лучше ты сам, взяв половину нашей общей силы, порази врагов!

Дурьйодхана сказал:

Па эти слова, о достойнейший из царей, отвечал им владыка богов: «Да будет так!» Взял он половину их общей (мощи) и возрастил свой ратный пыл. Теперь этот бог силою превзошел всех; с той поры его и зовут Махадевой. И сказал Махадева: «С луком и стрелами в руках (стоя) на колеснице, я истреблю в битве недругов небожителей! Увидьте (духовным взором) эти мои лук, стрелу и колесницу, а также — как я сегодня повергну наземь врагов!»

Боги сказали:

Приняв различные облики, какие только возможны в троичном мире, мы построим тебе, о владыка богов, мощную колесницу, великолепную, хитро устроенную, творение Вишвакармана! — и вот тигры среди премудрых (богов) принялись строить колесницу. Несущая на себе все живое богиня Земля с горами, лесами и островами, увенчанная большими городами, стала передком колесницы, гора Мандара — ее осью, река Маханади — ее задней частью, главные и дополнительные стороны света — покрытием, пламенеющие планеты стали досками днища, звезды — защитным ограждением, дхарма, артха и кама совместно, а также всевозможные растения, разные цветы, плоды и побеги — передком с тройным дышлом. Солнце и месяц стали на этой превосходнейшей из колесниц колесами, а день и ночь — ее правым и левым боками. Десять царей нагов во главе с Дхритараштрой были крепким дышлом, небо — ярмом, Самвартака и Балахака — ремнями ярма. Стойкость, Смышленость, Твердость, Скромность были колышком дышла; небосвод, пестрый от звезд, накшатр и планет, служил шкурой. Владыки мира, цари богов, вод, мертвых и сокровищ превратились в коней, Синивали, Анумати, Куху и верный обетам Рака, а также Рохака и Кантхака стали конской упряжью. Деяние, Истина, Подвижничество и Польза стали поводьями, Сознание — местом колесничного бойца, Сарасвати — париратхьей. Ветер развевал яркие, многоцветные флаги; украшенная молнией и «луком Индры», та колесница источала пламенное сияние.

Вот так, о муж-тигр, великий царь, была сотворена богами для уничтожения недругов эта превосходнейшая колесница-Сложив в колеснице свое чудесное оружие, Шанкара установил на ней свой скребущий небосвод колесничный стяг со знаком быка. Жезл Брахмы, жезл Калы, жезл Рудры и Лихорадка встали стражами по бокам его колесницы, обратившись на все стороны света.

Стражами колес у того великого духом (бога) встали Атхарван с Ангирасом, а передовыми шли Ригведа, Самаведа и древнее Предание.

Итихаса и Яджурведа были «стражами тыла»; божественные Речения и Знания двигались вдоль боков (колесницы). Стрекалом возницы и прочими приспособлениями служили восклицания «вашат!» о царь, Индра царей, а слово «Ом», стоя на передке колесницы, придавало ей небывалую красоту. Год с шестью его сезонами сделал он великолепным своим луком, а Ночь гибели мира — его невредимой тетивой. Вишну, Огонь и Сома стали стрелой. Весь мир — это Агни и Сома, и еще говорят: этот мир — порождение Вишну. Вишну является Атманом щедро наделенного ратным пылом владыки Бхавы, а потому соприкосновения со (стрелами, слетающими с) тетивы лука Хары, не могут перенести (асуры). А в ту стрелу жгуче-гневный владык» вложил свой непереносимый, все сокрушающий, рожденный от гнева Бхригу и Ангираса пламенный гнев.

И вот он, сине-красный, багрово-дымный, внушающий ужас, облаченный в звериные шкуры, сверкающий как десять тысяч: солнц, воссиял в пламенном ореоле своей духовной мощи. Неуничтожимый, Уничтожитель (врагов), Победитель, Погубитель, Искоренитель брахмоненавистников, постоянно спасающий либо губящий тех, кто проявляет соответственно приверженность дхарме либо адхарме, владыка Стхаяу, пребывая в окружении ввергающих в смятение, грозных и гневных ганов, словно в окружении своих воплощенных духовных качеств, сиял величием.

И, обретя в его теле прибежище, вся эта вселенная, со всем движущимся в ней и недвижимым, волшебным преображением, блистала красотой, о царь! Увидев перед собой ту волшебную колесницу, он, облаченный в доспех, взял тогда лук и чудесную стрелу, которую сотворили собою Сома, Вишну и Агни. А (колесницу) владыки боги сделали стремительно-быстрой, приставив к ней, о царь, достойнейший из царей, Швасану-Ветер), несущего благоухание. Приняв от них ту колесницу, Махадева, готовый к бою, взошел на нее, отчего содрогнулась земля и даже боги затрепетали от страха.

Вооруженный мечом, луком и стрелой, тот бог Даритель, сияя величием, молвил с улыбкой: «Кто будет моим возничим?». И ответили ему сонмы богов: «Разумеется, о владыка богов, кого ты соблаговолишь назначить, тот и будет твоим возничим». Тут снова сказал им бог: «Решайте скорее сами и сделайте моим возничим того, кто превосходит меня!»

Услышав из уст великого духом (Шивы) такие слова, боги пошли к богу-Прародителю, умилившись его и сказали: «То, что ты велел нам сделать для уничтожения недругов Три-десяти, исполнили мы: ублажили Быкознаменного! Соорудили мы колесницу, снаряженную всевозможным оружием; не знаем только, кому быть возничим на этой прекраснейшей из колесниц! Назначь, о лучший из богов, кого-нибудь возничим! Соблаговоли сделать так, владыка, чтобы сбылось твое нам обещание! Ведь ты говорил прежде: «Порадею о вашем благе!» — соизволь же это исполнить, о владыка!

Снарядили мы эту превосходнейшую колесницу, неудержимую, обращающую в бегство недругов, Владетеля Пинаки поставили на ней колесничным бойцом; вселяя ужас в данавов. стоит он, готовый к бою. Превосходные кони — это четыре Веды, сама земля с ее горами — колесница, сонм накшатр расположился на защитном ограждении, о великий духом; но колесничного бойца в ней должен оберегать возничий!

Надо найти для нее возничего, который превосходил бы всех нас, кто был бы под стать и колеснице, и коням, и воину, и доспехам, и оружию, и луку, о бог-Прародитель! Помимо тебя, о владыка, мы не видим здесь другого такого возницы; ведь ты наделен всеми достоинствами, превосходишь всех богов; взойди же скорей на место колесничного, правь превосходнейшими конями!» Вот так, слышали мы, умилившись боги, преклонив головы, владыку тройственного мира, Прародителя, дабы принял он должность колесничного.

Брахма сказал:

В том, что сказали вы, о небожители, все истинно: да, я буду править конями, пока Капардин сражается!

Так боги сделали Владыку, Творца мира, бога-Прародителя ios-iu колесничим у великого духом Ишаны. Когда он, чтимый всем миром, стремительно взошел на ту колесницу, быстрые как ветер кони тотчас опустили ниц головы, а когда взошел Махеш-вара, то преклонили колени до земли. И Прародитель, владыка трех миров, натянув поводья, стал погонять тех быстрых как мысль и ветер коней. А Владыка вселенной, когда Даритель, взойдя на колесницу, устремил ее на асуров, улыбаясь, воскликнул: «Чудесно! Поезжай, о бог, туда, где дайтьи, без устали погоняй коней! И узри мощь моих рук, когда я сегодня в битве буду истреблять недругов!» И тот погнал коней, соперничавших быстротой с порывом ветра, к охраняемому дайтьями и данавами Тройному городу.

Наконец, надев на лук тетиву и возложив на нее ту стрелу, коей он придал мощь оружия своего Пашупата, Шарва сосредоточился помыслами на Тройном городе. И пока он, исполненный гнева, стоял там, держа наготове лук, пришел тут срок, о царь, и те три города слились в один. Великие боги, когда предстал перед ними воедино слившийся тройной город, предались шумной радости. Сонмы богов, все сиддхи и великие святые мудрецы, исполнившись радости, вознося хвалы, восклицали: «Победа! Победа!».

И вот перед взором того, чей ратный пыл губительно жгуч, чей облик невыразимо ужасен, того, кто жаждал погибели асуров, предстал воочию Тройной город. Натянув волшебный лук, владыка, повелитель вселенной, пустил ту стрелу, наилучшую в трех мирах, прямо в Тройной город; и, испепелив ею полчища асуров, он поверг (их) в западный океан.

Так разъяренный Махешвара, радея о благе трех миров, сжег тот Тронной город и всех без остатка данавов. А пламя, порожденное его собственным гневом, Треокий остановил, сказав ему: «Перестань! Не испепеляй все миры!». Затем боги, святые мудрецы и все обитатели миров, вновь обретя первозданный покой, преисполненными почтительности речами восславили наделенного несравненной доблестью Стхану. И когда удовлетворенный Владыка им позволил, то все боги, достигшие исполнения своих желаний, разошлись, возглавляемые Праджапати, по своим домам.

Подобно тому как (это делал) Творец вселенной, Прародитель, Владыка Брахма, так и ты правь конями великого духом Радхеи! Ведь нет ни тени сомнения в том, что ты, о царь-тигр, превосходишь и Кришну, и Карну, и, разумеется, Пхальгуну! И если Карна в битве равен Рудре, то ты равен Брахме, о безгрешный! А потому вам по силам одолеть вдвоем в битве врагов моих, что подобны асурам! Надо немедля сделать все для того, о Шалья, чтобы Карна сегодня же, одолев, сразил Белоконного Каунтею, у которого возниким — Кришна! Благо наше, Карны и всего царства всецело зависит от тебя! Слушай я расскажу тебе еще одно предание; когда-то некий брахман, знаток дхармы, поведал его в присутствии моего отца. Выслушав этот дивный рассказ, раскрывающий причины, цель и смысл (великих деяний), решайся, Шалья, и действуй, не ведая сомнений!

В роде Бхаргавов родился великий подвижник Джамадагни; у него же был сын по имени Рама, преисполненный духовной мощи и всевозможных достоинств. Для того чтобы добыть оружие, он, благостен духом, самообуздан, смиривши чувства, предавался суровейшему подвижничеству, умиловляя Бхаву. Понравились Махадеве преданность его и смирение; и вот, постигнув его сокровенное желание, явился ему Шанкара.

Ишвара сказал: Благо тебе, Рама, я доволен! Знаю твоё желание! Соверши только очищение духа своего — и все это получишь. Дам тебе ору/Кие не раньше, чем ты очистишься, ибо оно сожигает непригодного и недостойного, о Бхаргава!

Выслушал Джамадахнья слова бога богов, Владетеля трезубца, преклонил голову перед великим владыкой и отвечал: «Когда ты, владыка богов, сам сочтешь меня достойным власти этим оружием, тогда и соизволь вручить его мне, верному слуге твоему, о почтенный!».

Дурьодхана сказал:

Затем подвижничеством, воздержанием, соблюдением обетов, почитанием, обрядами и жертвоприношениями, при которых произносились мантры и возливалось на огонь жертвенное масло, великое множество лет умилостивлял он Шарву; и остался Махадева доволен великим Бхаргавой. Не раз в присутствии Богини говорил он о его достоинствах: «Этот Рама, стойкий в обетах, вечно мне предан!» Так удовлетворенный Владыка, Губитель недругов, не раз описывал достоинства его перед богами и питарами.

А в это самое время жили на свете многомогущие дайти; ослепленные гордыней и заблуждением, притесняли они небожителей. Объединившись, решили премудрые их уничтожить; много трудились, чтобы погубить недругов, но одолеть их так и не смогли. Тогда пришли боги к Махешваре и, умилостивляя его выражениями своей преданности, сказали: «Истреби вражеские полчища!» Шанкара, пообещав богам, что погубит их недругов, призвал к себе потом Раму Бхаргаву и сказал: «Из желанья блага вселенной и мне на радость уничтожь всех врагов небожителей, о Бхаргава!».

Рама сказал:

Где мне взять такую силу, о Махешвара, владыка богов, чтобы без оружия перебить всех этих великолепно вооруженных, опьяняющихся битвой данавов! Ишвара сказал:

Ступай, ты уничтожишь данавов (одной лишь) силой моего ш благословения. Когда одолеешь недругов — тогда и даруются тебе всякие многие блага! Дурьодхана сказал:

Выслушав эти слова и беспрекословно повиновавшись, Рама, после того как совершен был над ним обряд благословения, выступил против данавов. Ударами, разящими как ваджра и ашани, сокрушил Бхаргава богоненавистников, преисполненных силы, гордыни и безумия. Все тело того достойнейшего из дваждырожденных, сына Джамадагни, было изранено данавами, но от одного лишь прикосновения Стхану он тотчас вновь сделался невредим. Тем подвигом его остался доволен Великий бог и даровал он великому духом Бхаргаве, постигшему брахму, разные дары. С любовью сказал ему Бог богов, Владетель трезубца:

«Муки, которые ты претерпел от оружия, поражавшего твое тело, делают явным величие этого подвига, который ты совершил одними человеческими силами, о радость Бхаргавов! Теперь же прими от меня, как ты того хотел, волшебное оружие». После того, приняв все оружие и многие другие желанные сердцу дары, великий подвижник Рама преклонил главу свою перед Шивой, испросил у владыки богов напутствия и удалился. Так это было в давние времена, о чем поведал (нам) святой мудрец.

А ведь иноой, как Бхаргава, до глубины души растроганный, передал, о муж-тигр, все свое знание военной науки великому духом Карне! Будь за Карной хоть какой-нибудь грех, о царь, — не дал бы ему тогда волшебного оружия потомок Бхригу! И я не думаю, что Карна мог родиться в роду сут; скорее, он — сын бога, происшедший из кшатрийского рода! Такого, как он, мощнодланного колесничного бойца, с волшебными серьгами и панцирем, схожего обликом с Адитьей, (такого) тигра — может ли родить олениха? Взгляни только на мощные руки его, подобные хоботу царя слонов, на эту его широкую грудь, сокрушающую любого врага!

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» двадцать четвертая глава.

ГЛАВА 25

Дурьодхана сказал:

Вот как случилось, что этот Великий бог, Прародитель всей вселенной исполнял должность колесничего в то время, как Рудра был колесничным бойцом. Так и должно быть, чтобы возникший был еще более доблестен, чем колесничный боец. Потому ты, о муж-тигр, правь в этой битве конями!

Санджая сказал:

Тут губитель недругов Шалья, царь мадров, обняв сына твоего Дурьодхану, молвил ему, довольный, такое слово: «Коли таковы помыслы твои, о царь, сын Гандхари, любезный взору, то я готов

исполнить все, что тебе любо! О всяком деле, к какому окажусь пригоден, буду радеть всем сердцем, о бха-рата; возложу на себя бремя твоих забот! А все то, что я, стремясь к одному лишь благу, сказал тут о Карне, приятного или неприятного, простите мне это, и Карна, и ты, почтенный!».

Карна сказал:

Как Брахма — Ишане, как Кешава — Партхе, так и ты, о царь мадров, споспешествуй нам, неустанно радея о нашем благе!

Шалья сказал:

Самоунижение и самопоклонение, обращенные к другому хула и хвала — вот четыре вида поведения, неподобающего благородным. Но то, что я сейчас скажу, хоть и сопряжено с самохвальством, призвано возрастить в тебе доверие ко мне: так и восприми это, о мудрый! По хладнокровной исполнительности, по знаниям, умудренности, по умению найти выход из затруднения я мог бы, о владыка, подобно Матали, быть возничим и у Шакры! И когда ты сразишься, о безупречный, на бранном поле с Партхой, ведь это я буду погонять твоих коней; так не тревожься ни о чем, о Сын суты!

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» двадцать пятая глава.

ГЛАВА 26

Дурьодхана сказал:

О Карна, этот царь мадров будет у тебя возницей; как колесничий он подобен Матали, вознице Индры, и превосходит Кришну! Как Матали правит конями Хари, так и Шалья будет сегодня править запряженными в твою колесницу конями! Коли ты будешь колесничным бойцом, а царь мадров — возничим, то нет сомнения: в битве одержит верх эта превосходнейшая ваша колесница, а не Партха!

Санджая сказал:

Затем, о царь, Дурьодхана вновь обратился к могучему царю мадров, привычному править на поле битвы превосходнейшими конями: «Под твоею защитой Радхей одолеет Завоевателя богатств!».

В ответ на это «Да будет так!» — сказал Шалья, о бхарата, и взошел на колесницу. Когда подошел Шалья, Карна радостно сказал ему, своему возничему: «О сута, тщательно и поспешно изготвь к бою мою колесницу!». И тот, должным образом изготвив превосходную, схожую с градом гандхарвов, победоносную колесницу, предоставил ее ему со словами: «Побеждай, о вождь!».

Тогда Карна, наилучший из колесничных бойцов, по всем правилам воздал почести той колеснице, которую прежде уже освятил жрец его царского рода, прозревший суть Вед. Карна совершил (вокруг колесницы) прадакшину, усердно почтил Бхаскару и затем возвел бывшего рядом Шалью на переднее место. И наделенный в избытке ратным пылом Шалья взошел на ту превосходную, несокрушимую колесницу Карны, словно лев — на гору.

Затем на великолепную свою колесницу, в которой стоял уже Шалья, поднялся и Карна, о царь; так Творец дня поднимается на тучу, в которой (блещет) молния. Взойдя на одну колесницу, сиянием равняясь с Огнем и Адитьей, те двое блистали, словно Сурья и Агни, (поднявшиеся) в небе на одно облако. Те два осиянных величием героя, которым (певцы) воспевали хвалы, подобны были Индре и Агни, коим ритвиджи и садасьи воздают почести во время жертвоприношения"". Стоя на колеснице, конями которой правил Шалья, Карна растягивал вширь свой грозный лук, как Бхаскара распространяет свой светлый ореол. Муж-тигр Карна, рассеивающий лучи стрел, стоя на той прекрасной колеснице, сиял величием, словно Лучистое (Солнце), вставшее на вершине Мандары.

Тому обладателю непомерного ратного пыла, великому мужу Радхее, едущему в колеснице (на битву), Дурьодхана сказал такое слово: «О герой, сын Адхиратхи! Сверши в битве, на глазах у всех этих лучников, трудноисполнимый подвиг, который не удалось свершить Бхинше и Дроне! Думал я, что

два великоколесничных бойца, Бхишма и Дропа, непременно сразят Арджуну с Бхимасеной. Теперь ты сверши в великой битве тот геройский подвиг, что они вдвоем не свершили, о отважный Радхея, словно бы второй Держатель ваджры! Плени Царя справедливости, срази Завоевателя богатств, либо Бхимасену, либо Близнецов, сыновей Мадри, о Радхея! Благо тебе, муж-бык, ступай на бой и побеждай! Обрати в пепел все воинство сына Панду!».

В этот миг дивно зазвучали, подобно голосу небесных туч, тысячи труб, десятки тысяч больших боевых барабанов. А Радхея, стоя в принадлежавшей ему превосходнейшей колеснице, выслушав ту речь, молвил искусному воителю Шалье: «Погоняй коней, мощнодланый! Да сражу я Завоевателя богатств, Бхимасену, обоих Близнецов и царя Юдхистхиру! Да узрит сегодня Завоеватель богатств мощь моих рук, когда я буду метать сотнями и тысячами оснащенные перьями цапли стрелы, о Шалья! Сейчас я буду пускать наиострейшие стрелы, о Шалья, на погибель Пандавам, для победы Дурьодханы!».

Шалья сказал:

Почему, о Сын суты, ты столь пренебрегаешь Пандавами: ведь все они как один — знатоки всех видов оружия, великие лучники, славные колесничные бойцы, иричастны великой доле, истинно доблестны, непобедимы, никогда не обращаются вспять, способны устроить самого Шатакрату! Когда ты услышишь гром Гандивы, звучащего словно ашани, то не посмеешь говорить так, о Радхея!

Санджая сказал:

Не удостоив вниманием слова царя мадров, Карна так молвил Шалье, о владыка людей: «Сейчас сам все увидишь!» Когда великий лучник Карна, горя жаждою битвы, встал, изготовившись к бою (на поле), воины куру, всем видом являя радость, громко закричали, о губитель недругов! И вот под стук барабанов, гром литавр, пение стрел, громовые кличи могучих (бойцов) двинулись (воины) твои на битву, твердо решив, что их остановит одна лишь Смерть.

Но когда Карна выступил на бой и воины исполнились ликования, земля вдруг заколебалась, о царь, и издала громкий стон. Семь планет во главе с Солнцем, казалось, сошли со своих орбит; стали падать с небес метеоры, пламя разлилось по сторонам света, грянули молнии, подули свирепые ветры. Стаи диких зверей и птиц во множестве обходили воинство твое по кругу апасавьи, предвещая великие бедствия. Когда Карна тронулся с места, кони его стали вязнуть ногами в земле, из поднебесья выпал грозный ливень (человеческих) костей. Оружие (воинов) охватило пламя, их знамена заколебались, из глаз ездовых животных заструились слезы, о владыка народа! Эти и другие многочисленные зловещие знамения, о почтенный, возвещали явлением своим погибель кауравам. Но никто из них, ослепленных Роком, не внял этим (приметам). Всю землю огласили они обращенным к высту в-пившему на бой Сыну суты криком: «Побеждай!»; уже побежденными мнили Пандавов твои кауравы!

Тут, стоя на колеснице, помыслив о том, как была попорана 40 iSs доблесть Бхишмы и Дроны, воспламенился губитель вражеских героев, мощный как слон колесничный боец, блеском подобный Огню Вриша Вайкартана. Вспомнив о непревзойденном деянии Партхи, сожигаемый тщеславием и гордыней, пламенея от гнева, тяжело вздыхая, сказал он, обратившись к Шалье:

«Вооружен луком, стоя на этой колеснице, я не усташусь даже разгневанного Махендры с ваджрой в руке! Даже вид павших (героев) из тех, что бились под началом Бхишмы, не лишает меня стойкости! Но от мысли о том, что те двое, безупречные, подобные Вишну и Махендре, сокрушители превосходных колесниц, конницы и слонов, неуязвимые, были все же убиты врагами, меня и сейчас, средь битвы, охватывает страх!

Как случилось, что наставник, тот бык-брахман, знаток чудесного оружия, видя, как цари истребляют стрелами в битве наших могучих пеших воинов, конницу, колесницы и слонов, не перебил тотчас всех этих врагов? Внемлите, о куру, истинно говорю вам: кроме меня, никто из вас не сможет, помня о приказе, отданном в великой битве Дроной, противостоять неуклонному натиску Арджуны, грозного обликом, словно сама Смерть! Ведь Дрона обладал опытом, хладнокровием, силой, стойкостью,

смирной исполнительностью, волшебным оружием; если уж этот великий духом герой стал добычей Смерти, все прочие (наши бойцы) видятся мне ныне немощными!

В силу неуследимой взаимосвязи деяний (в различных рожденьях) нет ничего в этом мире, что можно считать постоянным; кто же теперь, когда пал наставник, может, лишенный сомнений, обольщать себя на восходе солнца дерзкой надеждой (дожить до вечера)! Если даже наставник наш сражен в битве врагами, то, значит, ни какое-либо оружие, хоть и волшебное, ни мощь, ни доблесть, ни умение, ни житейская мудрость не могут обеспечить человеку удачи! Пламенностью духа был он равен Адитье и Вкустителю жертв, доблестью подобен Вишну и Пурандаре, разумностью поведения всегда равнялся Брихаспати и Ушанасу; но и его не смогло спасти неотразимое его оружие!

Плачут, вопят жены и дети наши; сломлено мужество сынов Дхритараштры, и я знаю: настал мой черед действовать; так поезжай прямо на войско наших недругов! Вот стоят перед нами и верный истине царственный сын Панду, и Бхи-масена с Арджуной, и Васудева, и сринджаи, и Сатьяки, и Близнецы — кто еще, как не я, устоит перед ними обоими? Потому скорее, о владыка мадров, вези меня среди битвы прямо на панчалов, Пандавов и сринджаев; сойдясь с ними в бою, я, надеюсь, перебую их или же сам отправлюсь свидетельствовать с Дроной! Не думай, о Шалья, что я не отважусь врубиться в толпу этих героев! Нестерпима для меня мысль о подобной измене (делу) друга; (лучше), расставшись с жизнью, я последую за Дроной! Умен человек или глуп, суждено ему сгинуть в пасти Антаки, в конце жизни он испустит дух. Потому, о мудрый, я выступлю сейчас против Партхи: ведь уготованного Роком нельзя избежать! Сын Вайчитравирьи, о царь, неизменно был добр ко мне, и для того, чтобы дело его увенчалось успехом, я готов отречься от всех милых радостей, даже от столь драгоценной жизни!

Эта превосходнейшая из колесниц, в которую впряжены наилучшие кони, обтянутая тигровыми шкурами, с нескрипящей осью, с золоченым трехстенным кузовом, с посеребренным тройным дышлом была мне дарована самим Рамой. Погляди, о Шалья, на эти прекрасные луки, на знамя, на палицу, на эти грозного вида стрелы, на этот пламенеющий меч, на волшебное оружие, на грозно звучащую, блистающую раковину!

Взойдя на эту великолепную, мощную колесницу, грохочущую как удар ваджры, украшенную флагами и превосходными колчанами, влекомую белыми конями, мощью своей я погублю в битве Арджуну! Если даже сама Смерть, уносящая все живое, станет неусыпно охранять на поле брани сына Панду, я все же, сойдясь с ним в охватке, либо сражу его, либо сам пойду к Яме по стопам Бхишмы! Если даже Яма, Варуна, Кубера и Васавы с сопровождающими их сонмами, явившись сюда, станут сообща оберегать в великой битве Пандаву, то и тогда я одолею его заодно с ними!»

Выслушав речь похваляющегося, рвущегося в бой (Карны), отважный царь мадров усмехнулся и, дабы воспрепятствовать ему, свысока молвил следующее: «Воздержись, воздержись, о Карна, от похвалы! Ты чересчур возбужден и говоришь много неподобающего.

Ведь кто таков Завоеватель богатств, достойнейший из мужей, и кто ты в сравнении с ним: опомнись, неразумный! Кто еще в этом мире, кроме Арджуны, мог бы силою похитить младшую сестру достойнейшего из мужей (Кришны) при том, что сам младший брат Индры стерег обитель ядавов так же (бдительно), как Царь бессмертных хранит свое небо?! Кто еще из людей, кроме Арджуны, равного величием и доблестью владыке богов, мог бы в этом шг্রে вызвать Бхаву, Владыку Владык, Создателя трех миров, па битву, поспорив с ним из-за охотничьей добычи?!

Из почтения к Агни Победоносец, одолев стрелами богов и асуров, людей и великих -змеев, гаруд, пишачей, якшей и ракшасов, предоставил тому желанную жертвенную пищу. Помнишь ли ты, о сын Солнца, как достойнейшие из мужей (Пандавы), когда сын Дхритараштры был уведен врагами, освободили его, истребив среди пустынь множества тех недругов? Помнишь ли, как Пандавы, когда ты сам первый обратился в бегство, спасли охочих до ссор сыновей Дхритараштры, одолев сонмы небо-хвдящих (гандхарвов)?

В другой раз, при угоне скота, достойнейший из мужей (один) победил (кауравов) со всем их войском и ездовыми животными, с наставником, сыном наставника и с Бхишмакой. Почему же тогда не осилил ты Арджуну? Ныне опять предстоит, тебе на погибель, славная битва; и если ты, убоявшись врага, не обратишься в бегство, то едва лишь вступишь в бой — как сразу погибнешь, о Сын суты!».

Санджая сказал:

Когда Шалья высказал ему вещи столь оскорбительные и с воодушевлением воспел хвалу его противнику, Вриша, предводитель воинства куру, преисполнившись ярости, молвил владыке мадров: «Пусть так, но зачем ты меня оскорбляешь?! Близок час моей с ним битвы. Только если он в той великой схватке меня одолеет, то оправдаются твои славословия!».

Царь мадров ответил: «Да будет так!» — и не сказал ничего более. А Карна, жаждущий схватки, воскликнул: «Вперед, о царь мадров!» И тот колесничный боец, чью колесницу везли погоняемые Шальей белые кони, устремился на врагов, разя их в битве, как Савитар (разит лучами) мрак. На той колеснице, покрытой тигровыми шкурами, влекомой белыми конями, радостно устремился Карна вперед. И, обозревая воинство Пандавов, нетерпеливо разыскивал он всюду Завоевателя богатств. *Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» двадцать шестая глава.*

ГЛАВА 27

Санджая сказал:

Двигаясь вперед и (тем) веселя свое воинство, Карна расспрашивал каждого пандавского (бойца), который встречался, ему на поле брани: «Кто укажет мне сейчас великого духом Белоконого, тому я дам любой приятный дар, какого душа! его ни пожелает! Кто скажет мне, где Завоеватель богатств, тому, если он захочет, я дам еще в придачу повозку, доверху, груженную драгоценностями! Кто укажет Арджуну, тому человеку, если он захочет, я дам и другую (повозку), золотую, в которую впряжена шестерка слонов!

А еще дам ему в придачу сотню дев, смуглых, нарядных, носящих на шее) ожерелья, искусных певиц и музыкантов! Кто укажет Арджуну, тому человеку, если он захочет, я дам и еще один дар: пять сотен белых коней! Дам и восемьсот других, покрытых золотой сбруей, отлично обьеженных, (в ушах) у них — серьги с отборными самоцветами! Кто скажет мне, где Завоеватель богатств, тому я дам золотую, сияющую, изукрашенную колесницу, влекомую наилучшими камбоджийскими конями

И другой дам ему дар: шесть сотен слонов, покрытых всевозможной золотой сбруей, украшенных золотыми венками, рожденных в стране апарантов, обученных искусными дрессировщиками! Кто укажет Арджуну, тому человеку, если он захочет, я дам еще и любой другой дар, какой он сам выберет! «Жен, сыновей, увеселительные рощи, всякое богатство, каким владею, — все дам ему в придачу, чего душа его ни пожелает! Кто скажет мне, где Кешава с Арджуной, тому я, сразив обоих Кришн, отдам все их богатства!».

Многократно повторив среди битвы эти речи, Карна затрубил в свою океаном рожденную, дивно звучащую раковину. А Дурьодхана и его соратники, заслышав эти приличествующие обстановке речи Сына суты, преисполнились радости, о великий царь! Тут повсюду в рати твоей, о царь, слышались звуки музыки, грохот литавр и мридангов, львиные кличи, рев слонов; воины издали громкий крик ликования, о бык-бхарата!

Тогда увлеченному похвальбой, несущемуся в бой среди ликующего войска великоколесничному бойцу, губителю недругов Радхее царь мадров отвечал с усмешкой такую речь: «Не дари никому, о Сын суты, в своей гордыне, золотую (повозку) с шестеркой слонов; (ведь и без того) ты сейчас увидишь Завоевателя богатств! В ребячливости своей ты расточаешь богатства, словно сам Вайшравана; но и без всяких к тому усилий ты сейчас встретишься с Завоевателем богатств, о Радхей!

Зачем ты, словно глупец, тратишь столько всего впустую; или тебе, в заблуждении, неведомо, какую скверной пятнают людей дарения, поднесенные недостойными? На те богатства, что ты раздариваешь во множестве, можно было бы совершить немало жертвоприношений; употреби их лучше на жертвы, о сута! А то, что ты, в неразумии своем, вознамерился л бить обоих Кришн, — попросту нелепо. Слыхано ли, чтобы накал одолел в схватке пару львов?

Ты стремишься к запретному, и нет у тебя друзей, которые удержали бы тебя, стремительно летящего в огонь. Ты не сознаешь, что и когда следует делать, и, несомненно, уже вызрел твой срок; разве тот, кому жизнь дорога, посмел бы на говорить столько нелепого и противного слуху? Затея твоя подобна попытке вплавь перебраться через море с камнем, привязанным к шее, или прыжку вниз с вершины горы. Если хочешь себе добра, то сражайся с Завоевателем богатств при поддержке всех твоих бойцов, под защитой всего стоящего в боевом порядке воинства! Говорю так не из вражды к тебе, а из желания блага сыну Дхритараштры; и если жизнь тебе дорога, поверь тому, что я сказал!».

Карна сказал:

Я ищу встречи с Арджуной на поле брани, всецело полагаясь на свою мощь и доблесть; ты же, враг под личиной друга, хочешь устроить меня! Но уже никто не остановит меня на пути к моей цели, даже Индра, воздевший ваджру: так по силам ли это смертному!

Санджая сказал:

Едва умолк Карна, как Шалья, владыка мадров, стремясь разъярить его до неистовства, вновь обратился к нему с такими словами: «Когда оснащенные перьями цапли, остроконечные, проворно и мощно пускаемые Пхальгуной с тетивы его лука стрелы станут неотступно преследовать тебя, ты пожалеешь тогда о том, что встретился с Арджуной! Когда Партха Савьясачин, взяв свой волшебный лук, озарит при своем появлении сиянием сражающиеся рати и изранит тебя острыми стрелами, тогда ты будешь запоздало каяться, о Сын суты! Как дитя, лежа на материнских коленях, силится достать ручонками луну, так и ты сейчас, в ослеплении, стоя на своей колеснице, силишься, что есть мочи, одолеть Арджуну! Желая сразиться сейчас с Арджуной, чьи деяния разящи как острия, ты, о Карна, словно бы прислонился и трешься всем телом об острые зубья тришулы! Ты бросаешь Арджуне вызов, о Сын суты, точно так, как если бы маленький, глупый, быстроногий олененок вызывал на бой большого, взрослого, гривастого льва! Не вызывай на бой великого героя, царского сына, о Сын суты, словно шакал в лесу, который, насытившись мясом, дерзает бросить вызов льву! Да не придешь ты при встрече с Партхой к гибели!

Ты бросаешь вызов на битву, о Карна, Партхе, Завоевателю-богатств, словно заяц — огромному, с лопнувшими висками, с бивнями как дышла слону! Желая сразиться о Арджуной, ты словно тычешь палкой, в ребяческой глупости, притаившуюся в своей норе черную змею, смертельно ядовитую, (уже) раздувшую (в ярости) свой капюшон! В безумии своем ты рычишь на этого мужа-льва Пандаву, о Карна, как шакал дерзко рычит на разгневанного гривастого льва! Ты бросаешь, о Карна, вызов Партхе, Завоевателю богатств, словно ласточка вызывает на состязание в полете превосходнейшего из пернатых, Супарну, сына Винаты!

Ты хочешь без лодки переплыть вместилище всех вод — грозный, волнующийся, полный морских чудищ, пришедший в движение с восходом луны океан! Ты, о Карна, — теленок, вызывающий на бой Партху, Завоевателя богатств, — остророгого, с шеей, толстой как большой барабан, бойцового быка! Ты — лягушка, а возвышаешь голос против Арджуны, Парджаньи среди людей, — огромного, грозио ревущего облака, подателя желанной влаги! Как собака, сидя на своем дворе, лает на рыскающего по лесу тигра, так и ты, о Карна, лаешь на мужа-тигра, Завоевателя богатств! Ведь и шакал, о Карна, живя в лесу, в окружении зайцев, мнит себя львом лишь до тех пор, пока не встретит настоящего льва! Так и ты, о Радхей, хочешь быть львом; но ты еще не встретился с Завоевателем богатств, мужем-тигром, смирителем недругов! Ты мнишь себя тигром, но лишь до тех пор, пока не встретил двух Кришн, стоящих рядом на колеснице, подобных Солнцу и Месяцу!

Можешь болтать все, что тебе, угодно, Карна, но лишь до той поры, пока не услышишь звука, издаваемого Гандивой в великой битве! Когда (Арджуна), словно ревуший тигр, огласит десять сторон света громом колесницы и свистом стрел, ты сразу превратишься в шакала! Да и всегда ты был шакалом, а Завоеватель богатств — всегда львом; из-за ненависти своей к тому герою ты вечно подобишься шакалу, глупец! Всем ведь известно, что если сравнить его и твои деяния, его силу и твою бессилие, то ты перед Партхой — как мышь перед котом, собака перед тигром, шакал перед львом, заяц перед слоном, ложь перед истиной, яд перед амритой!».

Санджая сказал:

Претерпев от Шальи, носителя непомерного пыла, такие оскорбления, ощутив слова его как разящие копыя, отвечал ему Радхей: «Достоинства мужа достойного ведомы лишь достойному, а не тому, кто сам лишен достоинств. Как же ты, о Шалья, кто всегда был лишен достоинств, можешь, недостойный, что-то смыслить в чужих достоинствах? О чудесном оружии Арджуны, его доблести, гнев, его луке и стрелах я знаю, о Шалья, намного лучше тебя. И я вызываю его на бой не в ослеплении, как мошка, летящая на пламя, но хорошо зная и свою доблесть, и доблесть Пандавы!»

Есть у меня, о Шалья, вот эта стрела, красиво оперенная, питающаяся кровью, крылатая, отполированная, изукрашенная, хранимая в особом колчане, в сандаловом порошке, многие годы чтимая, змеиной природы, ядовитая, грозная, истребляющая толпы людей, коней и слонов! Не имея равных себе мощью, яростная, пробивает она и кости, и доспехи; ею я мог бы в гневе сокрушить даже великую гору Меру. И я ни за что не пошлю ее ни в кого, кроме Пхальгуны! Истинно говорю тебе: этой стрелой, о Шалья, я сражусь, обуянный яростью, с Васудевой и Завоевателем богатств; и это будет достойный меня подвиг!

Из всех сыновей Васудевы в одном Кришне пребывает Лакшми; из всех сыновей Панду только в Партхе пребывает Победа; кто же достоин чести в схватке одолеть их обоих? И вот, когда два этих мужа-тигра, стоя вместе на колеснице, устремятся на меня одного, — тогда ты увидишь, о Шалья, свидетельство моего высокого рождения! Два этих неодолимых (прежде) брата, отец одного из которых другому приходится дядей по матери, а мать другого — первому тетка, будут, ты увидишь, сражены мною и нанизаны (на стрелу), словно две бусины на нить Гандива Арджуны, чакра Кришны, их знамена с изображениями Таркшьи и обезьяны внушают страх только трусам, о Шалья, во мне же рождают радость!

Ты глуп, зол по природе, неискусен в великих воинских деяниях. Одержимый страхом, из трусости плетешь ты столько бессмыслиц! Зачем, с какой целью ты их восхваляешь, ты, рожденный в дурной стране?! Сразив их в битве, я непременно уничтожу и тебя со всей твоей родней! Рожденный в стране нечестивых, жалкий глупец, осквернитель достоинства кшатрия — почему, бывши мне прежде другом, ты ныне как враг внушаешь мне страх перед двумя Кришнами? Сегодня либо они сразят меня, либо я сам сражу обоих в битве; я не боюсь двух Кришн, ибо хорошо знаю свою силу! Я один сокрушу сотню Пхальгун, тысячу Васудев; и впредь ни слова, о ты, рожденный в дурной стране!

Слушай, о Шалья, вот какие стихи часто распевают, потехи ради, затвердив их наизусть как урок, люди, и жены их, и старики, и дети; это стихи о зловредных мадраках, которые в старину в собрании царей поведали брахманы. Выслушав внимательно, либо смиришься, глупец, либо возражай! «Мадрака — всегда изменник, всякий наш ненавистник — мадрака! Не может быть дружбы с мадракой, подлым в речах, наихудшим из людей! Всегда злокознен мадрака, всегда лжив и бесчестен; говорят, что до самой смерти привержены подлости мадраки! Их отцы, матери, сыновья, тесты и тещи, дядья и тетки, зятья, дочери, братья, внуки и прочие родственники, взрослые и несовершеннолетние, водятся с рабами и рабынями; женщины их, как им вздумается, сходятся с мужчинами, знакомыми и незнакомыми.

В домах своих знатнейших людей, тех, что всегда питаются ячменной мантхой, напиваются они сидху, заедая говядиной, а потом шумят и хохочут. Творят они всякие, какие ни пожелают, непотребства, болтают друг с другом о чувственных утехах; откуда же быть дхарме между ними, прославленными

своими мерзостями, испорченными мадраками! Не должно заводить с мадраками ни дружбы, ни вражды!

Не может быть союза с мадракой, ибо ненадежен мадрака. Утрачивается среди мадраков безгливость к нечистым прикосновениям, пропадает среди гандхариков чистота; пропадает и приносимое жертвенное возлияние, когда царь одновременно — и заказчик, и жрец. Как брахман, совершающий обряды для шудр, приходит к гибели, так неизменно погибают в этом мире и все ненавистники брахманов.

Нет дружбы в мадраке. «Яд скорпиона убит!» — этой мантрой Атхарваведы следует совершать защитный обряд. Доподлинно известно, что мудрые такими словами излечивают человека, укушенного скорпионом или пораженного любым другим ядом. Зная это, умолкни и послушай, что я еще тебе скажу!

Женщины (мадров), обезумев от выпитого вина, срывают с себя одежды и пускаются в пляс; в плотской любви они необузданны и вытворяют все, чего только ни пожелают. Может ли от них рожденный мадрака быть достоин того, чтобы рассуждать о дхарме! И ты, рожденный от (одной из) таких женщин, мочащихся стоя, как верблюдицы, утративших стыд, либо вовсе его не имевших, — ты хочешь говорить о дхарме! Если у женщины мадраков попросить сувираки, то она, не желая давать, говорит, почесывая себе ляжки, такие страшные слова:

«Да не попросит у меня (никто, даже) любовник мой, сувираки! Сына отдам, себя отдам скорее, чем сувираку». Говорят, что почти все женщины мадраков толсты, бесстыдны, закутаны в шерстяные покрывала, прожорливы, потеряли честь! Эти и многие другие подробности о них мог бы засвидетельствовать как я сам, так и другие, познавшие их во всех достопримечательностях их дурного поведения, от кончиков волос — до кончиков ногтей! Как могут понимать что-либо в дхарме мадраки и синдху-саувиры, рожденные в нечестивой стране млеччи, ничего не ведающие о дхармах!».

Говорят, что первейшая дхарма кшатрия — упокоиться сраженным на поле брани, окруженным почитанием достойных мужей! Но, хотя я и жажду обрести небо через смерть в бою, избавиться от жизни в этой сече не есть моя главная цель! Ведь я близкий друг мудрого сына Дхритараштры; моя жизнь и все достояние, какое имею, без остатка посвящены его делу!

Ты же, рожденный в стране нечестивых, — явный пособник Пандавов, ибо ты во всем ведешь себя как наш враг! И все же даже сотня тебе подобных не смогла бы заставить меня отказаться от битвы, как не смогут настиги переспорить знатока дхармы! Как олень, томимый зноем, хочешь — плачь, а хочешь — иссохни от жажды; только меня, верного долгу кшатрия, нельзя запугать! Помнишь, что рассказывал прежде наставник мой, Рама, об участии, ожидающей мужей-львов, которые, не обращаясь вспять, расстаются в битвах с жизнью? Знай, что я, решившись спасти наших и погубить недругов, твердо следую примеру превосходнейшего Пауруаваса! Я не знаю, пожалуй, во всех трех мирах такого существа, о мадрака, которое могло бы остановить меня на пути к нашей цели! Зная это, умолкни: зачем из трусости столько пустословишь? Но я не убью тебя и не брошу пожирателям падали, о презреннейший мадрака!

Во имя (прежней) дружбы, из уважения к сыну Дхритараштры и повинуюсь приказу — по этим трем причинам оставляю тебя в живых! Если же, о царь мадров, ты вновь заведешь подобные речи, то своей палицей, что подобна ваджре, я снесу тебе голову! Сегодня же все увидят и услышат, о ты, рожденный в дурной стране, что Карна сражен двумя Кришнами или же что он сам сразил обоих!» Сказав так, Радхья, о владыка народа, вновь бесстрашно воззвал к царю мадров: «Вперед! Вперед!»
Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» двадцать седьмая глава.

Санджая сказал:

Выслушав речь радующегося (предстоящей) битве сына Адхиратхи, Шалья, о почтенный, вновь заговорил с Карной и привел ему подходящий пример. «Опьянен ли ты вином или нет, я по дружбе хочу излечить тебя от безумия. Послушай, какую я расскажу тебе притчу о вороне, а выслушав, поступай как знаешь, низкий ты человек, позор своего рода! Я не припомню, о Карна, за собой какой-нибудь вины, за которую ты, мощнодланый, мог бы захотеть убить меня, безвинного! Говорить тебе, для вразумления твоего, в чем твое благо, — это мой долг: ведь я стою на твоей колеснице и радею об интересах царя. Я привычен и к ровной, и к плохой дороге, знаю силу и слабость своего колесничного бойца, всегда подмечаю утомление и подавленность в конях и в самом воине, знаю в совершенстве оружие, голоса птиц и зверей, какой груз допустим и какой чрезмерен, знаю, как извлекать вонзившиеся стрелы и копья; применение метательного оружия, (правила) боя, приметы — все это я обязан знать по своему положению, и я изучил эту колесницу, как глава семьи знает все о своих домочадцах. Поэтому, о Карна, я приведу тебе еще один назидательный пример.

Жил на берегу моря один вайшья. Было у него в достатке и богатства, и зерна. В жертвах был он усерден, в дарениях щедр, духом смиренен, исполнял свои обязанности, хранил чистоту. Имел он многих сыновей, был чадолюбив и равно сострадателен ко всем существам. Жил он, не ведая страха, ибо правил тем царством царь, всецело преданный дхарме.

Повадилась одна ворона доедать остатки от трапезы его многочисленных юных славных сыновей. Всякий раз малые сыновья вайшьи оставляли ей мяса, молока, простокваши, риса, варенного в молоке, меда и масла. И вот, откормившись тем, что ей оставляли юные сыновья вайшьи, возгордилась ворона; и стала она теперь смотреть свысока на птиц, подобных себе, и даже на таких, что во всем ее превосходили.

Залетели однажды на тот морской берег резвые лебедя с изогнутыми шеями, красотой полета соперничающие с Га-рудой. И тут дети, завидев лебедей, сказали вороне: «Право же, почтеннейшая птица, ты превосходишь всех прочих пернатых!». Обманутая теми неразумными детьми, рожденная из яйца, в глупости своей и гордыне, возомнила, что это чистая правда. Гордая своим столом из объедков, подлетела ворона к тем державшимся большой стаей перелетным птицам, чтобы выведать, кто из них наидостойнейший.

И, сочтя одного пернатого из тех привычных к дальним перелетам лебедей самым главным, глупая ворона бросила ему вызов: «Летим со мною!» и услышав болтовню вороны, все бывшие там могучие лебеди, обитатели небес с красиво изогнутыми шеями, прекраснейшие из пернатых, со смехом отвечали:

«Мы, лебеди, обитаем на озере Манаса и странствуем по всей этой земле; мы всегда славились среди пернатых способностью к дальним перелетам. Как же ты, глупая ворона, смеешь вызывать на состязание в полете могучего, с телом, крепким как ваджра, привычного к дальним перелетам лебеда?! Скажи, как ты сможешь лететь вместе с нами, ворона?».

Но глупая ворона только посмеялась от души над словами лебедей, а затем — по неразумию, свойственному всей вороньей породе, — хвастливо сказала: «Не сомневайтесь, сейчас я полечу, используя сотню различных способов полета, и каждым из них я покрою сотню йоджан! Прямой взлет, крутой спуск, стремительный полет и обычный, низкий полет, ровный полет, полет по различным кривым, косой полет, круговой, верхний, красивый полет, быстрейший, большой, тихий, малый круговой, полет с остановкой и круговым облетом и многие другие способы полета — все это я сейчас покажу вам; узрите же мое могущество!».

Выслушав ворону, рассмеялся один из лебедей и говорит: «Слушай, что я тебе скажу! Ты, конечно, можешь лететь сотней различных способов, о ворона. Но есть один способ полета, хорошо всем

птицам известный, — им-то я и полечу, ибо другого никакого не знаю; а ты, красноглазая, вольна лететь как тебе угодно!».

Тут все вороны, что там собрались, принялись над ним смеяться: «Как-то лебедь выиграет с одним лишь способом полета против сотни! (Напротив, наша) могучая, стремительная, доблестная ворона и одним способом одолеет лебедя, примени он хоть сто способов полета!».

Наконец те двое, лебедь и ворона, раззадорив друг друга, пустились в полет; и лебедь с красиво изогнутой шеей летел единственным простым способом, а ворона — сотнею разных. Вот летит лебедь, и летит ворона; силится (она) удивить (его) приемами полета я все время сама себя восхваляет. Наблюдая всевозможные ухищрения вороны в полете, другие вороны развеселились и принялись громко каркать. Лебеди тоже насмехались (над воронами), говорили им обидные слова и то и дело взлетали в воздух, восклицая: „Погоди, (ворона)!». Они слетали с верхушек деревьев на землю и снова взмывали ввысь, издавая всевозможные крики, прославляя свою победу.

Лебедь тем временем тихо парил в вышине, и казалось, что он уступает вороне, о почтенный! Презирая его за то, что он так тихо летит, крикнула лебедям ворона: „Ваш лебедь, полетевший (со мною, уже) проигрывает!». Услышав это, лебедь стремительно полетел в западном направлении, прямо над океаном, обителью Варуны. Тогда ворона, измученная усталостью, стала снижаться, не видя под собой ни деревца, ни островка, и стало ей, глупой, страшно: «Куда же я, уставши, сяду среди этой водной пучины?».

Невозможно вынести (путь) через океан, в котором обитают стаи бесчисленных тварей; из-за сотен обитающих в нем великих существ он выглядит еще более величественным, чем небо! Ничто не сравнится глубиной с океаном, о низкородный Карна; его воды, ограниченные лишь сторонами света, непреодолимы; что такое ворона, о Карна, перед бескрайностью водного простора!

А лебедь, быстро проносясь над (океаном) — сейчас он а—в здесь, а через миг —уже там, заметил, (что устала) ворона и (рассудил, что) не может бросить ее позади. Уже далеко обогнав ворону, лебедь с красиво выгнутой шеей задержался, чтобы дождаться ее. Видя, что ворона ослабела, почти тонет, и решившись, как то в обычае у людей благородных, спасти ее, лебедь сказал: «Много ты говорила о разных способах полета, лишь об этом одном умолчала, не хотела, видно, нас посвящать в такую тайну! Как он все же называется, о ворона, тот способ, коим ты сейчас летишь, то и дело задевая воду крыльями и клювом?». А измученная, смертельно усталая ворона в самом деле быстро опускалась все ниже, уже задевая крыльями и клювом морскую воду.

Лебедь сказал:

Все, что ты прежде говорила, о ворона, о ста разнообразных способах полета, на поверку оказалось ложью!

Ворона сказала:

Возгордившись столом из обьедков, я возомнила себя подобной Супарне, я презирала всех ворон и многих прочих птиц! Ныне тебе, о лебедь, вручаю мою жизнь: доставь меня к берегу острова! Если я благополучно вернусь на родину, то никого более не стану презирать. О лебедь, вызволи меня из этой беды!

Тогда лебедь, приблизившись к так причитающей, скорбящей, плачущей, обезумевшей от страха, кричащей «Карр! Карр!», тонущей в великой пучине, вымокшей, дрожащей, яв- ляющей самый жалкий вид вороне, схватил ее лапами, подкинул вверх и осторожно усадил себе на спину. И, взвалив на спину лишившуюся от страха чувств ворону, лебедь вернулся к тому острову, откуда они, бросив друг другу вызов, вылетели, о Карна! Высадив эту птицу на сушу и позаботившись о ней, лебедь, быстрый как мысль, полетел затем в края, ему желанные.

Как та ворона питалась обьедками при семье вайшьи, точно так и ты кормишься обьедками при сыновьях Дхритараштры! И точно так же ты презираешь, о Карна, всех себе подобных и всех, кто

достойней тебя! Почему в городе Вираты ты, имея поддержку Дроны, сына Дроны, Крипы, Бхишмы и прочих кауравов, не смог все же убить в одиночку сражавшегося Партху? Когда Увенчанный диадемой одолевал вас всех вместе и порознь, словно лев — шакалов, где было тогда твое геройство?

Видя брата твоего побежденным, на глазах у всех героев-куру павшим от руки Савьясачина, ты первым обратился в бегство! В Двайтаване, о Карна, подвергшись нападению гандхарвов, ты бросил всех куру на произвол судьбы и первым вбратился в бегство! Это Партха, (а не ты), о Карна, одолев и потребив в битве гандхарвов во главе с Читрасеной, освободил из плена Дурьодхану с супругой! Ведь и Рама в Доме Собрания на сходке царей рассказывал, о Карна, об изначальном величии Партхи и Кешавы! Ты постоянно слышал, как Дрона и Бхишма говорили в присутствии царей о том, что два Кришны неуязвимы! Я поведал тебе лишь о малой части тех (достоинств), коими Завоеватель богатств превосходит тебя в той же мере, как Брахма — всю земную тварь!

Теперь уже скоро узришь ты сына Васудевы и Пандаву, Завоевателя богатств, стоящих рядом на превосходнейшей из колесниц! Два этих мужа-быка прославлены среди людей, богов и асуров, (во всех мирах) они знамениты сиянием (своего духовного величия); ты же среди людей (слывешь) подобным светлячку! Зная это, не смотри свысока, о Сын суты, на Ачьюту с Арджуной! Они — мужилы, а ты — собака. Лучше бы тебе помолчать, бахвал!».

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» двадцать восьмая глава.

ГЛАВА 29

Санджая сказал:

Выслушав из уст владыки мадров эту нелестную для себя речь, сын Адхиратхи не поверил ей и отвечал Шалье: «Я и сам знаю, каковы Арджуна с Васудевой! Какова будет мощь Пандавы Арджуны, какое (он явит) чудесное оружие, когда Шаури станет править его колесницей, — о том мне известно заранее, а тебе и невдомек, о Шалья! Без страха сражусь я с двумя Кришнами, неуязвимыми, достойнейшими из всех, кто носит оружие; но тяжело гнетет меня (мысль о) проклятии Рамы и (другого) превосходнейшего брахмана!

Для того чтобы заполучить волшебное оружие, жил я некогда у Рамы, скрываясь под видом брахмана. Но мне воспрепятствовал в этом царь богов, радеющий о пользе Пхальгуны, о Шалья!

Когда, приняв обличье отвратительного червя, он прогрыз отверстие и вошел в мое бедро, то я, из страха (разбудить) наставника, даже не шелохнулся. Однако дважды-рожденный, проснувшись, все увидел. И я тому великому святому мудрецу ответил на его расспросы: «Я есмь сута!». Он же предал меня проклятию: «Обманом, о сута, добыл ты это оружие, и потому в самый нужный миг ты не вспомнишь (о том, чтобы применить) его». Но сегодня, в этой шумной и грозной битве это оружие — в полном моем распоряжении, любезный!

Стремителен и необъятен океан, владыка вод, готовый поглотить все множество живых существ, но берег сдерживает напор необъятного океана, превращая его как бы в большую гору. И я сражусь ныне в битве с сыном Кунти, не имеющим себе равных среди тех, кто напрягает тетиву, выпускающим тучи неотвратимых, разящих в цель, губительных для героев оперенных стрел! Своею мощью и стрелами я, словно берег, сдержу натиск подобного океану, топящего царей, грозного, рождающего тучи стрел, непомерно мощного, трудноодолимого, владеющего волшебным оружием Партхи! Узри сегодня мою грозную схватку с тем, кто не имеет ныне, как я полагаю, равных себе на поле брани среди мужей, владеющих луком, с тем, кто мог бы одолеть в битве даже богов и асуров!

Обуянный гордыней, жаждущий битвы Пандава пойдет на меня со своим волшебным, сверхчеловеческой мощи оружием; но я, сокрушив в бою его оружие своим, превосходнейшими стрелами повергну Партху! Хотя он и жгуч, подобно самому Творцу дня, я окутаю Завоевателя богатств своими стрелами, как огромное облако поглощает лучистого, пылающего славой Гонителя тьмы! Я — облако, в битве ливнями стрел угашу Партху, словно Агни — Вайшванару, Дымоглазого, пламенного, пышущего жаром, испепеляющего этот мир! Я в битве неколебимо, словно Химаван,

сдержу напор гневного, неукротимого Завоевателя богатств — всевозмущающего, всесокрушающего, могучего, неистового, грозного Ветра-Матарिशвана! Я отражу в сражении натиск Завоевателя богатств, искусного в маневрах колесницы, бесстрастного, в битвах всегда найдоблестнейшего, идущего впереди, превосходнейшего в этом мире среди мужей, владеющих луком! Сегодня я сражусь в битве с тем, кому, я знаю, нет равного из числа мужей, владеющих луком, и кто (один) мог бы противостоять всей земле!

Кто еще из людей, кроме меня, дорожа своей жизнью, посмел бы все же сразиться с Савьясачином, одолевшим все живое, в том числе и богов, на плато Кхандава! И я могу с легким сердцем говорить о доблести того Пандавы в собрании кшатриев. Но как смеешь ты, глупец, в неразумии своем рассказывать мне об отваге Арджуны? Ты мне враждебен, груб, зол, подл, дерзок, ко (мне), смиренному, полон непримиримой злобы; я мог бы уничтожить сотню тебе подобных, но я смирюсь с тобой в силу природного моего смирения и потому, что так повелевают обстоятельства. Ты как глупец говорил мне в пользу Пандавы и дерзкими речами, злокозненный, оскорбил меня, прямодушного. Погибель тебе, о коварный осквернитель дружбы; ведь дружба (считается нерушимой, даже если) скреплена всего семью шагами! В этот грозный смертный час, когда сам Дурьодхана вышел на битву, я, желающий (по долгу дружбы) осуществления его цели, последую за ним, хотя мы и не вполне единоклюбы. Друг должен быть нежен с другом, радовать его, делать приятное, выручать из беды, веселить его, о даритель гордости, и с самого начала (друг) проявляет это в речах; все это налицо в моем отношении к Дурьодхане. Врагу положено губить, карать, мучить, вредить, быть надменным, бесконечно терзать нас злыми пророчествами; почти все это налицо в твоём отношении ко мне! Для блага Дурьодханы, для того, чтоб досадить тебе, ради славы, ради собственного блага и блага Ишвары сегодня я со всем рвением буду сражаться против Партхи и Васудевы; узри этот мой подвиг!

Узри сегодня превосходнейшее мое оружие: брахмическое, небесное и человеческое! Я сразу этого носителя грозной мощи, как один обуянный бешенством слон разит другого, обуянного бешенством, превосходнейшего из слонов. Мысленным повелением я обращаю на Партху, обеспечив себе победу, не имеющее равных, неодолимое оружие Брахмы! И благодаря ему не спасется от меня в битве Арджуна, если только не увязнет сегодня в рытвине колесо моей колесницы!

Хотя бы сам Вайвасвата с жезлом в деснице, или сам Варуна с арканом, или Владыка сокровищ с палицей, или Васавас с ваджрой, или кто угодно другой захотел погубить меня, утешись, так и знай, о Шалья, не убоюсь никого, ибо я бесстрашен! Потому нет во мне страха ни перед Партхой, ни перед Джанарданой, и сегодня будет у меня схватка с ними на поле брани!

«Когда ты будешь сражаться, тебя среди битвы охватит страх и колесо твое увязнет в углублении колеи!» — предрек мне один брахман. И, (сознаюсь), страшит меня предсказание того могущественного брахмана. А ведь цари из династии Сомы — владыки над счастьем или несчастьем (своих подданных)! Я же в ослеплении поразил стрелой бродившего в безлюдной глуши теленка коровы, дающей молоко для жертвенных возлияний этого брахмана, кладезя подвижнического духа, о Шалья! Семь сотен (слонов) с бивнями словно дышла, сотни рабов и рабынь даровал я тому достойнейшему из дважды-рожденных — и все же он не сжалился надо мной! Я привел ему четырнадцать тысяч черных (коров) с белыми телятами — но и тем не снискал милости досточтимейшего брахмана! Богатый дом, полный всех мыслимых благ, сокровища, какие только были под рукой, — все это с должными почестями предлагал я ему в дар, но он отказывался. Наконец на упорные мои мольбы простить нанесенное ему оскорбление он ответил:

«Как я предсказал, о сута, так тому и быть, а не иначе. А лживое слово несет гибель земной твари, и на самого солгавшего ложится грех; потому я, оберегая дхарму, не смею изречь лживого слова. Никогда впредь не нарушай (покой) брахманской обители! Искупление тебе уже определено. Сказанное мной ничто в этом мире не сделает ложным; смиренно прими (наказание)! Хоть ты и обидел меня, я все же как другу поведал тебе об этом. Но вижу, что ты (по-прежнему) мне враждебен: так не перебивай и слушай далее!».

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» двадцать девятая глава.

ГЛАВА 30

Санджая сказал:

Принудив царя мадров, смирителя недругов, к молчанию, Радхея сказал ему, о великий царь, еще и такие слова:

«Чего бы ты тут ни наговорил, о Шалья, в пример мне и в поучение, — никогда твои слова не смогут вселить в меня страх во время битвы! Если все боги во главе с Васавой сразятся со мною, то и им не утратить меня: куда там Партхе с Кешавой! Так могу ли я испугаться всего-навсего слов! Если кому-то ты и можешь внушить среди битвы боязнь, то знай: это не я, а другой! Ты дерзко оскорбил меня — в этом сила человека ничтожного! Ты, злоумный, не можешь равняться со мной достоинствами, потому и предаешься безудержной похвальбе! Не для того был рожден Карна, о почтеннейший, чтобы в этом мире (перед кем-либо) испытывать страх! Нет, я явился на свет для доблести и славы!

Слушай внимательно, о владыка народа мадров: вот что было некогда в моем присутствии рассказано царю Дхрита-раштре. Брахманы развлекали Дхритараштру рассказами о разных диковинных странах и о царях минувших времен. И вот один достойнейший, преклонных лет дваждырожденный, рассказывавший всяческие были о давних временах, такими словами поносил мадров и страну бахликов:

«Тех, что обитают вне пределов Химавана, в удалении от Ганги, Сарасвати, Ямуны и Курукшетры, между пятью реками, при которых шестая — Сиидху, нечистых, стоящих вне дхармы бахликов следует (всячески) избегать! Смоковница, именуемая Говардхана, и площадь-перекресток под названием Субханда — вот что у них прямо при входе на царский двор, это я помню о юных лет! С некоторой очень важной целью жил я среди бахликов; потому и известны мне их обычаи, что я сам жил вместе с ними!

Город зовется Шакала, река, текущая с гор, — Апага, сами бахлики зовутся джартиками, их образ жизни весьма предосудителен. Они пьют крепкие напитки из зерна и патоки, едят говядину с чесноком, лепешки с мясом и плодами ватья. Им чужды принципы добродетели. Умашенные, украшенные венками, они, напившись допьяна, хохочут, поют и, скинув одежды, пляшут с женщинами у стен города и домов, у всех на виду. Голосами, подобными реву ослов и верблюдов, распевают они во хмелю ругательные песни, называют друг друга (грубыми) словами, ведут пьяные беседы. (Жены их), когда погибнет их супруг и господин, не плачут «Ах, убит, убит!», а пляшут, глупые ш; и даже в дни парванов не блюдают они никаких обетов!

Говорят, один из надменных знатных бахликов жил одно время в Куруджангале и, невеселый, пел (такую песню): «Пышнотелая, нежная дева в тонкой шерстяной шали вспоминает, верно, засыпая, меня, бахлику, оставшегося в стране куру! Переправившись через реку Шатадруку, через милую сердцу Иравати, я вернусь на родину и увижу прекрасных женщин ее с большими «раковинами», светлокожих дев с глазами, удлиненными пламенно-алым мышьяком, подчеркнутыми сурью с горы Трикакуд, милых взору, шаловливых, облаченных в одни лишь шкуры ланей! Под звуки груб, литавр и барабанов, под рев ослов, верблюдов и мулов, на приятных тропинках в рощах деревьев шами, пилу и карира я счастливо соединюсь с хмельными (красавицами), что вкушают сладкие лепешки и ячменные хлебцы, запивая пахтаньем! Когда же (вновь), утвердив свою власть на дорогах, нападём мы на путников, по-разбойничьи сдерем с них выкуп и, превосходя числом, изобьем?!». Какой здравомыслящий человек решится после этого прожить хоть и малый срок среди презренных, злоумных вратьев — бахликов!».

Так говорил тот брахман о безрассудном поведении бахликов, коих и заслуг, и греха шестая часть принадлежит тебе! И послушай, открою тебе, что тот благочестивый брахман еще рассказал о диких бахликах! «В многолюдном городе Шакале каждую четырнадцатую ночь темной половины месяца ракшаси поет, ударяя в барабан: «Когда же вновь заведут громкие песни в Шакале, насытившись говядиной, напившись хмельного гауды?». Наряженные, вместе с пышнотельши, светлокожими женщинами они пожирают в обилии баранину, заедая луком и (клубнями растения) гандуша.

«Те, кто не едят свинины, говядины, птицы, мяса ослов и верблюдов, а также баранины, — зря живут на свете!» — так, опьянев от вита, приплясывая, поют и стар и млад из жителей Шакалы. Откуда же взяться среди них благодравии?!».

Помни об этом, Шалья! Но я еще поведаю тебе и то, что рассказывал нам другой брахман в собрании куру: «Где стоят леса дерева пилу, где текут пять рек: Шатадру, Випаша, третья — Иравати, Чандрабхага, Витаста и рождают шестую — Синдху, там лежат земли, именуемые Аратта. Не следует посещать эти страны, где уничтожена дхарма, (страны) вратьев, дасамиев, видехов, не совершающих жертвоприношений! Говорится в шрути, что ни боги, ни питары, ни брахманы не приемлют приношений осквернивших дхарму бахликов!».

И еще говорил в собрании праведников премудрый брахман: «Не испытывая отвращения, едят бахлики из деревянных и глиняных блюд, из таких, к которым прилипла ячменная каша, даже из вылизанных собаками и другими животными. Бахлики пьют овечьё, верблюжье и ослиное молоко, едят изготовленные из него продукты. Рожденных от противозаконных браков, диких, приемлющих любую пищу, любое молоко бахликов, зовущихся араттами, мудрому следует избегать!».

Знай все это, о Шалья! Но я еще поведаю тебе, что говорил другой достопочтенный брахман в собрании куру: «Испив молока в Югандхаре, пожив в Ачьютастхале, омывшись в Бхутилае, — как можно попасть на небо? Там, где, выходя из гор, текут пять рек, обитают бахлики, зовущиеся араттами. Не подобает арию задерживаться у них даже и на два дня! В (реке) Випаша живут двое пишачей: Бахи и Хлика. Бахлики — это их порождение, а не творение Праджапати!».

«Караскаров, махишаков, калингов, живущих в лесах кикатов, каркотаков, вираков и (всех), следующих дурным обычаем, должно избегать!» — так сказала некая ракшаси, привесившая к поясу огромные ступки и совершавшая ночной обряд в доме из дерева шами, одному паломнику к тиртхам. Те земли зовутся Араттой, народ зовется бахликами, васати и синдху-саувирами; они в большинстве своем достойны лишь презрения».

Знай все это, о Шалья! И выслушай с должным вниманием то, что я еще скажу тебе! Некогда один брахман явился гостем в дом искусного ремесленника и, будучи удовлетворен обходительностью хозяина, сказал ему: «Долгое время жил я в одиночестве на вершине Химавана. Многие видел страны, где (следуют люди) множеству различных дхарм. Не отвергают народы эти ни одной из дхарм, и у всех у них на устах дхарма, возвещенная постигшими суть Вед (мудрецами).

Постоянно скитаясь по странам, где процветают различные дхармы, пришел (я) в страну бахликов и увидел: там тот, кто был брахманом, становится кшатрием, а вайшья или шудра из бахликов становится цирюльником, потом тот, кто был цирюльником, становится вдруг брахманом, а бывший дважды-рожденным может стать у них даже рабом! Из всего рода один у них становится брахманом, все же остальные делают, что захотят: ну не безумцы ли все эти гандхары, мадраки и бахлики! Все то, что на всей земле, как я убедился в странствиях моих, считается ведущим к противоположной дхарме смешению (варн), у бахликов, наоборот, (принято за правило)».

Знай все это, о Шалья! Но я, впрочем, передам тебе слова и еще одного брахмана, осуждающие бахликов: «В давние времена, говорят, одну добродетельную женщину из Аратты похитили разбойники. Поправ закон, они (насильно) овладели ею, и она предала их проклятию: «За то, что вы мною, юной, замужней, незаконно овладели, да станут все женщины в семьях ваших потаскухами! И никогда, о худшие из людей, не искупить вам греха того, что вы надо мной содеяли!».

Куру и панчалы, шальвы, матсьи и наймиши, косалы, кашийцы, анги, калинги и магадхи, чедийцы — все эти избранные народы познали извечную дхарму. И во всех почти странах есть праведники, кроме, разве, таких, где обитают (народы), вовсе уж чуждые (дхарме). У всех избранных народов — от

матсьев до куру-панчалов, от наймишей до чедийцев — праведники живут, следуя древней дхарме; исключение составляют нечестивые мадры и жители Пятиречья.

Зная это, при беседах о дхарме не раскрывай даже рта, будто ты нем, о Шалья! Ведь ты — царь и защитник этого народа, шестая часть их заслуг и прегрешений принадлежит тебе! Впрочем, тебе причитается, скорее, шестая часть одних только грехов: ведь ты их не защищаешь! Лишь царь — защитник народа вкушает благой плод, а ты его недостойн. В давние времена, когда еще во всех странах люди чтили вечную дхарму, Прародитель, понаблюдав, как следуют дхарме жители Пятиречья, с отвращением воскликнул: «Срам!». Даже в век Крита, когда все варны строго следовали своим дхармам, Прародитель счел дурной дхарму нечистых в поступках вратьев-дашамиев, жителей Пятиречья, не смог одобрить ее».

Знай все это, о Шалья! Но я поведаю тебе еще и о том, что — сказал, погружаясь в воды озера, ракшаса по имени Калмашапада: «Нищенство — скверна для кшатрия, ложь — скверна для брахмана, бахлики — скверна для всей земли, женщины мадров — скверна среди всех женщин!». Тонущего «ночного бродягу» извлек из воды некий царь, и на его вопросы тот вот что отвечал, послушай: «Скверна человечества — млеччи, хуже млеччхов — плуты, хуже плутов — евнухи, и хуже евнухов — те, у которых царь сам совершает жертвоприношение. И какая бы скверна ни была у мадраков, царь которых сам исполняет жертвенный обряд, — та скверна будет твоей, если ты меня ее отпустишь!».

Этот ракшасский заговор исцеляет людей, одержимых ракшасом или пораженных сильным ядом. А в заключение идут такие слова: «Панчалы (хранят) суть Вед, потомки Куру блюдут свою дхарму, матсьи — правдивость, шурасены — жертвенный обряд; жители Юга — все рабы, жители Востока — вришалы, бахлики — воры, сураштры рождены от смешения варн. Неблагодарность, хищение чужого добра, питье хмельного, близость с женою наставника — нет такого беззакония, какое не было бы для них законом; стыд и позор араттакам, жителям Пятиречья! Панчалы — прежде всего, затем куру и наймиши, даже и матсьи — все знают дхарму; среди калингаков, ангов и магадхов есть старцы, живущие в соответствии с праведными дхармами».

В восточной стороне обитают боги во главе с Джатаведасом; на юге — питары, (эту сторону) охраняет вершитель праведных дел Яма. Западом правит могучий Варуна, дающий защиту асурам; севером правит вместе с брахманами благочестивый владыка Сомы. Ракшасов и пишачей (хранит) Химаван, гухьяков — Гандхамадана; все миры и все живое (хранит) вечный Вишну Джанардана. Магадхи постигают суть по внешним приметам, косалы — бросив только взгляд, куру-панчалы — с полуслова, а шальвы — выслушав целиком все поучение. Горцы доходят до смысла с трудом, словно бы взбираясь на вершины своих гор. Всеведущи яваны, о царь, и еще более того — шуры. Млеччи — в плену созданий своего воображения; иные народы (и вообще) не слыхали (разумного слова). Бахлики упрямы, а мадраки — хуже всех, и ты, о Шалья, будучи одним из них, не смеешь мне возражать! Зная это, храни молчание и не перечь мне, не то я убью тебя еще до того, как сражу Кешаву с Арджуной!»

Шалья сказал:

Оставляя на произвол судьбы немощных, продавать собственных жен и сыновей — все это в обычае у ангов, о Карна, над коими ты царь! Вспомни о тех собственных своих недостатках, которые поминал Бхишма, перечисляя колесничных и великоколесничных бойцов, и смири свою ярость, не гневайся! Всюду, о Карна, есть и брахманы, и кшатрии, есть и вайшьи, и шудры, и добродетельные, преданные мужьям жены. Всюду в каждой стране есть также люди, любящие насмехаться над другими, причиняющие боль друг другу, люди, предающиеся плотским утехам. Всюду каждый горазд примечать недостатки других; своих же недостатков люди (часто) не видят, а видя — не смущаются.

Санджая сказал:

Ничего не ответил на это Карна, и Шалья повернулся лицом к врагам. Снова тут усмехнулся Радхей и снова, торопя, крикнул ему: «Поезжай!».

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» тридцатая глава.

Санджая сказ ал:

И вот Карна, увидев предводительствуемое Дхриштадьумной, не имеющее себе равных, способное сокрушить любую вражескую рать воинство Партхов, двинулся вперед, громом колесницы, лвиным кличем и звуками музыки, казалось, сотрясая землю. Тот богатый ратным пылом, опьяняющийся битвой притеснитель недругов, содрогаясь от ярости, подобающе расположил свои войска для встречного боя, о бык-бхарата, и принялся избивать рать Пандавов, словно Магхаван — (войско) асуров, а также напал на Юдхиштхиру, совершая вокруг него левосторонний объезд.

Дхритараштра сказал:

Как, о Санджая, расположил Радхея войско свое для встречного боя с отважными Пандавами, возглавляемыми Дхриштадьумной, хранимыми Бхимасеной? Кто стоял на крыльях, кто — на оконечностях крыльев войска моего, о Санджая? Как, согласно порядку, разделились (воины), какие заняли места в ратном строю? Как сыновья Панду расположили войска свои против моих? И как началась та великая, грозная битва? Где находился Бибхатсу в миг, когда Карна напал на Юдхиштхиру? Кто (еще) осмелился пойти на Юдхиштхиру в присутствии Арджуны? Кто еще из людей, кроме Радхеи, решился, дорожа своей жизнью, все же противостоять в битве тому, кто прежде в одиночку одолел все живое в (лесу) Кхандаваш?

Санджая сказал:

Слушай о том, как расположились войска, как, оставив ю царя на попечение других, явился (на поле брани) Арджуна и как началась битва. Крипа, сын Шарадвана, Критаварман из рода сатватов и Магадха встали, стремительные, на правом крыле, о царь! Еще дальше, на оконечности крыла встали, храня твое войско, Шакуни и великоколеоничный воин Улука, а с ними — всадники с блестящими пиками, невозмутимые гандхарцы, и многочисленные, словно тучи саранчи, страшные на вид, будто пишачи, неодолимые горцы. На тридцати четырех тысячах необратимых вспять колесниц охраняли левый фланг выстроенные твоими сыновьями в боевой порядок, опьяняющиеся битвой, жаждущие сразить Кришну и Арджуну саншаптаки. Еще (левее) от них, на оконечности крыла стояли с колесницами, конницей и пехотой Камбоджи, шаки и яваны; повинуюсь велениям Сына суты, они также вызывали на бой Арджуну и многомогшого Кешаву.

В центре, во главе войска, защищая передний край своей рати, встал Карна, облачен в панцирь, украшен венком, в ярких доспехах и браслетах. Охраняемый своими гневными сыновьями, тот герой, достойнейший из носителей оружия, сиял красою, ведя на битву головной отряд своего войска. За спиною воинства пребывал, сидя на загривке большого слона, сияющий, как Солнце или Вайшванара, смуглый, прекрасный обликом, окруженный воинскими отрядами, мощнодланый, со стальными кулаками Духшасана. За ним, о великий царь, под охраной своих единоутробных братьев, на дивных конях, в дивных доспехах двигался сам царь Дурьодхана. Дружно охраняемый многодоблестными мадрами и кекаями, он был великолепен, словно Совершитель ста жертвоприношений (в кругу) божеств, о великий царь!

По пятам за этим колесничным войском следовали, обрушивая ливень (стрел) подобно облакам, храбрейшие велико-колесничные бойцы из числа куру, возглавляемые Ашваттхаманом, а также (воины на) погоняемых отважными млеччхами, неизменно разъяренных слонах. Те слоны с их воинами-ездоками, победными стягами и пламенно-сияющим превосходнейшим вооружением были величественны словно горы, поросшие лесом. Тысячи необратимых вспять героев с мечами и копьями паттиша шли за этими ступающими по земле слонами как «охранители стоп». Со своими колесницами, конницей, богато изукрашенными слонами та царствующая над всеми прочими рать блистала, словно воинство богов или асуров. Это великое войско, которое мудрый его предводитель выстроил по правилам, установленным Брихаспати, двигаясь, казалось, танцевало, внушая трепет врагам. И вот с крыльев его и с оконечностей крыльев начали вырываться вперед, дожда (стрелами) подобно облакам, пешие, конные, на колесницах и на слонах жаждущие битвы воины.

В этот миг, завидев во главе рати Карну, царь Юдхиштхира обратился к непревзойденному в своей доблести губителю недругов, Завоевателю богатств: «Взгляни, о Арджуна, на это великое войско, выстроенное на бранном поле Карной! Как великолепно эта рать с ее крыльями и оконечностями крыльев! Видя перед собой эти несметные полчища врагов, мы должны избрать такой способ ведения боя, чтобы они не смогли нас одолеть!» В ответ на эти слова царя Арджуна, почтительно сложив ладони, сказал: «Как ты говоришь, так все и будет, почтенный, не иначе! Я сделаю все, что потребно для их уничтожения! Они погибнут, если перебить цвет их воинства, и я сейчас это сделаю, о бхарата!» Юдхиштхира сказал:

Итак, выступайте: ты против Радхеи, Бхимасена — против Суйодханы, Накула — ша Вришасену, а Сахадева — против сына Субалы, Шатаника — на Духшасану, бык в роду Шини — на Хардикью, Дхриштадьумна — на сына Дроны, сыновья Драупади с Шикхандином — на остальных сынов Дхритараштры, сам же я пойду на Крипу! И пусть каждый из нас сразит порознь своего из врагов! Санджая сказал:

Выслушав Царя справедливости, Завоеватель богатств молвил: «Да будет так!», затем отдал распоряжения войскам и сам выступил во главе всей рати. Завидев приближение той чудеснейшей из колесниц, Шалья вновь обратился к опьяняющемуся битвой сыну Адхиратхи: «Вот близится эта колесница, влекомая белыми конями, управляемая Кришной-возничим, вот сокрушает в бою недругов сын Кунти, тот самый, о котором ты спрашивал! Превеликий шум стоит от грохота ее колес, и поднятая колесницей пыль уже затмила все небо! Сотрясаемая ободьями ее колес, дрожит земля, могучий вихрь веет в лицо твоей рати, о Карна! Уже рычат хищники, звери наводят ужас! Взгляни, Карна, пред тобою страшный, грозный, чудовищный Кабандха, подобный туче, стоит, затмивши солнце! Гляди, отовсюду взирают на солнце стаи всевозможных зверей, мощные, яростные тигры! Смотри, тысячами собралось сюда зловещие канки и грифы; они сидят, повернув друг к другу головы, и ведут неумолчную беседу! Белые кони, запряженные в твою великую колесницу, о Карна, рвутся, томимые (страхом), в стороны, и колеблется твой стяг! Гляди, они встают на дыбы, эти прекрасные, мощнотелые, быстроногие кони, способные летать, словно гаруды в поднебесье! Все это верные приметы того, что, устелив своими телами землю, сотнями и тысячами, о Карна, уснут на ней навеки сраженные цари! Грозно и устрашающе режут раковины, грохочут повсюду мриданги и большие боевые барабаны, о Радхей! Слышишь, о Карна, как на разные голоса поют стрелы, кричат люди, ржут кони, гремят колесницы, как стучат тетивы луков о защитные ремни¹⁸⁶ на руках великих (героев)!

Взгляни, о Карна, как изготовленные умельцами из ткани, расшитой золотом и серебром, многоцветные флаги Арджуны сияют над его колесницей, развеваемые ветром; украшенные золотыми солнцем, месяцем и звездами, увешанные колокольчиками, они блещут, словно молнии на фоне грозовой тучи! Пронзительно скрипят колеблемые ветром знамена и сами украшенные флажками колесницы великих духом панчалов!

Вот уже видна верхушка знамени, вот слышен звон тетивы того, кто сокрушает множества твоих слонов, колесниц, конных и пеших воинов! Сегодня, как ты о том просил, ты увидишь воочию, о Карна, того героя, Белоконного, имеющего Кришну возничим, разящего в битве врагов! Сегодня ты увидишь, о Карна, стоящими на одной колеснице тех двух мужей-тигров с медно-красными очами, губителей недругов — Васудеву с Арджуной!

Если ты, о Радхей, сразишь того, чей колесничий — Варшнея, чей лук — Гандива, тогда будь царем над всеми нами! Вот, приняв вызов саншаптаков, устремляется он на них и учиняет, могучий, на бранном поле побоище своим недругам!» Говорящего так царя мадров прервал Карна в великом гневе: «Смотри, со всех сторон теснят Партху гневные саншаптаки, и уже не видно его, как солнца, скрытого за облаками! В пучину скорби, о Шалья, погружен сей презренный Арджуна!»

Шалья сказал:

Можно ли Варуну погубить водой, а огонь — дровами? Можно ли поймать ветер или выпить великий океан? Столь же нелепа, по-моему, мысль одолеть Партху в сражении; ведь его не в силах победить даже все боги и асуры во главе с Индрой! Так удовлетворишься же одними словами (о том, что убьешь Арджуну), сказавши, успокойся! Нельзя одолеть его в битве, избери себе другую заветную цель! Победит Арджуну лишь тот, кто способен поднять руками землю, пламенем гнева сжечь все живое, низринуть с небес самих богов!

Погляди на Бхиму, сына Кунти, неутомимого в подвигах, сияющего величием, мощнодланного, стоящего неколебимо, словно гора Меру! Вот нетерпеливый, вечно пышущий гневом долго не забывающий обид стоит на поле брани жаждущий победы могучий Бхима! Вот стоит достойнейший блюститель дхармы, покоритель чужих городов, Царь справедливости, Юдхиштахира, с кем нелегко управиться в битве врагам

Вот стоят два неуязвимых в бою мужа-тигра, подобия Ашвинов, единоутробные братья Накула и Сахадева! Вот высятся, словно-пять гор, пятеро сыновей Драупади, вот стоят они, жаждущие схватки, и каждый из них в бою равен Арджуне! А вот стоят, хоть и потерявшие уже Сатьяджита, но все же исполненные еще высочайшей мощи сыновья Друпады во главе с Дхриштадьумной!»

В то время как два этих мужа-льва вели меж собой беседу, оба воинства смешались друг с другом, словно воды Ганги и Ямуны.

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» тридцать первая глава.

ГЛАВА 32

Дхритараштра сказал:

Когда обе армии в боевом строю сошлись друг с другом, как именно произошло, что Партха напал на саншаптаков, а Карна — на Пандавов, о Санджая? Поведай мне об этой битве пространно, ведь ты в этом искусен; я же не могу никогда насытиться, слушая рассказы о подвигах героев на бранном поле!

Санджая сказал:

Увидев, что мощное войско противника расположилось для боя определенным строем, Арджуна благодаря дурному командованию сына твоего сумел и своим войскам придать (вовремя) соответствующий боевой порядок. И, выстроенная по-боевому, та могучая рать, в коей было множество всадников и слонов, пехоты и колесничих, возглавляемых Дхриштадьумной, засияла во всем своем великолепии. Паршата, чьи кони белы словно голуби, сиянием равный солнцу и луне, вооруженный луком, был величествен, словно воплощение Смерти. Вокруг же Паршаты, словно сонмы звезд — вокруг Месяца, теснились жаждущие битвы, грозные своей телесной мощью, сопровождаемые (многочисленными) воинами (остальные) сыновья Друпады.

И вот, отыскав Связанных клятвой между выстроенных в боевом порядке на бранном поле ратей, гневный Арджупа устремился прямо на них, напрягая свой лук Гандиву. А саншаптаки, горящие желанием убивать, твердо решившись достичь победы и поставив себе пределом одну лишь смерть, обрушились на Партху. Это войско, состоявшее из бесчисленных отрядов конницы, разъяренных слонов, колесниц и отважных пеших воинов, стремительно атаковало Арджуну. И шумная схватка между ними и Увенчанным диадемой была подобна той, которая, как мы слышали, была у него с ниватакавачами

Тысячами рассекал Партха колесницы, коней, знамена, слонов, пеших воинов, бойцов, повелевающих колесницами, стрелы, руки, мечи, метательные диски, боевые топоры, поднятые с оружием руки и сжимаемое в них оружие, а также головы врагов. Решив, что его колесницу уже навсегда поглотил этот грозный водоворот войск, подобный пучине Па-галы, издали саншаптаки радостный крик. Но разъяренный Бибхатсу истребил, словно Рудра, всю живую тварь, всех врагов, посмевших приблизиться к нему спереди или сзади, справа или слева.

И была тут у воителей твоей стороны, о почтенный, невиданно грозная битва с панчалами, чеди и сринджаями. Крипа, Критаварман и Шакуни, сын Субалы, грозно разящие, весьма яростные, опьяняемые битвой, ведущие за собой радостно-возбужденные войска вместе с (отдельными) колесничными отрядами, вступили в бой с косалами, кашийцами, матсьями, карушами, кекаями и отважными мужами шурасенами! И была меж теми героями — шудрами, вайшьями и кшатриями смертельная битва, губящая тело, но также и грехи, праведная, возносящая к небесам, дарующая славу.

А Дурьодхана, храбрейший в роде Куру, находясь сам под охраной отважнейших кауравов и великоколесничных бойцов из числа мадров, вместе со своими братьями поддерживал в битве Карну, когда тот сражался с Пандавами, панчалами, чедийцами и Сатьяки, о бык-бхарата! Наконец острыми стрелами Карна рассеял ту великую рать, сокрушил превосходнейшие колесницы и ранил самого Юдхиштхиру. Принудив тысячи недругов расстаться со средствами передвижения, оружием, телами и жизнью, но одарив их зато небом и славой, он доставил своим сторонникам величайшую радость.

Дхритараштра сказал:

Поведай мне о том, о Санджая, как Карна, проникнув в гущу воинства Пандавов, учинил там побоище и добрался до самого царя! Кто были те храбрейшие из Партхов, которые противостояли в бою Карне, и кого из них сын Адхиратхи сокрушил, прежде чем ранил Юдхиштхиру?

Санджая сказал:

Увидев, что на его пути стоит (отряд) Партхов под началом Дхриштадьумны, губитель недругов Карна поспешно атаковал тех панчалов. При его быстром приближении жаждущие победы панчалы сами устремились ему навстречу, как гуси устремяются к океану, о великий царь! Тут поднялся от обеих ратей резкий, проникающий в душу звук тысяч раковин, грозный рев больших барабанов; слышались также звуки различных музыкальных инструментов, рев слонов, ржание коней, грохот колесниц и устрашающие львиные кличи героев.

Видно было, как сотрясается вся земля с ее горами, лесами и морями, все поднебесье с его ветрами и тучами, весь небосвод с солнцем, месяцем, планетами и созвездиями. Нестерпим был тот звук для слуха живых существ, пришли они в сильное волнение, и слабейшие духом из них в большинстве своем пали замертво.

Тогда Карна в сильном гневе стремительно воздел свое оружие и принялся разить рать Пандавов, словно Магхаван — войско асуров. Молниеносно врезавшись в гущу пандавских колесниц и рассыпав вокруг стрелы, он поразил семьдесят семь лучших воинов из числа прабхадраков. Затем двадцатью пятью острыми, красиво оперенными «колесничными» стрелами тот превосходнейший из колесничных бойцов сразил двадцать пять панчалов. После того железными, раздирающими тело врага стрелами с золотым оперением принялся тот герой разить сотни и тысячи чедийцев.

В то время как он вершил на поле брани тот сверхчеловеческий подвиг, его окружили, о великий царь, множества панчалийских колесниц. Тогда, возложив на тетиву пять неотразимых стрел, Карна, (называемый также) Вриша и Вайкартана, умертвил сразу пятерых панчалов, о бхарата! Бханудеву, Читрасену, Сенабинду, Тапану и Шурасену — этих пятерых панчалов, о бхарата, сразил он в битве! И когда панчалийские герои сражены были стрелами, подняли панчалы среди битвы громкий горестный крик. Они смешались, и горестный их вопль огласил все стороны света; а Карна немедля вновь принялся осыпать их стрелами!

«Стражами колес» были у Карны два его неодолимых сына, Сушена и Сатьясена; готовые, если надо, тут же расстаться с жизнью, они также вступили в бой, о почтенный! А лучший из сыновей Карны, великоколесничный боец Вришасена был при нем «стражем тыла», лично оберегая отца от нападения сзади. И вот Дхриштадьумна, Сатьяки и сын Драупади — Врикодара, Завоеватель богатств, Шикхандин и храбрейшие из прабхадраков, чедийцы, кекаи и панчалы, Близнецы, облаченные в доспехи матсьи — все эти искусные бойцы, пылая жаждой убийства, набросились на Радхею.

Многообразным оружием, потоками стрел поливали они его, круша, словно облака—гору в сезон дождей. Желая спасти отца, мощные бойцы, сыновья Карны, а за ними и другие храбрецы из войска твоего, о царь, дали тогда отпор тем героям. Сушена широколезвийной стрелой перерубил лук Бхимы, а затем семью железными стрелами поразил его в грудь и издал (радостный) крик. Но грознодоблестный Врикодара взял другой, прочнейший лук, натянул тетиву и рассек (своей стрелой) лук Сушены.

В гневе словно бы танцуя (на своей колеснице), он девятью острыми стрелами поразил самого Сушену и тут же другими семьюдесятью тремя поразил Карну. Затем десятью стрелами он поверг наземь, на глазах у его друзей, сына Карны, Сутасену, с его конями, возничим, знаменем и оружием. И отсеченная стрелой с бритвообразным наконечником, сияющая, словно месяц, голова того (юноши) была прекрасна, будто лотос, сорванный со своего стебля!

Убив сына Карны, Бхима вновь принялся чинить урон твоим (войскам). Рассекши луки Крипе и Хардикье, он затем ранил их обоих, Духшасану поразил тремя, а Шакуни — шестью железными стрелами, Улуку и Пататри — обоих лишил колесниц. «Эй, Сушена, ты уже мертв» — с такими словами взял он еще одну стрелу; но Карна расщепил ему ее и сам ударил в него тремя (стрелами). Тогда, взяв новую прямую и остро отточенную стрелу, Бхима все же послал ее в Сушену; но и ее расщепил в полете Вриша. Затем, желая спасти сына и уничтожить врага, Карна поразил еще тридцатью семью безжалостными «колесничными» стрелами свирепого Бхимасену.

А Сушена, взяв превосходнейший, способный метать самые тяжелые стрелы лук, поразил Накулу пятью стрелами в руки и грудь. Накула, уязвив его в ответ двадцатью тяжкими, крепко разящими стрелами, издал громогласный клич, чем заставил трепетать Карну. Тогда великоколесничный боец Сушена поразил его десятью стрелами, о великий царь, и тотчас еще одной стрелой с бритвообразным наконечником перерубил ему лук.

Преисполнился гнева Накула, взял новый лук и множеством стрел окутал в той битве Сушену! Затмив своими стрелами все стороны света, тот губитель вражеских героев поразил его колесничного, затем тремя стрелами — самого Сушену, а еще тремя расщепил его могучий лук. Преисполнился гнева Сушена, взял новый лук, шестьюдесятью стрелами поразил Накулу и семью — Сахадеву. И между ними, с желанием убить стремительно разившими один другого стрелами, закипела великая, грозная битва, подобная схватке богов с асурами.

Сатьяки, убив тремя стрелами возничего Вришасены, затем широколезвийной стрелой разрубил его лук, другими семью поразил лошадей, еще одной сокрушил его знамя, еще три вонзил ему в грудь. Тот распростерся в своей колеснице, но скоро встал и с мечом и щитом в руках напал на Шайнею, желая убить его. Сатьяки немедля ударил по мечу и щиту стремительно налетевшего на него Вришасены десятью стрелами с наконечниками «кабанье ухо». Духшасана, заметив, что Вришасена лишился колесницы и оружия, принял его на свою колесницу и в ней поспешно увез прочь. Потом неборимый великоколесничный боец Вришасена взошел на новую колесницу и опять принялся защищать в битве Карну от нападения с тыла.

Затем Шайнея девятижды девятью стрелами лишил Духшасану возничего и коней, а тремя поразил его в лоб. Но тот, взойдя на другую, подобающе снаряженную колесницу, вновь примкнул к воинству Карны и продолжал сражаться с Пандавами.

Тут Дхриштадьумна поразил Карну десятью стрелами, сыновья Драупади — семьюдесятью тремя, Ююдхана — семью, Бхимасена — семьюдесятью четырьмя, Сахадева — пятью, Накула — тридцатью, Шатаника — семью, отважный Шикхандин — десятью, а Царь справедливости — (целой) сотней! Эти и многие другие храбрейшие, жаждущие победы мужи дружно разили в той битве искусного лучника,

Сына суты! Но губитель недругов Сын суты, изящно лавируя на своей колеснице, поразил в ответ каждого из них десятью стрелами.

Вот когда наблюдали мы воочию всю мощь оружия и ловкость великого духом Карны: то было подобно чуду! (Движения) его были столь стремительны, что (враги) не могли даже уследить, как берет (из колчана) стрелы, как накладывает их на тетиву и как посылает в цель тот великоколесничный боец! Небосвод, земля и воздушное пространство вмиг как бы разлетелись, в стороны, гонимые его острыми стрелами; все небо над тем местом пылало словно бы затянутое красными облаками! А могущественный Радхея, будто бы танцуя с луком в руках (на своей колеснице), каждого из тех, кто стрелял в него, поражал в ответ втрое большим количеством стрел. Каждый раз, поражая кого-либо из них десятком стрел, он издавал (радостный) крик. И все они со своими конями, возничими, знаменами и (царскими) зонтами расступились, дав ему дорогу.

Круша тех великих лучников ливнями своих стрел и не встречая достойного сопротивления, губитель недругов Радхея ворвался в самую середину (личного) войска царя! Сразив три сотни колесничных бойцов из числа никогда не отступающих с поля брани чедийцев, Радхея затем настиг острыми стрелами Юдхиштхиру. Тут все бывшие там Пандавы, Шикхандин и Сатьяки толпой окружили царя, чтобы защитить его от Радхеи. А великие лучники из твоего воинства столь же дружно и ревностно принялись защищать со всех сторон не ведающего в бою никаких преград Карну. Слышны были звуки различных музыкальных инструментов, гремели львиные кличи неукротимых героев, о владыка народа! Итак, вновь сошлись на поле брани бесстрашные куру и Пандавы; Партхи — во главе с Юдхиштхирой, наши — во главе с Сыном суты!

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» тридцать вторая глава.

ГЛАВА 33

Санджая сказал:

Врезавшись в ряды того войска, Карна в окружении тысяч колесниц, слонов, пеших и конных воинов устремился на Царя справедливости. Сокрушив сотнями грозных стрел тысячи стрел и копий, посланных в него врагами, Вриша бесстрашно двинулся сквозь их (ряды). Повсюду одним врагам он отсекал головы, руки, ноги, и они замертво падали наземь, а другие, дрогнув, обращались в бегство.

Снова и снова воодушевляемые Сатьяки пешие воины — дравиды, андхры и нишады, горя желанием убить (врага), разили в битве Карну. Но, пронзенные стрелами Карны, все они, с отрубленными руками и сбитыми с голов шлемами, падали разом на землю, будто срубленный лес деревьев шала.

Вот так сотни, тысячи и десятки тысяч воинов, сраженные, обрушивались телами на землю, наполняя зато все пространство мира своею славой. Пандавы и панчалы пытались совладать с Карной Вайкартаной, яростным в битве, словно сам Яма, точно так же, как люди борются с болезнью посредством магических заклинаний и лекарственных трав. Но он сокрушил их всех и вновь обрушился на Юдхиштхиру, как неизлечимая болезнь, неподвластная ни заклинаниям, ни снадобьям, ни исцелительным обрядам.

Тут снова преградили ему путь жаждущие (спасти своего) царя Пандавы, панчалы и кекаи; и (на этот раз) он не смог прорвать их (строй), как Смерть бывает бессильна перед людьми, познавшими Брахман. И Юдхиштхира, губитель неприятельских героев, глаза которого налились кровью от гнева, молвил тогда Карне, уже близко подошедшему к нему, но остановленному:

«Эй, Карна, эй, Сын суты, превратно все видящий! Слушай меня! Вечно соперничаешь ты на поле битвы со славным Пхальгуной! Вечно послушен воле сынов Дхритараштры, ты борешься с нами! Запасись великим мужеством и яви нам здесь сегодня всю свою силу, всю отвагу, весь пыл твоей ненависти к Пандавам! Я же в великой битве навсегда сокрушу твою обычную уверенность в победе!».

Сказав Карне такие слова, сын Панду поразил его, о великий царь, десятью острыми, железными, златооперенными стрелами. А утеснитель недругов, Сын суты, искусный лучник, усмехнувшись, послал в него ответно девять стрел с наконечниками «телячий зуб», о бхарата! Затем двумя «бритвообразными» стрелами и еще другими, сглаженными в сочленениях, он сразил насмерть двух панчалов, «стражей колес» при колеснице великого духом Юдхиштхиры, мужей великой отваги, которые, охраняя с боков Царя справедливости и стоя по сторонам его колесницы, сияли красотой, словно две звезды созвездия Пунарвасу в соседстве с Месяцем.

Тут Юдхиштхира вновь поразил Карну тридцатью стрелами, а еще по три на каждого пустил в Сушену и Сатьясену. Шалью ранил он девяносто стрелами, Сына суты — семьюдесятью тремя, а тех его «стражей (колес)» пронзил тремя неуклонно по прямой летящими стрелами каждого.

Тогда сын Адхиратхи, усмехаясь и потрясая своим луком, рассек тело царя широколезвийной стрелой, затем поразил его еще шестью стрелами и издал радостный крик. Тут храбрейшие из сынов Панду, стремясь спасти своего царя от Сына суты, поспешили к Юдхиштхире и осыпали Карну своими стрелами. Сатьяки и Чекитана, Юютсу и царь пандьев, Дхриштадьюмна и Шикхандин, сыновья Драупади и прабхадраки, оба Близнеца с Бхимасеной, а также сын Шишупалы, каруши, оставшиеся в живых матсьи, кекаи, кашийцы и косалы — все эти герои принялись поспешно отражать натиск Васушены. Джанамеджая-панчалиец поразил Карну стрелами простыми и железными, острыми и имеющими наконечники «ухо вепря», «телячий зуб», «бритва», «клюв чатаки», а также стрелами на-лика и большими стрелами випатха. Потрясая всевозможным грозным оружием, колесничие, воины на слонах и всадники бросились на Карну и окружили его кольцом, чтобы убить.

Теснимый со всех сторон отважнейшими из Пандавов, он привел тогда в действие «оружие Брахмы» и тотчас заполнил стрелами все пространство. Затем Карна-огонь, своей доблестью-жаром и стрелами-языками сожигая Пандавов как лес, стал искусно маневрировать своей колесницей по полю битвы. С помощью этого великого оружия непревзойденный лучник, посмеиваясь, рассек своими стрелами лук великого духом Индры людей.

Наконец, выпустив во мгновение ока девяносто острых и выровненных в сочленениях стрел, Карна среди битвы пронзил ими доспех царя. И этот сияющий, златоизукрашенный доспех соскользнул тогда с (тела царя), сияя великолепием, как ускользает прочь от солнца гонимая ветром туча с заключенной в ней молнией. А тело того земного Индры, изукрашенное дивными драгоценностями, явилось взорам, когда спал с него доспех, прекрасным словно безоблачное (звездное) ночное небо.

Истекающий кровью Партха, которого стрелы врага лишили доспеха, преисполнился гневом и метнул в сына Адхиратхи цельножелезное копьё. Но пока оно, пылая, как казалось, пронеслось в поднебесье, (Карна) разбил его семью стрелами, и пало оно на землю, сокрушенное стрелами того искусного лучника. Тут Юдхиштхира поразил Карну четырьмя дротиками в обе руки, чело, грудь и издал радостный крик. Карна, из ран которого брызнула кровь, пришел в ярость и задышал как (разгневанный) змей. Широколезвийной стрелой снес он знамя Пандавы, а тремя другими поразил его самого, рассек ему оба колчана и расколол в щепы колесницу. И вот Партха, возникший которого Паршти был уже убит (ранее), обратился в бегство, ибо он пал духом и не в силах был более лицом к лицу противостоять Карне.

Догнал его Радхейя, коснулся рукой его плеча и с усмешкой презрительно сказал Пандаве: «Как может отпрыск знатного рода, воспитанный в преданности дхарме кшатриев, бежать на поле брани от врагов, дрожа за свою жизнь! Несведущ ты, я вижу, в том, что предписывает кшатрию его долг! Скорее, ты силен в том, что составляет силу брахманов, твой долг — изучение Вед и отправление жертвоприношений! Никогда впредь не берись за оружие, Каунтея, не вступай в бой с отважными воинами, не говори им дерзких слов, не являйся на поля великих битв!».

Сказав Партхе такие слова, могучий (Карна) отпустил его с миром и принялся крушить войско Пандавов, будто Держащий ваджру — рать асуров. А владыка народа, терзаясь стыдом, поспешно пустился в бегство, о царь! Увидев, что тот неколебимый царь бежит, последовали за ним чедийцы, Пандавы и панчалы, великоколесничный боец Сатьяки, отважные сыновья Драупади и оба сына Панду от Мадри. Когда воинство Юдхиштхиры показало тыл, Карна, сопровождаемый отважными куру, бросился преследовать его по пятам. Радостные львиные кличи сынов Дхритараштры смешивались со звуками раковин и барабанов, звоном тетив, пением стрел. А Юдхиштхира, о великий царь, поспешно взойдя на колесницу Шру-такирти, оттуда взирал на доблестные деяния Карны, о кау-равья! Видя войско свое теснимым, Юдхиштхира, Царь справедливости, в гневе тысячу раз подряд прокричал тем воинам: «Убейте его!».

Тогда, повинувшись велению царя, великоколесничные бойцы из числа Пандавов, возглавляемые Бхимасеной, дружно повернули назад и ударили на твоих сыновей. От раздававшегося повсюду крика воинов, рева слонов, ржания коней, стука колесниц, топота пеших и звона оружия поднялся тут оглушительный шум, о бхарата! «Воспряньте! Разите! Вперед! На врага!» — с этими криками воины принялись разить друг друга на поле боя. Словно туча затмили небо потоки стрел, которые те достойнейшие мужи выпустили друг в друга.

Лишившись в битве своих флажков, знамен и зонтов, коней, возничих и оружия, с отсеченными головами и конечностями, покрытые ранами цари замертво падали на землю. Великолепные слоны, подобные (благодаря башенкам на спинах) прекрасным вершинам гор, падали, сраженные, вместе со своими ездоками, словно сокрушенные ваджрой горы. Кони, чьи Доспехи были пробиты, украшения изломаны, тела изувечены, вместе со своими сраженными отважными всадниками тысячами падали наземь. Со сломанным оружием, пронзенными телами, уничтожаемые слонами, конями, колесницами и отважными бойцами неприятеля, тысячами ложились замертво наземь отряды пеших воинов. Головы опьяняющихся битвой героев, с широко раскрытыми медно-красными очами, о нежными лотосовыми лицами устлали собой всю землю.

И тогда слышали люди разлившийся в бескрайнем небе звук — то был звук пения и музыки, шум хода небесных колесниц и полета сонмов апсар. Тысячами возведя на свои колесницы убитых, иссеченных, павших лицом к сразившему их врагу героев, те сонмы апсар удалились (затем на небо).

Увидев воочию столь великое чудо и воспылав желанием достигнуть небес, герои с ликованием стремительно бросились друг на друга. И (сначала) в той битве — о диво! — (все) сражались (по правилам): колесничие — с колесничими, пешие — с пешими, слоны — со слонами, всадники — со всадниками. Но когда разгорелось то сражение, гибельное для людей, коней и слонов, когда пыль скрыла все войско, то и наши, и враги начали разить (даже) своих. То была битва, в которой таскали друг друга за волосы, кусали зубами, рвали ногтями: кулачная, рукопашная схватка, несущая избавление от тела и грехов. В том гибельном для людей, коней и слонов сражении из человеческих, конских, слоновьих тел изливался обильный поток крови, который (затем подхватывал) и уносил простерты на земле человеческие, конские, слоновьи тела.

Протекая через столпотворение людей, коней и слонов, та ужасная, приводящая видом своим в трепет робких, несшая в себе вместо воды и ила только конскую, слоновью и человеческую кровь река уносила с собой безжизненные тела людей и животных. Жаждающие победы воины переправлялись через нее на другой берег, кто — вброд, а кто — вплавь; одни из них выплывали, другие — тонули. Кровью были покрыты их тела, кровью запятнаны доспехи, оружие и одежды; одни окунались в ту реку, другие пили из нее кровь, третьи лишались чувств (при виде ее), о бык-бхарата! Колесницы, кони, люди, слоны, оружие и украшения, одежды, доспехи, воины, убиваемые или уже убитые, земля, небо, поднебесье, стороны света — все окрасилось кровью! Запах той крови, ощущение ее на коже, ее вкус, небывалый вид и журчание ее в потоке привели почти все войско в превеликое смятение, о бхарата!

Тут на это уже разбитое и расстроенное войско твое снова обрушились на колесницах герои во главе с Бхимасеной и Сатьяки. И могучее войско твоих сыновей, не в силах выдержать стремительного натиска тех великих духом героев, обратилось в бегство, о царь! Та рать, в коей было множество людей и коней, пришла в беспорядок: смешались кони, слоны и колесницы, попадали наземь щиты и доспехи, вывалились из рук мечи и луки; и, обезумев от страха, войско твое побежало во всех направлениях, словно стадо слонов в лесной чаще, когда нападают на него львы.
Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» тридцать третья глава.

ГЛАВА 34

Санджая сказал:

Увидел сын твой (Дурьйодхана), как Пандавы стремительно теснят твое войско, но, сколько ни старался, не сумел криком остановить бегущих. Тогда (левым) крылом с его оконечностью, а также оконечностью правого крыла кауравы, воздев оружие, обрушились в битве на Бхимасену. А Карна, видя, что сыны Дхритараштры бегут без оглядки, погнал своих превосходных коней, белых мастью, как оперенье гуся, в то место, где находился Врикодара. И погоняемые Шальей, украшением битв, те кони, о великий царь, примчали его вплотную к колеснице Бхимасены.

Бхима, увидев, как приближается к нему Карна, распалился гневом и твердо решил убить недруга, о бык-бхарата! Обратился он к отважному Сатьяки и Дхриштадьумне, внуку Пришаты, с такими словами: «Охраняйте благочестивого царя Юдхишхиру! Только что на моих глазах чудом избежал он величайшей опасности! На радость Дурьйодхане злодей Радхея в моем присутствии иссек (стрелами) все облачение царя! Но сейчас, о сын Пришаты, я утешу (Юдхишхиру) в его горе! Либо сам сразу Карну, либо он погубит меня в этом грозном сражении, клянусь вам! Теперь вручаю царя вашему попечению: оберегайте его все как один ревностно и хладнокровно!».

Затем мощнодланый (Бхима) огласил громовым львиным ю кличем все стороны света и двинулся навстречу сыну Адхиратхи. Завидев стремительно приближающегося, радующегося предстоящей схватке Бхиму, могучий владыка мадров так сказал Сыну суты: «Гляди, Карна, вот он — яростный, мощнодланый сын Панду! Одного лишь, конечно, желает он: излить на тебя свой давно накопившийся гнев! Никогда еще, даже когда были убиты Абхиманью и ракшаса Гхатоткача, не видал я (его) столь (яростным), о Карна! В гневе он способен противостоять всем трем мирам; этот его ослепительно-грозный облик сравним только с пламенем конца мира!».

Едва успел владыка мадров сказать это Радхее, как приблизился к Карне, о царь, пылающий гневом Врикодара. Видя уже вблизи от себя радующегося предстоящей схватке Бхиму, Радхея, усмехаясь, так отвечал Шалье: «Все, что ты, о могучий царь народа мадров, сказал мне сейчас о Бхимасене, без сомнения истинно. Да, Врикодара — герой, доблестный воин, гневлив, непревзойден по силе, не дорожит он ни телом, ни самой жизнью! Когда-то в столице Вираты он, скрытый под чужой одеждой, из любви к Драупади умертвил голыми руками, притаившись в засаде, Кичаку со всеми его приспешниками! Сегодня же, облаченный в доспехи, воодушевленный гневом, он готов схватиться в гуще битвы даже со Смертью, занесшей свой жезл! Давно лелею я такое заветное желание, что либо я сразу Арджуну в битве, либо Завоеватель богатств сразит меня; и уже сегодня оно исполнится благодаря моей схватке с Бхимой! Ведь если будет убит Бхимасена или останется без конницы, то тогда выступит против меня сам Партха, о чем я только и мечтаю! Решай же скорее, как, ты считаешь, нужно сейчас поступать?»

На эту речь великого духом Радхеи отвечал Шалья Сыну суты такими словами: «Вот и встретился ты, мощнодланый, с могучим Бхимасеной, а уничтожив его, доберешься затем и до Пхальгуны! То, что издавна было твоим заветным, лелеемым в сердце желанием, все это непременно сбудется, поверь мне!» Выслушав Шалью, Карна вновь обратился к нему, побуждая его к действию, с такими словами: «Мне ли суждено сразить Арджуну в битве, суждено ли Завоевателю богатств убить меня — как бы то ни было, ты, обратив свои помыслы к битве, поспешай вперед, вперед!» И вот Шалья, о владыка народа, устремил колесницу вперед, навстречу теснящему рать кауравов великому лучнику Бхиме.

В тот миг, когда схватились Карна с Бхимой, раздался, о Индра царей, оглушительный рев боевых труб и барабанов. Пылая гневом, могучий Бхимасена острыми, сверкающими (на солнце) железными стрелами принудил твое неодолимое войско бежать во всех направлениях. И закипела на том бранном поле шумная, грозная, яростная битва между Карной и Пандавой, о владыка народа! В первый миг, о Индра царей, потеснил Карну Пандава.

Встречая его натиск, Карна, (он же) Вриша, Вайкартана, чей дух необъятен, преисполнился гнева и железной стрелой поразил его в самую середину груди, а затем осыпал его также ливнями других стрел. Несмотря на раны, нанесенные ему Сыном суты, Бхима тотчас окутал Карну своими стрелами; девятью стрелами, острыми и сглаженными в сочленениях, поразил он недруга.

Но Карна одной стрелою рассек по самой середине его лук; а когда противник остался без лука, то поразил его в середину груди железной, остро отточенной стрелой, способной пронзить любую преграду. Взял тут Врикодара новый лук и, умея выбирать наиболее уязвимые цели, поразил остро отточенными стрелами Сына суты в самые средоточия жизни, а затем издал громогласный клич, от которого, казалось, содрогнулась земля. А Карна ударил в него двадцатью пятью (блестящими на солнце) железными стрелами; так слона, беснующегося в период истечения мады, забрасывают в лесной чаще пылающими факелами.

И тогда, желая убить Сына суты, Пандава, одушевленный гневом, с глазами, налившимися кровью от обуявшей его ярости, наложил на тетиву своего превосходного, мощного, способного (метать сколь угодно) тяжелые (стрелы) лука такую стрелу, которая могла бы расколоть даже горы.

Затем тот великий лучник, превосходящий (стремительностью отца своего) Ветер, растянул в гнев до самого уха тетиву своего мощного лука и выпустил ту стрелу, надеясь убить ею Карну. Та пущенная могучим (героем) стрела, звучащая (в полете) словно ваджра и ашани, поразила среди битвы Карну, как удар ваджры обрушивается на гору. И предводитель воинства, Сын суты, пораженный (той стрелой) Бхимасены, о продолжатель рода Куру, распростерся, лишившись сознания, на днище своей колесницы.

Тут владыка мадров, видя, что украшение битв, Карна, Сын суты, лишился чувств, на колеснице вывез его из боя. После же того как Карна был сражен, Бхимасена обратил в бегство огромную рать сынов Дхритараштры, словно Индра — воинство данавов!

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» тридцать четвертая глава.

ГЛАВА 35

Дхритараштра сказал:

Небывалый подвиг совершил Бхима, о Санджая, когда поверг на днище колесницы мощнодланного Карну! А ведь прежде, о сута, Дурьодхана мне твердил неустанно: «В одиночку, мол, сокрушит Карна на поле брани сринджаев вместе с Пандавами». Что же теперь, когда Радхей был побежден в бою Бхимой, предпринял сын мой Дурьодхана?

Санджая сказал:

Видя, что и Радхей, Сын суты, и все великое войско пребывают среди битвы в полном расстройстве и смятении, о царь, сказал (Дурьодхана) своим единоутробным братьям: «Спешите, с моим благословением, на помощь Радхее; опасность, коей подверг его Бхимасена, погрузила его в бездонную пучину скорби!».

Повинуясь велению царя, горя гневом и желанием убить в Бхимасену, устремились они на него, словно мошкара, летящая на пламя. Шрутаюс, Дурдхара, Кратха, Вивитсу, Виката и Сама, Нишангин, Кавачин, Пашин, Нанда и Упанандака, Душпрадхарша, Субаху и Ватавега с Суварчасой, Дханурграха, Дурмада, Сатьясандха и Саха — все эти могучие и доблестные мужи в сопровождении многих

колесниц, со всех сторон окружив кольцом, атаковали Бхимасену, осыпая его множествами с грел, на которых были начертаны различные их эмблемы.

Израненный твоими сыновьями, которые стремительно наступали па него с пятьюдесятью колесницами, о владыка люден, могучий Бхимасена сокрушил им, однако, все эти пятьдесят колесниц! Затем, придя в ярость, широколезвийной стрелой снес он подобную полной лупе, украшенную серьгами и шлемом голову Вивитсу; и, пораженный насмерть Бхимой, тот пал на землю, о великий царь! Увидев, что сражен тот геройг братья его, о владыка, со всех сторон обрушились в битве на грозного своєю доблестью Бхиму.

Тогда, выпустив еще много широколезвийных стрел, грозный своєю доблестью Бхима разлучил с жизнью в великой битве и других твоих сыновей. Разом упали обо на землю, словно два поваленных ветром дерева, о царь, Виката и Сама, обликом подобные сыновьям богов. Тотчас вслед за этим отослал Бхима в обиталище Ямы также и Краиху; сраженный остро отточенной железной стрелой, пал гот па землю. И когда вот так гибли (один за другим) те лучники, сыновья твои, о царь, владыка народа, (над нолеи боя то и дело) раздавались пронзительные горестью вопли. Когда все войско их пришло в беспорядок, могучий Бхимасена отослал среди битвы в обиталище Ямы также Нанду и Упананду. Тогда твои сыновья яри виде Бхпмасены, подобного обликом Яме-Калантаке, в страхе и полном смятении бежали с поля битвы.

Видя, как сыновья твои гибнут (один за другим), благородный Сын суты вновь погнал своих белых словно лебеди коней навстречу Пандаве. Погоняемые царем мадров, тс стремительные кони приблизились вплотную к колеснице Бхимасены, о великий царь! И началась у Карпы с Пандавой среди той ошвы, о великий царь, владыка парода, шумная, грозная, яростная схватка. Я же, когда увидел, как сошлись два велико-колесничных бойца, о великий царь, подумал: «Чем на сей раз окончится дело?!».

Вскоре Карна, не прилагая особых усилий, как бы играючи, о Индра царей, лишил вершителя грозных деяний Бхиму его колесницы. Оставшись без средства передвижения, достойнейший из бхаратов, мощнодланый (Бхима), усмехнулся и спрыгнул с той превосходнейшей из колесниц наземь с палицею в руках. Являя свой гневный облик, укротитель недругов Бхима стремительно сокрушил, о царь, семь сотен боевых слонов, с бивнями, огромными как колесничные дышла. Зная уязвимые места (слонов), он с громким криком наносил им мощные удары в основания клыков, лбы, виски, глаза, в самые средоточия жизни. Они же, сперва разбежавшись от него в страхе, затем, однако, понукаемые своими погонщиками, вернулись обратно и обступили его со всех сторон, словно тучи — дневное светило. Тогда он, хоть и пеший, уничтожил-таки палицей семь сотен слонов с ездоками, оружием и знаменами, как ветер рассеивает осенние облака. А еще сокрушил Каунтея в том бою пятьдесят двух могучих слонов сына Субалы. Сожигая в битве воинство твое своим ратным пылом, Каунтея уничтожил также более ста колесниц и сотни пеших воинов. Палимое одновременно солнцем и жаром ярости великого духом Бхимасены войско твое съезжилось подобно шкуре, брошенной в огонь. Гонимые страхом перед Бхимой воины твои, о бык-бхарата, отступившись от него, бежали с поля битвы во всех десяти направлениях.

Тут еще пять сотен (воинов на) грохочущих, обитых шкурами и защищенных броней колесницах стремительно ударили со всех сторон на Бхиму, (осыпая его) множествами стрел. Но всех их, с их возничими и колесницами, флажками, знаменами и вооружением, сокрушил Бхима своєю палицей, словно Вишну — асуров. Тогда, по приказу Шакуни, устремились на Бхиму три тысячи всадников, высокочтимых среди героев (по всей земле), с копьями, мечами и дротиками в руках. Он же, губитель наисильнейших из недругов, вышел им навстречу и принялся, расхаживая (по полю) во всех направлениях, разить насмерть, сокрушая палицей, тех конных яванов. И от ударов его, обрушиваемых на их тела, стоял повсюду такой звук, как если бы мечами рубили камыш. Наконец перебив эти три тысячи отборных всадников сына Субалы, он взошел на новую колесницу и, преисполненный ярости, устремился туда, где был Радхея.

Карна средь битвы, о царь, тучей стрел окутал смирителя недругов, сына Дхармы, и поверг за смертью его возничего. Увидев, что колесница (Юдхистхиры) удаляется с поля боя, великоколесничный боец (Карна) пустился в погоню, осыпая ее неуклонно летящими к цели, украшенными оперением цапли стрелами. Но в тот миг, когда он уже достигал царя, окутав всю землю стрелами, разгневанный сын Ветра сам накрыл его тучей стрел. Стремительно обернулся искоренитель недругов Радхей и со всех сторон осыпал Бхиму острыми стрелами. Тут вместилище необъятного духа — Сатьяки ударил, о бхарата, на увлеченного боем с колесницей Бхимасены Карпу, намереваясь сокрушить его с тыла.

Когда сошлись друг с другом те два многомудрых, непревосходнейших на всей земле лучника, пуская разнообразной формы пламенеющие стрелы, то весь небосвод, о Индра царей, оказался из-за них застлан тучей стрел, угрожающей, страшной, багровой, словно перья в хвосте у краунчи. Из-за стрел, которые они выпускали тысячами, мы не в силах были различить ни неба, ни солнечного света, ни, тем более, основных ж промежуточных направлений. В тот миг, о царь, даже яркое сияние палящего полдневного солнца совсем померкло, (скрытое) потоками стрел Карны и Мадхавы.

Видя, что сын Субалы, сын Дроны, сын Адхиратхи, Критаварман и Крипа схватились с Пандавами, (отступавшие) кауравы повернули обратно. Мчась на битву, их рать, о владыка народа, грозно и яростно шумела, как шумит море, переполняющееся волнами в пору дождей. Завидев друг друга на поле боя, оба войска, крайне возбужденные, воспылав боевым задором, вступили между собою в схватку.

И вот, когда дневное светило достигло зенита, закипела там битва, подобной которой ранее не видано было и не слышано. Одна лавина бойцов, быстро сблизившись на поле битвы с другою, стремительно обрушивалась на нее, словно водный поток, вливающийся в океан. И был рев, который издавали те множества войск, кричащие друг на друга, громок, словно великий шум, (слышимый при слиянии) нескольких морских течений. Сойдясь друг с другом, два стремительных войска слились воедино, словно две реки. И началась, о владыка народа, грозная битва между куру и Пандавами, жаждущими себе великой славы.

Неумолчно гремели там крики воинов-куру, на все лады выкликавших противников по именам, о царь-бхарата! Если было за кем что предосудительное в происхождении по отцовской или материнской линии, в деяниях или нравственных принципах — все это на поле той битвы приходилось услышать ему из уст врагов! Будучи свидетелем того, как герои оскорбляют друг друга на бранном поле, о царь, я подумал: «Не быть им (после этого) живыми!» Видя (могучие) тела тех преисполненных гнева, наделенных непомерным ратным пылом героев, я ощутил гнетущий страх: «Чем-то все это кончится?» Тут Пандавы и великоколесничные бойцы-кауравы принялись, разя острыми стрелами, губить друг друга, о царь!

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» тридцать пятая глава.

ГЛАВА 36

Санджая сказал:

Те кшатрии, о великий царь, исполненные взаимной ненависти, принялись истреблять друг друга в сражении, стремясь уничтожить каждый своего противника. Повсюду сошлись строй к строю, о великий царь, множество колесниц, коней, пеших воинов и слонов. Мы видели, как сталкиваются меж собой в ожесточеннейшем бою палицы, железные булавы и плавно скользящие канапы, дротики, копыя и бхушунди и отовсюду ливнями, как саранча, обрушиваются стрелы. Плотнo сойдясь в схватке, слоны теснили слонов, кони — коней, колесничные воины — колесничных, пешее воинство (билось) о пехотой, а конное — с конницей.

Но вот пешие воины принялись громить колесницы и слонов, колесницы — слонов и коней, а быстрые слоны, о царь, (крушили) в битве три (остальные) части войска. Герои падали за смертью, обращая друг к другу (предсмертные) кличи, и грозное поле брани стало похоже на скотобойню. Залитое кровью, о бхарата, оно засветилось, точно покрытая светляками земля в пору дождей. Пестрея мясом и кровью

(убитых), будто бы позолоченное, ратное поле напоминало юную смуглую деву, с головы до ног облаченную в белый наряд, расцвеченный шафраном. Головы, отсеченные от тел, сами тела, руки и ноги, сорванные серьги и украшения, ожерелья на нитях, знамена и доспехи лучников горами валялись на землю, о бхарата!

Слоны, сцепившись, остриями бивней раздирали друг друга в клочья; истерзанные бивнями, они, казалось, излучали (кровавое) сияние. Их истекающие кровью тела сверкали, будто одетые минералами горы, оплывающие (во время дождей) потоками красного песчаника. Слоны перехватывали хоботами многочисленные метаемые наездниками копья, нацеленные в противника, иные ломали их на части. Отборнейшие слоны в пробитых стрелами доспехах сияли, о великий царь, подобно горам, освободившимся от туч с приходом зимы. Униженные стрелами с золотым оперением лучшие из слонов, о досточтимый, сверкали точно горы, вершины которых озаряются метеорами. Иные слоны, подобные горным пикам, сраженные в том бою слонами (противника), рушились наземь словно крылатые горы.

Другие, истерзанные копьями в великой битве, страдая от ран, падали на бегу, (утыкаясь) в землю лбом или корнем хобота. Третьи валялись, издавая страшный рев, напоми-пающий львиный рык. Многие замирали, о царь, иные же громко трубили. Настигнутые стрелами кони в золоченых пополах и сбруе валялись и затихали, (иные же) разбредались в разные стороны. Некоторых из них, израненных стрелами и копьями, волокло (за упряжкой), и они припадали к земле судорожными движениями.

Сраженные воины громко стенали, (распростершись) на Земле, о досточтимый; иные, видя, как бегут их родичи, отцы и деды перед лицом врага, о бхарата, возглашали один другому свои звучные родовые имена. Отсеченные руки (героев) в золотых украшениях, о великий царь, висели плетью, подергивались, то падали, то взлетали кверху. Сведенные судорогой, продолжая шевелиться словно извивающиеся змеи тысячами устилала они поле брани. Натертые сандалом руки' подобные змеиным кольцам, влажные от крови, ярко сверкали о владыка народов, как золотые стяги. Жестокая битва шла по всем направлениям, и (воины) бились неузнанные, истребляя один другого. Над ратным полем, покрытым пылью с (потревоженной) земли, от (непрестанного) мелькания оружия нависла тьма, о царь, и стало невозможно разобрать, где тут свои, а где чужие. То был суровый, страшный бой; тут и там струились мощные реки с кровью вместо воды.

Грозные эти потоки, (несущие) отборные луки и стрелы, усеянные вместо валунов головами, вместо ила и тины — волосами, вместо порогов — костями, а вместо топи, трясины — останками (павших героев), мча лавиной кровь, устремлялись к царству Ямы. Те грозные видом реки, становясь глубже, смывая и унося (все, что встречалось им на пути) в обиталище Ямы, сеяли страх среди кшатры.

То и дело раздавалось рычание (тварей), пожирающих мертвечину, муж-тигр, так что грозное поле битвы напоминало собой город царя претов. Бесчисленными горами высились всюду обезглавленные тела; насытившись мясом и кровью (убитых), плясали сонмища бхутов. Быстро слетались туда вороны, коршуны, ястребы, принимаясь пить кровь и сосать мозг (погибших), жадно насыщаясь, о бхарата, жиром и костным мозгом, терзая плоть (убитых).

Меж тем, о царь, герои, отринув неодолимый страх, верные своему воинскому обету, отважно вершили подвиги в бою. Являя свое бесстрашие, воины отрядами пересекали усеянное копьями и стрелами (поле брани), где скопились сонмища пожирателей падали. Они окликали друг друга, возглашая, о бхарата, на все стороны свои имена и прозвания, имена своих отцов и родовые имена. Многие воины, о владыка народов, с кличами сокрушали друг друга копьями, пиками и палицами. В том суровом и грозном бою гибло войско кауравов, как (гибнет) в океане развалившаяся лодка. *Такова в «Книге о Карле» великой «Матабхараты» тридцать шестая глава.*

Санджая сказал:

И тут, в самом разгаре битвы, поглощавшей кшатриев, на ноле брани, о досточтимый царь, оттуда, где Паидава истреблял саншаптаков, косалов и войско Нараяны, послышался мощный звон Гандивы. Яростные саншаптаки, обуреваемые жаждой победы, со всех сторон обрушивали на голову Партхе потоки стрел. Внезапно могучий Партха, лучший из колесничных воинов, в один миг остановил тот ливень и, сокрушая (врагов), о царь, ринулся в самую гущу боя. Сдерживая колесничное войско заточенными на камне (стрелами) с оперением цэпли, Партха сошелся в схватке с великим колесничным воином Сушарманом. Первый среди колесничных бойцов обрушил (на Арджуну) потоки стрел, и саншаптаки тоже противостояли

Партхе в бою. Вот Сушарман, пронзив девятью стрелами Партху, тремя стрелами ранил в правую руку Джанардану, а потом еще одной (стрелой) — бхаллой — поразил его знамя, о досточтимый! Лучшая из обезьян, великое творение Вишваркармана, издала, о царь, мощный рык, своим рычанием приводя в ужас (воинов). Услышав обезьяний рык, встревожилось твое воинство и замерло в великом ужасе. Застывшая неподвижно, о царь, (твоя) рать сияла красотой, словно роща Чайтрататха, усыпанная разнообразными цветами.

Но вот, очнувшись, воины обрушили на Арджуну потоки стрел — так облака, о лучший из куру, (обрушивают ливень) на гору. Потом они окружили мощную колесницу Пандавы. Стремительно, с силою вцепляясь в коней, в оба колеса и дышла его колесницы, они издавали, о бхарата, львиные кличи. Одни ухватили за мощные руки Кешаву, другие, о великий царь, набросились, торжествуя, на Партху, стоявшего в колеснице. Но Кешава, (находясь) в центре схватки, лишь тряхнув своими руками, раскидал всех (недругов), точно разъяренный слон — слонов.

Тут яростный Партха, окруженный великими колесничными воинами, видя, что колесница его захвачена и (враги) напали на Кешаву, уложил на месте множество стоявших в колесницах и пеших врагов. Тех, кто приблизился к нему вплотную, он отбросил прочь стрелами, бьющими на близком расстоянии, и так сказал в бою Кешаве: «Смотри, о Кришна мощнорукий, как я тысячами истребляю отряды саншаптаков, вершащих суровый подвиг! В мире, на всей земле нет человека, кроме меня, о бык-ядава, который смог бы вынести столь яростное нападение на колесницу». С этими словами Бибхатсу наполнил дыханием Девадатту, а Кришна — Панчаджапью. и (звук) их, казалось, заполнил землю и небеса.

Заслышав звук тех боевых раковин, о великий царь, войско саншаптаков пришло в движение, сильно устранившись. И тут Пандава, губитель вражеских героев, снова и снова пуская в ход оружие «шага», сковал неподвижностью ноги (вражеских воинов), о великий царь! На кого бы (из воинов) ни нацелил в бою Партха (это оружие), сковывая неподвижностью их ноги, те, спеленатые (змеиными оковами), обезножившие по воле великого духом Пандавы, стали недвижны, о царь, точно созданные из железа. И тогда сын Панду принялся уничтожать неподвижно застывших воинов, как некогда Индра (губил) дайтьев в бою, погибельном для Тараки. Истребляемые в сражении, они выпустили ту лучшую из колесниц и начали ронять все свое оружие. Тогда великий колесничный воитт Сушарман, увидев, что войско его полонил (Арджупа), спешно вызвал оружие «саупарна», о Индра царей! Л тут, о царь, слетелись птицы-супарны, пожирающие змей, и змеи при виде птиц бросились врассыпную. И войско (саншаптаков), о владыка народов, освободилось от оков на ногах — так солнце, очистившись от скопления облаков, обращает тепло свое на живущих. Освободившись, те воины выпустили множество стрел и тьму (другого) оружия по колеснице Пхальгуны, о досточтимый! Но сын Васавы, губитель вражеских героев, противостоял вражеским воинам, рассекая потоками стрел лавину их мощного оружия.

Но вот царь Сушарман, поразив Арджуну в грудь стрелою, гладкой в сочленениях, пронзил его затем еще тремя стрелами, так что тот, тяжело раненный, бессильно опустился на днище колесницы. Едва сознание вернулось к нему, необъятный душой Белокопый, чьим колесничным был Кришна, спешно обратился к оружию Индры, и тут разом взметнулась тысяча стрел, о досточтимый! Они были видны во всех направлениях (сразу), о царь, уничтожая в бою сотнями тысяч слонов, коней и колесницы.

Глубокий ужас вселился в истребляемое войско (кауравов), и не нашлось тогда ни среди отрядов саншаптаков, ни среди гопалов, о бхарата, ни единого человека, который противостоял бы Арджуне. На глазах у героев он истреблял могучую рать, но, видя, что она гибнет, те бездействовали (не решаясь явить свою) отвагу. Уложив на поле брани десять тысяч (вражеских) воинов, сын Панду, о царь, блистал словно сияющее бездымное пламя. (Он уничтожил), о бхарата, еще четырнадцать тысяч (воинов) из тех, что остались в живых, а также десять тысяч колесниц и три тысячи слонов. И тут саншаптаки вновь окружили Завоевателя богатств, исполненные решимости вернуть себе победу или же умереть. И начался там, о владыка народов, великий бой между твоими (войсками) и могучим героем Пандавой, Увенчанной диадемой.

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» тридцать седьмая глава.

ГЛАВА 38

Санджая сказал:

Критаварман и Крипа, сын Дроны и Сын суты, Улука и сын Субалы, а также царь (Дурьодхана) вместе с родными братьями, увидев, что воины пали духом, терзаемые страхом перед сыном Панду, устремились к ним на помощь, о досточтимый, словно к лодке, разваливающейся в океане. И словно в мгновение, о бхарата, разгорелась тогда битва, порождающая в робких трепет и умножающая радость отважных. Потоки стрел, выпущенных Крипой, словно стаи саранчи рассеяли в бою сринджай. Разъяренный Шикхандин стремительно приблизился к Гаутаме и с разных сторон принялся обрушивать на того брахмана потоки стрел, но Крипа, великий знаток оружия, отразил эту лавину и яростно поразил Шикхандина в бою десятью стрелами. Тогда гневный Шикхандин мощно ударил по Крипе в сражении семью меткими стрелами с оперением цапли.

Но Крипа, лучший из дваждырожденных, великий колесничный воин, тяжело раненный острыми стрелами, сумел лишить Паршату коней, колесницы и колесничего. Великий колесничный воин, кони которого были убиты, соскочил с колесницы и, схватив меч и щит, стремительно подступил к брахману, но тот внезапно обрушил на нападающего (героя) гладкие в сочленениях стрелы, и это было похоже на чудо. Тот удивительный (ливень стрел), который мы наблюдали, о царь, напоминал каменную лавину, но Шикхандин оставался недвижим.

Увидев, что Крипа накрыл Шикхандина (стрелами), к Крипе стал быстро приближаться великий колесничный воин Дхриштадьумна, о лучший из царей! Но Дхриштадьумну, который ринулся было к колеснице Шарадваты, стремительно настиг великий колесничный воин Критаварман. Юдхистхиру же, тоже двинувшегося к колеснице Шарадваты вместе с войском и сыновьями, остановил сын Дроны. Быстрых (воинов) Накулу и Сахадеву, великих колесничных бойцов, задержал ивой сын, преградив им путь потоками стрел, а Карна Вайкартана, о бхарата, встал в бою на пути Бхимасены, карушей и кекаев вместе со сринджаями. Тогда Крипа-Шарадвата, о достойный, стремительно осыпал Шикхандина своими стрелами, словно намереваясь испепелить его, но тот, вновь и вновь воздевая свой меч, рассекал на части эти летящие с разных сторон стрелы, отделанные золотом.

Тут Гаутама под громкие крики воинов быстро разнес стрелами столунный щит Паршаты. Лишенный щита и оттого беззащитный перед Крипой, с мечом в руке он ринулся вперед, о великий царь, словно недужный в пасть смерти. Но тут Сукету, сын Читракету, о царь, поспешил (на помощь) к изнемогающему (от ран) многосильному (воину), одолеваемому стрелами Шарадваты. Непомерно великий душою, осыпая в бою брахмана множеством острых стрел, он напал на колесницу Гаутамы. А Шикхандин, о лучший из царей, видя, что брахман (Крипа), устоять против которого невозможно, вершит в бою обет (кшатрия), поспешил отступить.

Сукету, о царь, настиг Гаутаму девятью стрелами, а затем поразил его еще семьюдесятью тремя. Потом, о досточтимый, он рассек его лук вместе со стрелами и тяжело ранил стрелой в грудь его колесничего. Но разъяренный Гаутама, взяв новый крепкий лук, тридцатью стрелами ранил Сукету во все наиболее уязвимые места.

Содрогаясь всем телом, тот покачнулся в лучшей из колесниц, подобно тому как качается, бурно трепеща, дерево при землетрясении, а (Крипа) Стрелюю-«подковой» снес с его трепетавшего тела голову со сверкающими серьгами, тюрбаном и шлемом. Голова (воина) упала на землю, точно (кусок) мяса, схваченного (и выпущенного) ястребом, а затем и само туловище плашмя рухнуло наземь. Когда (Сукету) был повержен, о великий царь, его соратники пришли в смятение и, бросив Гаутаму на поле брани, разбежались на (все) десять сторон. Тогда многосильный Критаварман преградил путь Дхриштадьумне, крикнув Паршате: «Стой! Остановись!» И между Вришницей и Паршатой завязалась, о царь, шумная битва, как между двумя ястребами, рвущимися к (куску) мяса.

Дхриштадьумна яростно поразил сына Хридики в грудь девятью стрелами, причинив ему (тяжкие) страдания. Но Критаварман, тяжело раненный в битве Паршаюй, осыпал стрелами и самого Паршату и его колесницу с конями, так что Дхриштадьумны вместе с его колесницей, о царь, стало не видно из-за укрывших их (стрел), точно солнца, затянутого облаками во время дождей. Меж тем Дхриштадьумна, покрытый ранами, принялся рассеивать скопища (вражеских) стрел своими отделанными золотом стрелами, ярко блистая, о царь, на поле брани.

Затем предводитель воинства Паршата в ярости обрушил на Критавармана ужасающий ливень оружия, но сын Хридики многими тысячами стрел смял в битве этот непрерывно обрушивающийся стремительный поток. Увидев, что неодолимая лавина его оружия сметена в бою, Паршата приблизился вплотную к Критаварману и встал у него на пути. Заостренной по краям бхаллой он мгновенно отправил его колесничего в обиталище Ямы, и тот замертво рухнул с колесницы. Тогда могучий Дхриштадьумна, одолев в бою недруга, великого колесничного воина, принялся стремительно осаждать стрелами кауравов. Твои воины с львиным рыком бросились на Дхриштадьумну, и вновь закипела битва.

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» тридцать восьмая глава.

ГЛАВА 39

Санджая сказал:

Завидев Юдхистхиру, охраняемого внуком Шини и отважными сыновьями Драупади, Драуни, ликуя, ринулся вперед и осыпал (царя) множеством заточенных па камне грозных стрел с золотым оперением, искусно пользуясь различными способами (метания), чтобы явить свое умение. Знаток оружия, он заполнил небеса своими стрелами, освященными небесным оружием, и окружил ими в битве Юдхистхиру.

Трудно было что-либо разобрать: (все) покрывали стрелы Драунаяни, весь центр поля битвы был забит его стрелами. Затянувшая небосвод сеть стрел, украшенная золотой бахромой (оперения), казалась, о лучший из бхаратов, висящим в воздухе пологом, и из-за этой сверкающей сети стрел, которая укрывала место сражения, чудилось, будто тень облака (заслонила собой) небосвод, — так он кишел стрелами. Наблюдая подвиг Драуни, мы увидели чудо: его стрелы располагались так, что ничто не могло проникнуть сквозь (их толщу) на землю.

При виде дерзновенной отваги, явленной сыном Дроны, могучие колесничные воины преисполнились удивления, о великий царь! Все цари были не в силах смотреть па него, как пылающее солнце. Даже решительный Сатьяки, как и Пандава, Царь справедливости, а также другие воины не рискнули явить свою отвагу.

Войско (Пандавов) таяло, п тогда сыновья Драупади, могучие колесничные воины, вместе с Сатьяки, Царем справедливости и панчалами, отринув жестокий, смертельный страх, все вместе ринулись на Драунаяни. Сатьяки поразил Драуни двадцатью пятью стрелами, а затем снова ранил его еще семью, отделанными золотом. Юдхистхира (пустил в Ашваттхамана) семьдесят три стрелы, Пративиндхья — семь, Шрутакарман — три, Шрутакирти — семь, Сутасома — девять, Шатаника — семь. Многие другие герои тоже разили его со всех сторон.

Тогда, разъярившись и (тяжко) дыша, как ядовитый змей, (Апгваттхаман), о царь, поразил двадцатью пятью заточенными на камне (стрелами) Сатьяки, девятью — Шрутакирти, пятью — Су гасому, восемью — Шрутакармана, тремя — Прати-риндхью, девятью — Шатанику, а семью стрелами — сына Дхармы. И в каждого из других героев (Драуни) тоже вонзил по две стрелы, а лук Шрутакирти перерезал острыми стрелами.

Тогда могучий колесничный воин Шрутакирти взял другой лук и поразил Драуна тримя, а затем ранил его еще несколькими заостренными стрелами. В ответ, о великий царь-бхарата, Драуни обрушил на войско царей сплошной ливень стрел. Но вот беспредельный душою Драуни, ликуя, послал три стрелы прямо в лук Царя справедливости и разнес его на куски. Тогда (Юдхиштхира), сын Дхармы, взял другой мощный лук и вонзил семьдесят (стрел) в обе руки и грудь Драуни, о царь!

Вслед за тем гневный Сатьяки с громким кличем острой стрелой-«полумесяцем» раздробил лук увлеченного боем Драуни. Когда лук его был разбит, Драуни, сильнейший из сильных, копьем сбил с колесницы ловкого возничего Шайнеи. Затем блистательный сын Дроны взял другой лук, о бхарата, и покрыл ливнем стрел самого Шайнею. Едва колесничий упал с колесницы, кони (Сатьяки) понесли, и было видно, о бхарата, как они мечутся из стороны в сторону по ратному полю. Но (воины) во главе с Юдхиштхирой, мечи острые стрелы, ловко осыпали ими, словно дождем, (героя) Драуни, первого среди тех, что владеют оружием. Однако сын Дроны, мучитель недругов, глядя, как приближаются грозные видом (Пандавы), торжествуя, противостоял им в великом бою. Затем могучий колесничный воин Драуни пламенем сотни стрел наслал огонь на тылы войска (Пандавов) — и тут словно пожаром (охватило) лесной сушняк. Войско сына Панду, принимая муки от сына Дроны, пришло в смятение, о лучший из бхаратов, — точно поверхность реки (взволновалась от всплеска) гигантской рыбы.

Те, кто наблюдали этот подвиг Драуни, о великий царь, решили, что Пандавы до единого истреблены сыном Дроны. Но вот Юдхиштхира принялся стремительно теснить великого колесничного воина Драуни. Обуреваемый гневом и неистовством, сказал он тогда сыну Дроны: «Воистину, пег в тебе ни признательности, ни благородства, если ты решился погубить меня, о муж-тигр! Брахману подобает вершить подвижничество, (принимать) дары и заучивать Веды. Натягивать же (тетиву) лука — дело кшатрия, а ведь ты лишь называешься брахманом! Ты и моргнуть не успеешь, о мощнорукий, как я одолею в бою кауравов! Верши же скорее в бою свое дело, ты, брахман лишь по названию!».

Сын Дроны, к которому были обращены эти слова (Юдхиштхиры), о великий царь, усмехнулся и, решив, что так будет лучше, не етал отвечать (царю). Вместо ответа он обрушил на Пандаву в битве лавину стрел, подобный Антаке, разъярившемуся на живущих. И тогда, осыпанный (стрелами) сына Дроны, Партха, о достойнейший, поспешно отступил, покинув свое могучее войско. Едва сын Дхармы Юдхиштхира повернул назад, сын Дроны, о царь, остановившись, предупредил великих духом (воинов), а царь Юдхиштхира, оставив Драуни на поле брани, устремился к твоему воинству, готовясь к суровому подвигу.

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» тридцать девятая глава.

ГЛАВА 40

Санджая сказал:

Тем временем Вайкартана сам преградил путь Бхимасене, окруженному панчалами, чеди и кекаями, остановив их своими стрелами. На глазах у Бхимасены Карна принялся яростно истреблять чеди, карушей и могучих колесничных воинов-сринджаев. Тогда Бхимасена, минуя Карну, лучшего из колесничных воинов, ринулся на войско кауравов, словно огонь, сжигающий сухостой, а между тем сын суты тысячами истреблял в бою папчалов, кекаев и великих лучников-сринджаев. Могучие колесничные воины — Партха и Врикодара — убивали саншаптаков и кауравов, а Карна (губил) папчалов. Испепеляемые тремя (героями), подобными пламени, кшатрии гибли в сражении из-за твоего, о царь, попустительства (сыну)!

Но вот яростный Дурьодхана девятью стрелами поразил Накулу и четырех его коней, о лучший из бхаратов! Следом за тем твой сын²³⁸, властитель людей, необъятный душою, стрелой-«бритвой» срезал золоченое знамя Сахадевы. Гневный Накула в разгар боя послал в твоего сына, о царь, трижды по семь (стрел), а Сахадева — пять. Оба они, достойнейшие среди бхаратов, лучшие из всех лучников, в ярости поразили (Дурьодхану) в грудь каждый пятью стрелами.

Тогда, о царь, двумя другими (стрелами) — бхаллами — он разбил оба лука Близнецов и, усмехаясь, поразил (воинов) еще семью (стрелами). Но те герои взяли два других прекрасных сверкающих лука, подобных луку Шакры, и заблестали на поле брани, словно сыновья богов. Затем оба неистовых брата, о царь, обрушили в поединке на своего же брата (Дурьодхану) лавину грозных стрел, словно то были две мощные тучи, (изливающие) на гору потоки дождя. Тогда, о могучий царь, твой сын, великий колесничный воин, исполнившись гнева, остановил своими стрелами могучих лучников, сыновей Панду. Лук его во время боя казался диском, о бхарата, и было видно, как всюду мелькают его стрелы. Оба Пандавы, покрытые его стрелами, выглядели словно солнце и луна в поднебесье, утратившие сияние под завесою облаков. Заточенные на камне стрелы, о великий царь, пронизывали все стороны света, точно солнечные лучи. И когда весь небосвод был унижен стрелами, пред Близнецами словно воочию предстало подобие Ямы-Калантаки. Великие колесничные воины, наблюдавшие подвиг твоего сына, решили, что сыновьям Мадри пришел конец.

Тогда к царю Суйодхане, о царь, направился Паршата, вое-начальник Пандавы, могучего душой. Обойдя великих колесничных воинов — отважных сыновей Мадри, Дхриштадьумна принялся теснить стрелами твоего сына. Но тут твой неистовый сын, беспредельный душою, смеясь поразил Панчалийца двадцатью пятью (стрелами), о муж-бык! И затем вновь твой сын, чья душа не имеет предела, с кличем пронзил Панчалийца шестью, а потом еще пятью (стрелами), о владыка земли! Острейшей стрелой-«бритвой» царь рассек в поединке его лук вместе со стрелами и защитный ремень на руке, о достойный! Но отбросив разбитый лук, Панчалиец, губитель врагов, быстро взялся за другой, новый и крепкий.

Пламенея в своей стремительности, израненный Дхриштадьолта, могучий лучник, словно бы излучал сияние, и глаза его были налиты кровью от ярости. Пятнадцать стрел, свистящих точно змеи, выпустил Дхриштадьумна в первого среди бхаратов, стремясь его уничтожить. Заточенные на камне (стрелы) г украшенные перьями павлина и цапли, пронзив позолоченные-доспехи (царя), стремительно вонзились в землю, а твой сын, о великий царь, покрытый ранами, уподобился цветущему по-весне (дереву) киншука в (ярких) пятнах (алых) цветов.

Израненный (герой), доспехи которого были пробиты стрелами, в ярости раздробил бхаллой лук Дхриштадьумны, и, когда лук его был разбит, владыка земли (Дурьодхана) вонзил ему меж бровей разом десять стрел, о царь! Тщательно отшлифованные кузнецом (стрелы) расцветили лицо (Дхриштадьумны), точно жаждущие меда пчелы — цветущую чампаку. Но могучий душой Дхриштадьумна отбросил разбитый лук и быстро взялся за другой с шестнадцатью бхаллами. Пятью он сразил коней Дурьодханы и его колесничего и одной бхаллой рассек его лук, отделанный золотом.

Десятью (остальными) бхаллами Паршата разнес колесницу твоего сына вместе со всеми приспособлениями, (срезал) зонт и (разбил) его копье, меч, палицу и знамя. Все цари видели, как было сбито яркое, блистающее, изукрашенное драгоценными камнями и браслетами литого золота знамя владыки куру с (изображением) слона» На глазах у родных его братьев лишился Дурьодхана колесницы, и все его оружие, о бык-бхарата, было разбито в бою. Дандадхара помог владыке людей взойти на его колесницу, о царь, и в ужасе умчал его прочь на глазах у Дхриштадьумны.

Меж тем могущественный Карна, радеющий о благе царя (Дурьодханы), потеснив в бою Сатьяки, направил в Губителя Дроны грозную стрелу. Однако Шайнея, меча стрелы, быстро обошел его с тыла, точно слон, бивнями разящий сзади другого слона. Тогда между Карной и Паршатой разгорелся, о бхарата, великий и яростный бой, (в который тотчас вступили) и твои воины, непомерно могучие духом. Ни один воин Пандавов и ни один из наших бойцов не отвратили лица от поля битвы.

Вот Карна стремительно ринулся на панчалов, и в тот самый миг, о царь, лучший из людей, как раз когда день достиг середины, началось с обеих сторон (сражение), гибельное для воинов, слонов и коней. Панчалы, горя победным пылом, о великий царь, стремительно ринулись отовсюду на Карну, словно птицы на дерево. Сын Адхиратхи, исполненный ярости, остриями своих стрел разил (героев противника), суровых и Дерзновенных, целясь во Вьягхракету, Сушармана, Шанку и грозного Дханамджаю, Шуклу и Рочаману, Синхасену и Дурджаю. Строем боевых колесниц окружили эти герои гневного Карну, лучшего из мужей, украшение боя, а он продолжал сыпать стрелами. И тут сын Радхи, пламенный Индра людей, настиг тех восьмерых сражающихся героев восемью острыми стрелами.

Затем пламенный Сын суты, искушенный в сражениях погубил многие тысячи других воинов, о великий цари! Вишну и Вишнукармана, Девапи и Бхадру, Данду и Читру, а также Читраюдху и Хари, Синхакету и Рочаману, Шалабху, великого колесничного воина, и могучих бойцов на колесницах из (стана) чеди уничтожил, о царь, в сражении яростный (Карна). Тело его (с ног до головы) было омыто кровью, и сам облик сына Адхиратхи, лишаящего жизни (героев), являл собой (зримое воплощение) великой мощи Рудры.

Слоны, настигаемые стрелами Карны, в страхе бежали, о бхарата, в разные стороны, сея великое смятение. Словно торы, расколотые ваджрой, в бою они падали наземь под ударами стрел Карны, издавая (трубные) кличи. Ратное поле на пути (Карны) было сплошь покрыто разбитыми колесницами, (телами) павших воинов, коней и слонов. Ни Бхишма, ни Дрона, ни другие твои (воины) не в силах были бы совершить в бою такой подвиг, какой вершил в том сражении Карна.

Сын суты, о муж-тигр, учинил великое истребление слонов, колесниц, коней и воинов. Как лев бесстрашно мчится среди (стада) оленей, так и Карна отважно носился (на колеснице) меж панчалов. Как лев разгоняет в разные стороны стада перепуганных оленей, так Карна обращал вспять ряды панчалийских колесниц. И как оленю не уцелеть, если он попадет в пасть ко- льву, так ж великим колесничным воинам (Пандавов) не суждено было -юстаться в живых, столкнувшись с Карной.

Подобно тому как живые существа сгорают в пламени Вайшванары, точно так же пылали в битве, о бхарата, (испепеляемые) Карной-огнем сринджаи. Карна один истребил множество чеди и шанчалов из тех, что слыли героями, возвестив, о бхарата, (каждому) свое имя. Когда я наблюдал боевой подвиг Карны, о Индра мужей, мне стало ясно: ни одному из панчалов не спастись в бою и не уйти живым от сына Адхиратхи.

Уничтожая панчалов в сражении, пламенный Сын суты в ярости рвался к сыну Дхармы Юдхиштхире. Дхриштадьумна ж сыновья Драупади, б досточтимый, а также сотни других воинов встали (на страже) вокруг царя, губителя недругов. Шикхандин и Сахадева, Накула и сын Накулы, Джанамеджая, внук Шини и множество прабхадраков — непомерно могучие (воины), ведомые в бой Дхриштадьумной, — встретили надвигавшегося Карну стрелами и (другим) оружием.

А сын Адхиратхи один, как Гарутман на змеев, кинулся в бой против множества панчалов, чеди и Пандавов, Бхимасена, великий лучник, мощно блистал, вступив, обуянный яростью, в единоборство с куру, мадрами и кекаями. Слоны, которых стрелы Бхимы разили в самые средоточия жизни, падали наземь, теряя всадников убитыми и заставляя содрогаться землю. (Тела) коней с убитыми наездниками и пеших воинов, лишившихся жизни, лежали, истерзанные, на поле брани, обильно стекая кровью.

Тысячи колесничных воинов распростерлись на земле рядом с разбросанным оружием — они, казалось» были целы и невредимы и расстались с жизнью только от страха перед Бхимой. Земля была сплошь усеяна (телами) коней и слонов, (останками) колесничных и пеших воинов и колесничих, пронзенных стрелами Бхимасены, Войско Дурьйодханы словно бы замерло в параличе, подавленное

мощью Бхимасены; страдающие от ран (воины) утратили, о царь, свою отвагу. В том великом шумном бою поникшая (рать кауравов) застыла недвижно, о царь, как океан в тот час, когда воды его спокойны. Яростное, отважное, могучее войско твоего сына, орошаемое потоками крови, утопая в крови, утратило свою мощь под (ударами) стрел (Бхимасены).

Яростный Сын суты вынудил отступить в бою войско Пандавов, Бхимасена же (одоле) куру, и оба (героя) блистали необычайно! Во время той грозной удивительной битвы первый из победителей Арджуна, истребивший многие отряды саншаптаков из войска (Дурьодханы), обратил к Васудеве такие слова: «Войско (недруга), что рвалось в бой, сметено, о Джанардана! Могучие колесничные воины аншаптаки со своими отрядами бегут, не в силах вынести (ударов) моих стрел, — так для оленей (невыносим) львиный рык. И великая рать сринджаев тоже сломлена в суровом бою. Лишь мелькает (повсюду) знамя «Слоновья подпруга», (принадлежащее) мудрому Карне, который стремительно мчится посреди царского войска, о Кришна! Другие великие колесничные воины не в силах одолеть Карну в сражении — тебе ведь известно, как Карна дерзок в своей отваге.

Поезжай же туда, где Карна преследует наше бегущее воинство. Минуя (других), устремись на поединок с великим колесничным воином Карной, Сыном суты! Да не остановит (тебя никакая) преграда, о Кришна! По душе ли тебе такое?» Выслушав это с улыбкой, Говинда, о великий царь, ответил Арджуне: «Одолей тотчас кауравов, о Пандава!» И затем направляемые Говиндой кони, мастью похожие на (белых) гусей, неся Кришну и Пандаву, ринулись к твоему огромному войску. (При виде) мчавшихся изукрашенных золотом белых коней, направляемых Кешавой, твое войско распалось, (отступая) по (всем) четырем направлениям.

Обуянные яростью Кешава и Арджуна, глаза которых были красны от гнева, ворвавшись в могучее войско (недруга) и расколов его, воссияли ярчайшим блеском. Вызванные врагами на битву-жертвоприношение, в упоении боем они были похожи на двух богов Ашвинов, должным образом призванных жертвователем на жертвенный обряд. Гневные стремительные мужи-тигры, разъяренные треском щитков на руках (вражеских воинов), напоминали двух слонов в смертельной схватке. Углубившись в строй колесниц и отряды конницы,

Пхальгуна мчался посреди войска (Дурьодханы), подобный Антаке с арканом в руках. Видя, что он в ходе боя вступил в пределы твоего войска, твой сын, о бхарата, снова вывел вперед отряды саншаптаков, и могучие колесничные воины на тысяче колесниц вместе с тремя сотнями слонов, четырнадцатью тысячами коней и двумя сотнями тысяч пеших воинов — известных по именам и славных отвагой лучников — со всех (четырех) сторон окружили обоих героев, перерезав им путь.

Партха (Арджуна), губитель рати недругов, покрытый (вражескими) стрелами, истреблял в бою саншаптаков, точно Антака с арканом в руках, и, являя свою грозную мощь, казался еще прекраснее. Небеса были будто бы сплошь (усеяны) сверкающими как молния, золочеными стрелами, которые посылал (непрерывно) Увенчанный диадемой. Все вокруг, о могучий, покрывали пущенные рукою Увенчанного диадемой мощные, летящие стрелы, напоминавшие порождения Кадру.

Во все стороны света посылал непомерный душою Пандава свои гладкие в сочленениях стрелы с золотым оперением и сверкающими остриями. Погубив десять тысяч царей, великий колесничный воин Каунтея поспешил к тому крылу войска (кауравов), которое составляли саншаптаки. Достигнув того крыла, охраняемого камбоджами, Партха своими стрелами нанес ему сильный урон, словно Васаву данавам. Держащим в руках оружие недругам, стремившимся лишить его жизни, он отсекал бхаллами руки и головы. С рассеченными членами, безоружные, они падали наземь, словно густоветвистые деревья, сломленные ветрами, налетевшими одновременно со всех сторон.

И тут младший брат Судакшины ливнем стрел окутал Арджуну, истребляющего отряды слонов, коней, колесничных и пеших воинов. Но едва он вознамерился метнуть две стрелы-«полумесяца», (Арджуна) стрелой-«бритвой» снес (герою), лицо которого было прекрасно, точно полная луна, обе руки, подобные железным брускам, а потом и голову. Обильно истекая кровью, тот упал с колесницы

— словно (рухнула) снесенная ваджрой вершина горы красного песчаника. (Все) увидели, что сражен Камбоджиец, младший брат Судакшины, — высокий, с глазами как лепестки лотоса, прекрасный всем своим обликом, подобный золоченому столбу, казавшийся расколотой золотой горой.

И тут вновь разгорелся суровый и удивительный бой, но положение сражающихся было неравным. Все окрасилось кровью, о владыка народов, — Камбоджи, яваны, шаки, их отброшенная конница утопали в крови. С обеих сторон было учинено жесточайшее побоище, о великий царь, (всюду виднелись разбитые) колесницы с убитыми конями и колесничими, кони с погибшими всадниками, слоны с умерщвленными наездниками, огромные мертвые слоны.

Когда великий духом Арджуна громил то крыло войска (кауравов) и его фланг, к нему, первейшему из победителей, спешно направился Драуни. Изогнув мощный лук, изукрашенный золотом, он взял свои грозные стрелы — и точно солнце (раскинуло) лучи. Теми летящими (стрелами), пущенными Драуни, покрыло целиком, о великий царь, обоих стоящих в колеснице (героев) — Кришну и Завоевателя богатств. Затем пламенный потомок Бхарадваджи сотнями острых стрел вынудил в бою застыть на месте их обоих — Мадхаву и Пандаву. Все движущееся и неподвижное огласилось воплями ужаса, когда стрелы (Драуни) скрыли от взоров обоих хранителей живого и неживого.

Собрались отовсюду сонмы сидхов и чаранов, мысленно (взывавших): «Да будет благо мирам!» Мною прежде, о царь, не видано было подвига, который был бы равен тому, на который решился Драуни, задумав покрыть (стрелами) обоих Кришн. Много раз я слышал, о царь, подобный львиному рыку звон лука Драуни, наводящий в бою трепет на недругов. Когда (Драуни) перебрасывал его слева направо и. он мелькал на поле брани, тетива его ярко блистала, точно молния посреди водоносного облака.

Стремительный крепкорукий Пандава в крайнем смятении взирал на сына Дроны, ощущая, как величайший душою (Драуни) лишает его отваги, и тогда весь его облик, о царь, стал быстро меркнуть. Во время великой битвы между Драуни и сыном Панду, о Индра царей, когда огромная мощь сына Дроны непрестанно крепла, а Каунтея начал слабеть, гнев обуял Кришну. (Тяжко) вздыхая от ярости, словно обжигая своим взором, он то ж дело, о царь, поглядывал то на Драуни, то на Пхальгуну.

И вот, исполненный гнева Кришна ласково обратился к Партхе: «Смотрю я на тебя, о Партха, и вот что безмерно удивляет меня: сын Дроны, о бхарата, превосходи г тебя в бою! Для чего же в руках у тебя Гандива, о Арджуна, (для чего) ты стоишь в колеснице? На что тебе твои ловкие руки, на что отвага?».

Когда Кришна обратил к нему такие слова, (Арджуна, сознавая,) что настал решающий миг, выпустил разом четырнадцать бхалл и быстро рассек лук Драуни, (срезал) его знамя, зонт и флаг, (разбил) колесницу, а также меч и палицу (недруга). Стрелами «зуб теленка» (Арджуна) тяжело ранил (врага) в ключицу, так что тот, совсем обессилев, ухватился за древко знамени. Теряющего сознание (Драуни), подавленного ужасом перед Увенчанным диадемой, о великий царь, умчал с поля брани его колесничий, спасая от Завоевателя богатств.

И следом за тем Виджая, губитель врагов, принялся на глазах у твоего сына-героя крушить твое войско, о бхарата, (истребляя) воинов сотнями тысяч. Так вот, о царь, благодаря твоему дурному совету случилось жестокое, страшное, кровавое избиение твоих (воинов) недругами. Каунтея жестоко подавил в битве саншаптаков, Врикодара — куру, а Панчалиец (расправился) с Васушеной.

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» сороковая глава.

ГЛАВА 41

Санджая сказал:

И вновь ласково обратился решительный Кришна к Партхе: «Смотри, о Кауравья, царь (Юдхиштхира) отступил вместе с Пандавами. Видишь — Карна блистает на поле брани точно огонь, а Бхима, великий лучник, снова в бою. Следом за ним, возглавляющим панчалов, Пандавов и сринджаев, возвращаются и (другие воины) и впереди них — Дхриштадьумна. Вернувшись (на поле брани), Партхи крушат великую рать противника.

В стремительности подобный Антаке, а в доблести равный Шакре Карна, о Арджуна, сдерживает бегущих кауравов. Вон там, о Кауравья, движется Драуни, первый из тех, что владеют оружием. Его преследует в битве великий колесничный воин Дхриштадьумна». После того как неодолимый Васудева поведал о том Увенчанному диадемой, грянула, о царь, великая, суровейшая битва! Издавая львиные кличи, сошлись, о царь, на поле боя войска обеих сторон, заставляя отступить саму смерть. *Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» сорок первая глава.*

ГЛАВА 42

Санджая сказал:

Сошлись тогда снова бесстрашные куру и сринджаи; во главе Партхов стоял Юдхиштхира, а наши (войска) возглавлял Вайкартана. Между Карной и Пандавами завязалась жестокая битва, заставлявшая волосы на теле (воинов) вздыматься от ужаса и увеличивавшая (население) царства Ямы.

В той шумной битве, где кровь (лилась как) вода, осталось в живых, о бхарата, лишь несколько героев-саншаптаков. Дхриштадьумна со всеми царями и Пандавы, великие колесничные воины, налетели на Карну, о могучий царь, но Карна, точно утес — лавину вод, один остановил наступавших в бою (воинов), с ликованием рвавшихся к победе. Столкнувшись с Карной, (ряды) великих колесничных воинов распались — словно водные лавины, налетев на скалу, (устремилась) в разные стороны.

И разгорелась меж ними, великий царь, наводящая ужас битва. Яростный Дхриштадьумна стрелой, сглаженной в сочленениях, ранил Радхею, крикнув ему: «Стой! Остановись!».

Но тот великий колесничный воин напряг тетиву лучшего из луков — Виджаи и, раздробив лук Паршаты вместе со стрелами, подобными ядовитым змеям, девятью стрелами в ярости поразил его самого. Те (стрелы), пробив отделанный золотом досиех великого духом (воина), обагрились его кровью и засверкали как кошениль, о достойный! Могучий колесничный воин Дхриштадьумна отбросил рассеченный лук, взял другой со стрелами, подобными ядовитым змеям, и семью из них, сглаженными в сочленениях, поразил Карну. И великий лучник Карна, о царь, также ударил по губителю недругов Паршате, врагу Дроны, острыми стрелами.

Но вот разъяренный Карна, о великий царь, владыка народов, метнул изукрашенную золотом стрелу, подобную второму жезлу Мрйтию, но Шайнея тотчас же метко расколов на лету эту грозную видом (стрелу) на семь частей. Увидев, что стрела его разбита стрелами (врага), Карна, о владыш народов, обрушил на Сатьяки густой ливень стрел, но Шини поразил его в поединке семью стрелами и затем послал в него (еще несколько) стрел, отделанных золотом.

И тут еще сильнее разгорелась суровая и удивительная битва, устрашающая глаз и слух, и повсюду, о царь, было на что посмотреть; У всех живущих, о царь, волосы на теле вздымались от уж при виде подвига, (который вершили) в битве Карна и внук Шини. В это самое время к могущественнейшему Паршате сокрушителю недругов, лишаящему врагов отваги, а то и самой жизни, приблизился Драуни. Завоеватель богатств (Арджуна) был (в тот миг) далеко, и вот что сказал (Дхриштадьумне) яростный Драуни: «Стой же, остановись, самоубийца! Тебе не уйти от меня живым!». С словами стремительный герой, могучий колесничный воин, рвущийся (одолеть недруга), бурно осыпал яростно сопротивлявшегося Паршату грозными острыми стрелами, сияют ярким блеском. Но как Драуни, увидев в битве Паршату, Т1 и Паршата, губитель вражеских героев, увидев в бою Драу! не исполнились радости, о досточтимый: (каждый) подуш что (настал) его смертный час.

Герой Драуни, видя Дхриштадьюмну стоящим на поле брани, испустил яростный вздох, о Индра царей, и ринулся к Паршате. При виде друг друга оба пришли в крайнее возбуждение. И сказал в ту минуту, о великий царь, владыка народов, пламенный, быстрый сын Дроны стоявшему вблизи него Дхриштадьюмне: «Я отправлю тебя в (обиталище) смерти, выродок среди панчалов! И то самое злодеяние, которое ты совершил прежде, погубив Дрону, той же бедой падет теперь на тебя, глупец, раз ты рискуешь сражаться (со мной), лишенный защиты Партхи, вместо того чтоб спастись бегством. Истинно я говорю тебе!».

На такие слова (недруга) пламенный Дхриштадьюмна сказал: «Ответ тебе даст мой меч, тот же самый, что (достойно) ответил отцу твоему, упорному в битве! Если уж я умертвил Дрону, брахмана лишь по названию, так неужели теперь у меня неостанет отваги уничтожить в бою и тебя?!». С этими словами, о великий царь, неистовый Паршата, военный глава (Пандавов), острой стрелой поразил Драуни. Тогда Драуни, о царь, стрелами, гладкими в сочленениях, яростно покрыл все пространство вокруг Дхриштадьюмны. Ни небосвода, ни сторон света, ни воинов — ничего не было видно вокруг, о великий царь: все было усеяно тысячами стрел.

И тут Паршата на глазах у Сына суты, о царь, снова осыпал стрелами блистающего в битве Драуни. А в это время совершенный обликом Радхей сумел один, о великий царь, остановить (наступление) панчалов, Пандавов и сыновей Драупади, а с ними вместе — распаленного боем Сатьяки, великого колесничного воина.

Но вот Дхриштадьюмна рассек в поединке лук Драуни. Тот отбросил разбитый лук и взялся за другой, быстрый и грозный в сражении, со стрелами, подобными ядовитым змеям.

В один миг, о Индра царей, сокрушил он стрелами лук Паршаты, его копье, палицу, знамя, коней, колесничего и колесницу. (Паршата), лук которого был расколот, кони и колесничий убиты, оставшись без колесницы, выхватил огромный сверкающий меч, (несущий изображения) сотни лун. Но едва (Паршата) соскочил с колесницы, доблестный Драуни, великий колесничный воин, руки которого быстры, а оружие крепко, тотчас рассек в бою бхаллами его (меч), о Индра царей, и было это подобно чуду. Однако великий колесничный воин (Драуни) не смог, как ни старался, одолеть Дхриштадьюмну, о лучший из бхаратов, хотя тот был без колесницы, и кони его были убиты, и лук расколот, и сам он был весь изранен стрелами и (другим) оружием.

Когда отважный Драуни не смог добить стрелами Паршату, он оставил свой лук, о царь, и стал быстро приближаться к (герою). Стремительность великого духом (воина), мчавшегося (на врага), была схожа, о царь, с (быстрою) Гаруды, бросившегося, чтобы схватить величайшего среди змеев.

В тот самый миг Мадхава обратился к Арджуне: «Смотри, о Партха, сколь мощные усилия предпринимает Драуни, чтоб Уничтожить Паршату, и он убьет его несомненно! Спаси, о мощнорукий, карателя недругов Паршату: ведь оказаться в руках Драуни — все равно что угодить в пасть смерти!». С этими словами, о могучий царь, пламенный Васудева погнал коней туда, где находился Драуни, и луноподобные кони, направляемые Кешавой, словно бы выпивая небеса, помчались к колеснице сына Дроны.

А тот, завидев приближающихся героев Кришну и Завоевателя богатств, предпринял, о царь, (еще более) суровую попытку уничтожить Дхриштадьюмну! при виде теснимого недругом Дхриштадьюмны могущественный Партха, о владыка людей, принялся метать стрелы в Драуни. Отделанные золотом стрелы, мощно посылаемые Гандивой, настигнув Драуни, вонзались (в его тело), точно змеи в муравейник. Отважный пламенный сын Дроны, пронзенный теми грозными стрелами, терзаемый оружием Завоевателя богатств, поднялся на колесницу, взял лучший из луков и стал разить Партху стрелами. И в это время доблестный Сахадева, о владыка людей, умчал на своей колеснице губителя недругов Паршату прочь с поля боя.

Арджуна разил стрелами Драуни, о великий царь, но вот разъяренный сын Дроны ранил его в обе руки и в грудь. Тогда гневный Партха метнул в сына Дроны подобную (смертоносному) Времени стрелу, словно второй жезл Калы. Ярко блеснув, вонзилась она в плечо брахмана, и сраженный мощью этой стрелы Драуни, о великий царь, в полном изнеможении, опустился на дно колесницы.

Тут Карна, о великий царь, сложил свой лук Виджаю и, то и дело бросая в бою злобные взгляды на Арджуну, принялся вызывать Партху на колесничный поединок. Затем колесничий (Драуни) на колеснице быстро увез с поля брани сраженного героя, губителя друзей. И тут, увидев, что Паршата спасен, а сын Дроны повержен, вскричали панчалы, о великий царь, воинственно сжав кулаки. Послышались звуки тысяч небесных вадитр, раздались львиные кличи видевших это грозное великое чудо. Совершив этот (подвиг), Партха, Завоеватель богатств, сказал Васудеве: «Поезжай, о Кришна, к саншаптакам: мне предстоит еще одно такое деяние!». Выслушав слова Пандавы, Владыка дашархош на украшенной множеством флагов колеснице, быстрой как ветер, как мысль, тронулся в путь.

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» вторая глава.

ГЛАВА 43

Санджая сказал: И тут Кришна, словно (желая) напомнить Партхе о Каунтев Юдхиштхире, Царе справедливости, обратился к нему с такими словами: «Твоего брата, о Пандава, преследуют, желая умертвить его, могучие сыновья Дхритараштры, великие лучники. Едем скорее к нему, о Партха! Туда же на помощь великому духом Юдхиштхире направляются мощно стремительные разъяренные панчалы, опьяненные боем. Царь всего мира Дурьодхана во всеоружии устремляется со своим колесничным войском к царю (Юдхиштхире), о Партха!

Из желания уничтожить мужа-тигра (Юдхиштхиру) могучий (Дурьодхана) поддерживаем своими братьями, искушенными в любого рода поединках, и встретиться с ними — все равно, что столкнуться с ядовитыми змеями! Сыновья Дхритараштры со слонами, конницей, колесничными и пешими-воинами одержимы решимостью сломить Юдхиштхиру, ибо для них это желаннее прекраснейшего из сокровищ. Посмотри: властелину (Дурьодхане) преградили путь Бхима и Сатвата, словно (пред ними) — дайтьи, бессильные в своем стремлении отнять амриту у Шакры и Агни.

Но снова всем скопищем устремляются те великие колесничные воины к Пандаве, словно водная лавина — к океану в пору дождей. Издавая львиные кличи, могучие великие лучники трубят в боевые раковины, натягивают свои луки. Благо тебе! Мне представляется, что сын Кунти Юдхиштхира вот-вот угодит в пасть смерти, что он уже принесен в жертву огню (битвы) и восторжествовал над ним Дурьодхана.

А что до войска сына Дхритараштры, о Пандава, то даже Шакре не спастись, если он попадет в пределы досягаемости его стрел, ибо мощь стрел героя Дурьодханы, а также Драуни, Шарадваты и Карны способна сокрушить даже горы. Кто сможет противостоять в бою мощи доблестного Дурьодханы, когда он стремительно мечет потоки стрел, подобный разъяренному Антаке?! Карна заставил уйти с поля боя самого могучего царя (Юдхиштхиру), губителя недругов, искусного, ловкого (воителя), умудренного в битвах!

Герой Радхей вместе с могучими духом сыновьями Дхритараштры сумел потеснить в бою первого среди Пандавов. Пока смиливший душу Партха сражался (с Карной), другие могучие колесничные воины (кауравы) захватили его щит. Царь (Юдхиштхира) тяжело изнурен постом, о могучий, лучший из бхаратов; он владеет брахманской мощью, но не слишком силен как кшатрий. Мне представляется, о Партха, губитель недругов, что не бывать в живых могучему царю Юдхиштхире, если неистовый Бхимасена (безропотно) сносит в бою львиный рык сыновей Дхритараштры — снова и снова издают они боевые кличи и громко трубят в огромные раковины, сжимая воинственно кулаки. «Уничтожьте сына Панду Юдхиштхиру!» — подстрекает Карна многочисленных сыновей Дхритараштры, о бык-

бхарата! Могучие колесничные воины преследуют царя, пытаясь настичь его то стхунакарной, то индраджалой, то Пашулатой, о Партха! Мне видится, царь в смятении и нуждается в помощи, бхарата!

Вот к нему устремились могучие панчалы вместе с Пандавами — это лучшие среди тех, что владеют любым оружием. Спеша спасти его, будто утопающего в водах Паталы, они торопятся, (сознавая, что) время (действовать) быстро. Не видно царского знамени: оно сбито стрелами Карны на глазах у обоих Близнецов, Сатьяки, Шикхандина, Дхриштадьумны, Бхимы, Шатаники и всех чеди и панчалов, о могучий бхарата Партха! Карна в бою губит стрелами войско Пандавов, точно слон — заросли лотосов, о Партха! Бегут твои колесничные воины, о радость Пандавов, смотри, смотри, о Партха, отступают могучие колесничные воины! Слоны, настигнутые Карной в битве, с воплями ужаса разбегаются на десять сторон, о бхарата! Смотри же, о Партха: всюду виднеется множество отступающих колесниц, преследуемых в битве сокрушителем недругов Карной. Видишь, о лучший из владеющих знаменем, — там и тут мелькает на поле брани водруженное на колесницу знамя Сына суты «Слоновья подпруга». Вот Радхей направился к колеснице Бхимасены — словно рассеивая сотни стрел, он истребляет твою рать. Смотри: великий духом (Карна) обращает в бегство панчалов — так некогда в великой битве Шакра губил дайтьев.

Потеснив в бою Пандавов, панчалов и сринджаев, Карна оглядывается по сторонам, и кажется мне, что он высматривает тебя. Смотри, о Партха: натянув лучший из луков, он мощно блистает, точно Шакра в окружении сонмищ богов после победы над недругами. Наблюдая подвиг Карны, кауравы издают (победные) кличи, заставляя трепетать Партхов и тысячи сринджаев. Сурово потеснив в великой битве Пандавов, достойный Радхей обращается ко всем своим войскам с речью: «Спешите, о кауравы, наступайте, мчитесь быстрее, чтоб ни ^ один из сринджаев не ушел от вас в бою живым! Выступайте объединенными силами, а мы двинемся следом!».

С такими словами, меча стрелы, отправляется он вслед (за своим войском). Посмотри, о Партха, на сияющего светлой кожей Карну в бою: он подобен Творцу дня, озаряющему гору Удаю! Из-под схожего с полной луной стореберного зонта, укрепленного над его головою, нахмутив брови, Карна высматривает тебя, о бхарата, владыка народов! Собрав воедино все силы, он стремительно ринется в бой. Смотри: этот могучий герой натягивает мощный лук и мечет стрелы, подобные ядовитым змеям, о мощнорукий! Видно, как разворачивается Радхей и устремляется навстречу собственной смерти, как мотылек (в пламя) светильника, о Имеющий обезьяну на стяге!

Увидев, что Карна один, стремясь поддержать его, на помощь к нему, о бхарата, спешит с колесничным войском сын Дхритараштры (Дурьодхана). Покарай же сурово того нечестивца вместе с ними со всеми, если ты хочешь (вернуть) свою славу, царство и высшее преуспевание! Оглянись на себя, совершенного духом, бык-бхарата, (посмотри, что сделал) грешный Радхей с верным дхарме Юдхиштхирой, и выступай без промедления против Радхеи — время пришло! Неспешно обдумай, (что происходит) на поле брани, и направляйся к главе колесничных отрядов. Вот стремительно приближаются пятьсот мощных, грозно блистающих главных кресниц, о первый среди колесничных воинов!

О герой Каунтея, к тебе, охраняя друг друга, стягиваются твои объединенные войска: пять тысяч слонов, вдвое больше того коней и вместе с ними — миллион пеших воинов. Явись открыто великому лучнику, Сыну суты! Выступай, о бык-бхарата, сосредоточив все свои силы! Разъяренный Карна налетел на панчалов — я вижу его знамя у колесницы Дхриштадьумны. Я думаю, разобьет он панчалов, о губитель недругов! Добрую (весть) хочу сообщить я тебе, о Партха, бык-бхарата: остался в живых царь-кауравья, сын Дхармы Юдхиштхира!

Мощнорукий Бхима, возглавивший войско, вернулся вместе с Сатьяки, окруженный ратью сринджаев, о бхарата! Бхимасена вместе с великими духом панча-лами, о Каунтея, острыми стрелами истребляет в бою кауравов. Войнство сына Дхритараштры повернуло вспять и стремительно отступает с поля битвы, настигаемое стрелами Бхимы. Словно земля, что бесплодна, напоенная кровью (вместо дождя), грустное зрелище являет собой рать бхаратов, о лучший из бхаратов!

Видишь, о Каунтея, вновь вступил в бой владыка Бхима-сена, яростный как ядовитый змей; потому и бежит войско (Дурьодханы). Падают (с колесниц), о Арджуна, желтые, красные, черные, белые стяги, украшенные изображениями солнца, луны и звезд, (обрушиваются) зонты, никнут яркие, пестрые, золотые и серебряные знамена, валятся замертво кони и слоны. Расставаясь с жизнью, воины падают с колесниц, сраженные разнообразными стрелами панчалов, не отступающих (в битве). Быстрые панчалы, о

Завоеватель богатств, сметают сыновей Дхритараштры, уничтожая воинов на слонах, конях и колесницах. Эти мужи-тигры, поддерживаемые Бхимасеной, рискуя жизнью, громят несокрушимую рать неприятеля, о губитель врагов! Трубя в боевые раковины, с воинственными кличами кидаются панчалы в бой на врагов, настигая их стрелами.

Ты видишь благорасположение небес, о сокрушитель недругов: панчалы уничтожают сыновей Дхритараштры, словно разъяренные львы — слонов. Со всех сторон окружили панчалы мощную рать сыновей Дхритараштры, точно к Ганге слетелись с (озера) Манаса быстрокрылые гуси.

С великим трудом пробились через заслон панчалов Крипа, Карна и другие герои, словно быки — через (строй) быков. Герои во главе с Дхриштадьумной тысячами разят недругов, сыновей Дхритараштры, могучих колесничных воинов, теснимых стрелами Бхимы. Могучая рать сыновей Дхритараштры уже лишилась большей части своих колесниц.

Смотри: пронзенные стрелами Бхимы, падают (на землю) слоны, словно горные вершины, сбитые ваджрой Владетеля ваджры. Мощные слоны, израненные гладкими в сочленениях стрелами Бхимасены, топчут на бегу своих же воинов!

Узнаешь ли, о Арджуна, львиный клич Бхимы, непереносимый (для врагов)? Сжав воинственно кулаки, герой вызывает (недруга) на бой. На отборном слоне приблизился к Пандаве, словно яростный Антака-Жезлоносец, царь нишадов и вознамерился сразить его копьями. Но Бхима под громкие крики (воинов) отсек ему обе руки, в каждой из которых тот держал по копью, а следом убил его десятью острыми стрелами, подобными языкам пламени. Покарав его, (Бхимасена) ринулся на других боевых слонов. Посмотри, как истребляет Врикодара похожих на темно-синее водоносное облако (слонов) с восседающими на них наездниками, держащими наготове пики и копья! Твой старший брат, о Партхаг настиг и поразил острыми стрелами семь и еще семь слонов со стягами и знаменами, причем каждый из этих слонов был ранен десятью стрелами. С тех пор как (в бой) снова вступил (Бхимасена), яростный, точно Сокрушитель (вражеских) твердынь, стало не слышно, о бык-бхарата, кличей сыновей Дхритараштры. Все три соединения акшаухини, (принадлежащие) сыновьям Дхритараштры, остановил (в бою) яростный муж-лев Бхимасена».

Санджая сказал:

Увидев, какой непосильный подвиг совершен Бхимасеной,, Арджуна острыми стрелами принялся разить остальных недругов. Сонмы сашпаптакров, о могучий, истребляемые в бою (Арджуной), без сожалений, с радостью отправлялись гостями (на небо) к Шакре. Гладкими в сочленениях стрелами муж-тигр Партха громил войско сыновей Дхритараштры, все его соединения четырех родов.

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» сорок третья глава.

ГЛАВА 44

Дхритараштра сказал:

Когда возвратились Бхимасена и Пандава Юдхиштхира,. а мою рать громили сринджаи и Пандавы, когда лавина (наших) войск то и дело обращалась вспять, не взывая (о помощи), — что в это время делали куру? Расскажи мне об этом,. Санджая!

Санджая сказал:

Увидав мощнорукого Бхиму, о царь, пламенный Сын суты, глаза которого покраснели от ярости, ринулся на Бхимасену. Заметив, что войско твое отступает перед (натиском) Бхима-сены, о царь, величественный (Карна) мощным усилием постарался его задержать. Мощнорукий Карна остановил (бегущее) воинство твоего сына и двинул его на Пандавов, опьяненных боем.

Натягивая луки и меча стрелы, в бой против Радхеи вступили колесничные воины Пандавов. Бхимасена, внук Шини, Шикхандин, Джанамеджая, могучий Дхриштадьюмна и все прабхадраки, а также мужи-тигры панчалы, яростно сжав кулаки, со всех сторон окружили в бою твое войско. И тут твои могучие колесничные воины стремительно ринулись на войско Пандавов, о царь, намереваясь сокрушить его.

Когда сошлись колесницы, слоны и кони, смешались пешее воинство и стяги (обеих сторон), войска приняли удивительный вид, о муж-тигр! Шикхандин налетел на Карну, а Дхри-штадьюмна — на твоего сына Духшасану, окруженного могучей ратью, о великий царь! Накула вызвал на бой Вришасену, Юдхистхира — Читрасену, а Сахадева, о царь, — Улуку. Сатьяки (избрал противником) Шакуни, Бхимасена — кауравов, а сын Дроны, могучий колесничный воин, решительно (вступил) в поединок с Арджуной. Гаутама напал в бою на великого лучника Юдхаманью, а могучий Критаварман ринулся на Уттамауджаса.

Мощнорукий Бхимасена один преградил путь всем куру и твоим сыновьям вместе с их воинством, о достойный! Затем Шикхандин, погубитель Бхишмы, стрелами остановил бесстрашно мчавшегося Карну, о великий царь! Вынужденный остановиться, Карна, губы которого дрожали от ярости, тремя стрелами поразил Шикхандина между бровей, и Шикхандин со стрелами (во лбу) ярко воссиял, похожий на удивительную серебряную гору, имеющую три вершины. Великий лучник, тяжело раненный в битве Сыном суты, пронзил в поединке Карну девятью острыми стрелами.

А Карна, могучий колесничный воин, тремя стрелами убил его коней и колесничного и стрелою-«бритвой» срезал его знамя. Великий колесничный воин, губитель недругов, кони которого были убиты, соскочил с колесницы и в ярости метнул в Карну свое копьё, но Карна рассек его тремя стрелами и девятью острыми стрелами поразил самого Шикхандина, о бхарата! Тогда достойнейший из мужей Шикхандин, первый среди победоносных (воителей), поспешно отступил, уклоняясь от стрел, посылаемых луком Карны.

Так Карна разгромил войско Пандавов, о великий царь, — словно быстрый вихрь (разметал) кучу хлопка. Раненный Духшасаной Дхриштадьюмна тремя стрелами поразил того твоего сына в грудь, о великий царь, а Духшасана, о достойный, острой сглаженной в сочленениях бхаллой с золотым оперением ударил (недруга) в левую руку. Но неистовый Дхриштадьюмна, о бхарата, израненный, в ярости снова послал в Духшасану грозную стрелу.

Твой сын, о владыка народов, тремя стрелами рассек на лету эту быструю (стрелу), посланную Дхриштадьюмной, и другими семнадцатью бхаллами, отделанными золотом, поразил Дхриштадьюмну в обе руки и в грудь. Затем, о достойный, Паршата острейшей стрелою-«бритвой» в ярости рассек лук (Духшасаны); громко вскричали тогда (увидавшие) это воины. Взяв другой лук, твой сынт о бык-бхарата, рядами стрел усыпал со всех сторон Дхриш-тадьюмну. При виде такого подвига твоего сына, великого духом, возликовали в бою воины-(кауравы), а с ними сиддхи и сонмы апсар. И вновь разгорелась суровая битва твоих (воинов) о недругами, грозя (гибелью всем) живущим, о сокрушитель врагов!

Вришасена пятью железными (стрелами) поразил Накулуг а потом еще тремя настиг его (сына), находившегося рядом с отцом. Тогда Накула, зло усмехаясь, нацелил острейшую стрелу прямо в сердце Вришасены. Тяжко раненный мощным противником, (Вришасена), губитель врагов, поразил своего-соперника двадцатью стрелами, а тот его — пятью. Оба (героя), мужи-быки, покрыли друг друга затем тысячей стрел, и тут войско (кауравов) дрогнуло.

Увидев, что воинство сына Дхритараштры бежит, Сын суты, устремившись следом, попытался силой остановить его, о владыка народов! А Накула, едва Карна вышел из боя, ринулся по направлению к кауравам. Сын Карны, прервав поединок с Накулой, поспешил за Радхеей, чтоб охранять колесо (его колесницы), о досточтимый! Сахадева в бою преградил путь яростному Улуке, а пламенно-мощный Сахадева убил четырех его коней и послал колесничего в обиталище Ямы. Но Улука, радость отца, соскочил с колесницы и укрылся посреди войска тригарттов, о владыка народов!

Тут Сатьяки поразил Шакуни двадцатью острыми стрелами ш с ликованием бхаллой рассек знамя Саубалы. В ответ пламенеющий мощью Саубала, о царь, пробил в схватке его доспех и в ярости срезал его золотой стяг. Но Сатьяки вновь поразил его острыми стрелами, тремя убил его колесничего и быстро отправил коней в обиталище Ямы.

Тогда великий колесничный воин Шакуни мгновенно покинул (свою колесницу), быстро поднялся на колесницу Улуки, и тот, о бык-бхарата, поспешно умчался прочь от воинственного Шайнеи. Затем Сатьяки стремительно ринулся в бой против твоего войска, о царь, и войско (кауравов) распалось. Теснимое стрелами Шайнеи воинство, о владыка народов, поспешно разбежалось по (всем) десяти направлениям, (воины) падали замертво.

Тут твой сын преградил в бою путь Бхимасене, но Бхима вмиг лишил владыку мира коней, колесничего, колесницы и стяга, и тем были довольны чараны. Царь (Дурьодхана) покинул пределы досягаемости Бхимасены, и все войско куру ринулось на Бхимасену. Послышался мощный клич (воинов), жаждавших убить (сражающегося) в одиночку Бхимасену. Юдхаманью, настигнув Крипу, быстро разбил его лук, но Крипа, первый из тех, что владеют оружием, взял другой лук. И тут рухнули наземь колесничий, знамя и зонт Юдхаманью, а сам великий колесничный воин Юдхаманью умчался прочь на своей колеснице.

Вдруг Уттамауджас покрыл стрелами грозноотважного сына Хридики (Критавармана) — словно облако (обрушило) ливень на гору. И тут разгорелась величайшая грозная битва — подобной битвы я невидывал прежде, о губитель врагов, владыка народов! Крита-варман, о царь, поразил в бою Уттамауджаса в самое сердце, так что тот осел на дно колесницы. Его, лучшего из колесничных воинов, увез на колеснице его колесничий, а (Критаварман), о царь, стремительно ринулся на войско Пандавов.

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» сорок четвертая глава.

ГЛАВА 45

Санджая сказал:

В окружении мощного строя (боевых) колесниц Драуни, о царь, стремительно ринулся туда, где находился царь (Юдхиштхира), но доблестный Партха (Арджуна), соратником которого был Шаури, неожиданно преградил путь стремительно мчавшемуся (воину), и словно о берег (разбились волны) прибежища Макаров (океана). Тогда, о великий царь, пламенный сын Дроны в гневе покрыл стрелами Арджуну и (Кришну-) Васудеву.

Великие колесничные воины куру в крайнем изумлении взирали на усеянных (стрелами) обоих Кришн. Тут Арджуна, словно бы развеселясь, привел в действие небесное оружие, но брахман, о бхарата, отразил и его. К какому бы оружию ни обращался в сражении Пандава, стремясь уничтожить (недруга), сын Дроны, великий лучник, тут же разбивал его на части. Пока длился тот наводящий ужас бой оружием, мы, о царь, смотрели на Драуни, в битве подобного Антаке с разверстой пастью.

Покрыв все основные и промежуточные стороны света своими меткими стрелами, тремя из них он ранил Васудеву в правую руку. Тогда Арджуна сразил всех коней этого (воина), великого духом, и обратил поле брани в бурлящий кровавый поток. Падали колесничные воины, сраженные стрелами, пущенными из лука Партхи, разбежались в разные стороны кони, лишившись своих колесничих.

Видя, что творит Партха, украшение битвы, Драуни со всех сторон осыпал в бою (его колесничего) Кришну острыми стрелами. Затем, о великий царь, Драуни угодил стрелой прямо в грудь Арджуны и принялся теснить его в битве. Тяжко раненный в поединке сыном Дроны, о бхарата, тот схватил грозную палицу и метнул ее в Драуни. Но Драуни вмиг расколол на лету эту палицу, отделанную золотом, так что громко вскричали воины, (увидавшие) это. Разбитая, о царь, на множество осколков стрелами потомка Бхарадваджи, упала (палица) на землю, словно гора, снесенная ветром.

Тогда Арджуна десятью стрелами поразил в битве Драуни и бхаллою сбил его колесничего с колесницы. (Драуни) сам взялся править конями, осыпая стрелами обоих Кришн, и тут мы стали свидетелями удивительного деяния Драуни: он сам (одновременно) и направлял коней, и вел сражение с Пхальгуной, так что все воины в битве, о царь, выказали ему почтение.

Когда сын Дроны взял верх в бою над Пхальгуной, Джая стрелами-«бритвами» перерезал поводья коней его колесницы. Кони (Драуни) понесли, гонимые мощью стрел (Арджуны), и войско твоё, о бхарата, вновь огласилось (громкими) криками. А Пандавы, одержав победу, стремясь одолеть (противника), ринулись на твоё воинство, посылая со всех сторон острые стрелы.

Окрыленные победой (Арджуны) герои-Пандавы, о могучий царь, снова и снова врезались в великую рать сыновей Дхритараштры. И мощное войско, оберегаемое твоими сыновьями, о могучий царь, владыка людей, дрогнуло перед натиском (Пандавов, нападавших) со всех сторон, и (повернуло вспять) на глазах у твоих богато вооруженных сыновей, а также Шакуни, сына Субалы, и Карны, могучего духом. Великая рать твоих сыновей смешалась, и перепуганные воины устремились в разные стороны, о великий царь!

И хотя Сын суты заклинал их непрерывно: «Стойте! Остановитесь!» — воинство было не в силах остановиться, истребляемое великими духом (Пандавами). И тут, о могучий царь, видя, что войско сыновей Дхритараштры повсеместно спасается бегством, сопровождаемое (победными) кличами сурово сжимающих кулаки Пандавов, Дурьодхана будто бы дружелюбно молвил Карне: «Посмотри, о Карна, сколь сурово теснят Пандавы (нашу) рать! Пока ты пребываешь в бездействии, она в ужасе разбегается в разные стороны. Подумай и предприми, что подобает, о мощнорукий губитель недругов! Тысячи воинов, гонимых Пандавами, взывают к тебе в бою, о доблестный муж-бык!».

Радхей, Сын суты, выслушав столь значительные слова Дурьодханы, так сказал царю мадров (Шалье): «Узри мощь моих рук и оружия, о владыка людей! Сейчас я уничтожу в сражении всех панчалов вместе с Пандавами! Направь же (туда) с миром своих коней, о муж-тигр, владыка людей!». С этими словами, о великий царь, пламенный герой, Сын суты, взял свой отличный старинный лук Виджаю, укрепил тетиву и несколько раз потер ее.

И тогда, остановив своих воинов заклятием истины и (угрозой) проклятия, могучий Карна, душа которого непомерна, пустил в ход оружие Бхаргавы. Тут в великом бою взметнулись, о царь, тысячи, миллионы, десятки и сотни миллионов острых стрел. Войско Пандавов оказалось столь густо усыпанным грозными пылающими (стрелами), снабженными перьями павлинов и цапель, что невозможно было что-либо разглядеть. Громкие вопли ужаса издавали панчалы, теснимые в битве мощным оружием Бхаргавы, о владыка народов!

Вокруг тысячами падали убитые воины, кони, слоны, (сокрушенные) колесницы, так что земля содрогалась, о царственный муж-тигр! Тревога объяла, о царь, всю могучую рать Пандавов. Лучший из воинов, губитель недругов Карна, в одиночку испепеляя врагов, блистал, о муж-тигр, словно бездымно (горящий) огонь.

Истребляемые Карной панчалы, а вместе с ними и чеди растерянно металась, точно слоны в. пламени лесного пожара. Достоянейшие из людей о муж-тигр, устремляли они на восток свои кличи, слыша, как стенают в страхе и трепете, разбегаясь в разные стороны, те, что в центре сражения. Громкие вопли ужаса походили на крики претов во время потопа, о царь!

Видя, как истребляет (Пандавов) Сын суты, о досточтимый, затрепетали все живые существа, включая даже и животных. Уничтожаемые в битве Сыном суты сринджаи, обезумев (от ужаса), непрерывно зывали к Арджуне и Васудеве, точно к царю претов в городе царя претов. И тут, видя в действии устрашающее оружие Бхаргавы, сын Кунти, Завоеватель богатств сказал Васудеве: «Смотри, о мощнорукий Кришна, сколь велико могущество оружия Бхаргавы, — ничем нельзя уничтожить его в бою. Посмотри, о Кришна, как яростен Сын суты в великом сражении: этот герой, вершащий суровый подвиг, подобен самому Антаке! Неистово погоняя коней, он то и дело бросает взгляды в мою сторону, и я не видел, чтобы Карна поворачивал вспять в ходе боя.

Только пока человек жив, он добивается в бою победы, но (горе ему), если он (терпит) поражение: побежденному, о Хришикеша, (суждена) погибель, ему нечего (надеяться) на победу». Затем Джанардана, понимая, что Карна утомлен боем, тронулся с места, решив повидать Юдхиштхиру, о достойный! И сказал Кришна Арджуне: «Царь (Юдхиштхира) тяжело ранен. Утешь его, о лучший среди куру, а потом ты уничтожишь Карну!».

Тогда по совету Кешавы Завоеватель богатств на колеснице спешно отправился повидаться с царем (Юдхиштхирой), который был изранен стрелами в бою. Отправляясь с намерением встретиться с Царем справедливости, (Арджуна) Каунтея обозрел свое войско и не обнаружил старшего брата.

Вот как было, о бхарата, что Каунтея вступил с сыном Дроны в бой, непосильный для (самого) Владетеля ваджры, и одолел в бою потомка Бхиргу. Одержав победу над Драуни, Завоеватель богатств, владетель грозного лука, неодолимый для недругов, совершив тяжкий, славный, суровый подвиг, вновь оглядел свои войска. Герой Савьясачин, вступив в сражение, ободрял героев, возглавлявших его рать, воздавая хвалу их прежним славным деяниям и укрепляя (тем самым) дух своего колесничного воинства. Не видя на поле брани старшего брата Аджамидху, Увенчанный диадемой, о царь, спешно приблизился к Бхима и спросил у него: «Что случилось с царем?».

Бхима сказал:

Царь Юдхиштхира, сын Дхармы, удалился отсюда: все его тело истерзано стрелами Карны; хорошо, если он останется жив!

Арджуна сказал:

Так отправляйся же поскорее прямо отсюда к царю и разужнай, что с ним, первейшим из куру. Тяжко раненный стрелами Карны, царь, конечно же, удалился в свои покои²⁸³. Стремительный (воин), он был жестоко изранен Дроной во время ночного боя, но оставался в строю, уповая на победу, пока едва не был сражен Дроной насмерть. А сегодня достойный глава Пандавов был повергнут в смятение Карной. Ступай побыстрее, разужнай тотчас же, как он, о Бхима, а я буду здесь удерживать вражеские полки. Бхима сказал:

Лучше ты, о достойный, узнай, что с царем, быком-бхаратой. Если же я отправлюсь туда, о Арджуна, то будут говорить обо мне герои: «Испугался (боя)!». На это ответил Арджуна Бхимасене: «Против моего войска выступили саншаптаки, и я не могу отступить от скопища вражеских ратей, не уничтожив его». Тогда сказал Бхимасена Арджуне: «Положившись на собственную мощь, я буду (один) сражаться в бою против всех саншаптакон, а ты, о отважнейший среди куру, Завоеватель богатств, поезжай (навестить Юдхиштхиру)».

Вслушав в окружении недругов слова брата Бхимасены, на которые трудно было возразить, (Арджуна) тотчас же повелел первейшему из вришнейцев трогаться в путь, чтоб повидать (Юдхиштхиру), лучшего среди куру: «Гони коней, о Хриши-кеша, врезаясь в океан колесниц! Я желаю, о Кешава, повидаться с царем Аджаташатру». Тогда первый среди всех да-шархов, тронув коней, обратился к Бхима: «Нет для тебя ничего необычного в таком деянии, как то, (что тебе суждено) сегодня, герой! Мы удаляемся (с поля боя), а ты, о Бхима, громи вражеские полки!».

И вот, выставив против врага Бхимасену, губителя недругов, нацелив Врикодару на битву (с саншаптаками), Хришикеша на конях, подобных Гаруде, поспешно двинулся туда, где (находился) царь Юдхиштхира, о Индра царей! Два мужа-героя, отправившись в путь, добрались наконец до царя (Юдхиштхиры). Тот возлежал в одиночестве, и (герои), сойдя с колесницы, приникли с почтением к стопам Царя справедливости. Увидав мужей-тигров, двух - Кришн, что явились к нему целыми и невредимыми и (предстали перед ним) радостно, словно Ашвины перед Васавой, царь (Юдхиштхира), о муж-бык, приветствовал их, как Вивасван — Ашвинов, как наставник — Шакру и Вишну в тот час, когда был повержен великий асура Джамбха. Считая, что Карна повержен, Юдхиштхира, Царь справедливости, голос которого задрожал от радости, торжественно обратился к обоим губителям недругов.

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» сорок пятая глава.

ГЛАВА 46

Санджая сказал:

Увидав вместе доблестных Кешаву и Арджуну, (Юдхиштхира) счел, что сын Адхиратхи повержен в бою Владетелем лука Гандивы. Губитель недругов Каунтея дружелюбно и ласково приветствовал их, о бык-бхарата, и, улыбаясь, выказал им свое почтение.

Юдхиштхира сказал:

Добро пожаловать, сын Деваки! Приветствую и тебя, о Завоеватель богатств! Поистине радостно мне видеть вас целыми и невредимыми. Как (вами), о Ачьгота и Арджуна, был повержен великий колесничный воин, тот, кто в бою был подобен ядовитому змею и ловко владел любым оружием; тот глава сыновей Дхритараштры, опора их всех и защита, охраняемый Вришасеной и лучником Сушеной, тот непобедимый и отважный защитник сыновей Дхритараштры, которого сам Рама наставлял во владении оружием, тот, кто возглавлял их воинство, — губитель вражеских полчищ, истребитель сонма недругов, радевший о благе Дурьодханы; тот, кто поднялся на бой против нас и кого были не в силах одолеть в великой битве сами боги вместе с Васавой; тот, кто пламенностью своей и мощью был подобен огню и ветру, кто был глубок, словно Патала, и умножал радость друзей, а для недругов был подобен самому Антаке?! Благо, что вы повергли Карну в великом бою и явились (ко мне), точно двое бессмертных (богов), одолевших асуру!

Сегодня я тоже вступил в бой с тем суровым (воином), яростным, словно Антака, готовым истребить все сущее, о Ачьюта и Арджуна! Но он срезал мое знамя, разнес ось колесницы, (погубил) колесничного, лишил меня коней — и все это на глазах у Ююдханы, Дхриштадьумны, Близнецов и героя Шикхандина, на глазах у всех панчалов и сыновей Драупади!

Одолев многие сонмы отважных противников, Карна, о мощнорукие, победил и меня, решившегося на великий бой! Нападая в сражении, тот лучший из воинов обрушивал на меня потоки брани, то и дело неоспоримо одерживая верх (надо мной). И если я остался жив, то только благодаря могуществу Бхимасены, о Завоеватель богатств! Но я не в силах стерпеть многое из того, что было сказано им: я этого страшился тринадцать лет, не зная ночью сна и днем нигде находя покоя, о Завоеватель богатств! Я сгораю, преследуемый его ненавистью, предчувствуя свою погибель, — так слей (страшится смерти) от носорога, о Завоеватель богатств!

Разве мог быть Карна побежден мной в бою, о могучий, когда я непрестанно (со страхом) думал о нем: «То пришел (мой) смертный час!» Во сне и наяву, о Каунтея, я постоянно вижу Карну то там, то здесь, — поистине, Карна вездесущ в этом мире! Куда я ни направлюсь, трепеща перед Карной так и вижу его неизменно стоящим передо (мной), о Завоеватель богатств! И вот вместе с конями и колесницей я был повержен не отступающим в битвах героем и еле остался жив. Но какой теперь смысл для меня в жизни, на что мне теперь царство! Позор принес мне Карна, блистающий в сражениях.

То, чего не выпадало мне прежде на долю в битвах с Бхимой, Крипой и Дроной, я (сполна) вкусил теперь от великого колесничного воина, Сына суты. Поэтому я и спрашиваю тебя: о Каунтея, как (спросил бы) непосвященный: расскажи мне подробно, как был убит тобой Карна? Как был повержен тот, кто в бою отвагой подобен Шакре, мощью натиска равен Яме, кто (владеет) оружием, точно сам Рама? Как был повержен тобою славный Радхья, великий колесничный воин, знаток любого рода боя, лучший из владеющих луками, единственный (истинный) муж среди всех, почитаемый Дхритараштрой вместе со (всеми) его сыновьями, тот, кто всегда был твоим соперником, о владыка народов! Муж-бык Дхритараштра всегда, в любом сражении, о Арджуна, видит в Карне твою погибель. Как же он был повержен тобою в битве, о муж-бык? Расскажи мне, Бибхатсу, как был убит тобой Карна?

Наконец-то, муж-тигр, на глазах у друзей ты, словно тигр — антилопой руру, завладел головой его вместе с телом. Злокозненный Сын суты Карна, который покориł основные и промежуточные стороны света, тот, который готов был лишиться стада слонов, только бы одолеть тебя в битве, теперь наконец лежит на земле, убитый в сражении твоими острейшими стрелами с оперением цапли! Поистине, сегодня ты доставил мне величайшее удовольствие, повергнув в бою Сына суты!

Тот заносчивый Сын суты, который, торжествуя, преследовал тебя повсюду, тот, кто считал себя (непобедимым) героем, теперь наконец повержен тобой в поединке! Злодей, готовый отдать за тебя врагам свою золоченую колесницу, запряженную отборными конями, тот, кто постоянно соперничал (с тобой) в бою, наконец-то повержен тобою в битве, родной! Грешный (Карна), который в опьянении геройским пылом постоянно произносил хвастливые речи в Собрании кауравов, тот, кто был беспредельно любим Суйодханой, наконец-то повержен сегодня тобою! Повстречавшись с посланными тобой вожделяющими (вражеской) крови стрелами, пущенными из (твоего) лука, лежит теперь нечестивец с пробитыми членами — тем самым поистине отсечена рука у сына Дхритараштры!

Тот, кто, обуянный гордыней, постоянно в ослеплении похвалялся перед царями, доставляя радость Дурьюодхане: «Я повергну Пхальгуну!» — теперь наконец сам уничтожен, ж нет его колесницы! «Я не омою ног, пока жив Партха!» — такой обет (твердил) постоянно скудоумный Карнж, о сын Шакры, а теперь наконец он повержен тобой! Тот низкий помыслами Карна, который в Собрании сказал Кришне (Драупади) в присутствии героев-куру: «Почему бы тебе, о Кришна, не покинуть несчастных, лишившихся мощи, поверженных Пандавов?» — тот самый Карна, грешный разумом, который дал обет: «Я не вернусь назад, пока не сокрошу Партху вместе с Кришной!» — теперь наконец-то сам лежит (мертвый), и тело его пробито стрелами. Вам, верно, известно о битве сринджаев и кауравов, когда я попал в такую беду? А теперь наконец он повержен тобой в поединке!

Тобой, о Савьясачин, твоими огненными стрелами, пущенными из Гандивы, наконец-то отделена в бою от тела тугоумного (Карны) его голова, сияющая серьгами! Как только я был избавлен от стрел, тотчас я мысленно воззвал к тебе, о герой: «Покарай Карну!» — и ты поистине точно исполнил мой замысел, сокрушив Карну. Суйодхана, исполненный гордыни, присматривался, (как бы погубить) нас, опираясь на Карну, а ты наконец-то выбил у него опору, подступив к самому Суйодхане.

Низкий помыслами, неугомонный Сын суты, который некогда в Собрании перед лицом царей назвал нас бесплодным сезамом, наконец-то нашел свою смерть, встретившись в битве с тобою! Нечестивый Сын суты, который когда-то с усмешкой говорил (Духшасане):

«Приведи-ка сам силою Яджнясени, которую выиграл Саубала», — теперь наконец-то повержен тобой! Низкий душою, скудоумный сын Адхиратхи, тот, кто в сражении, деля колесницу с другим, низринул на землю Деда, лучшего среди тех, что владеют оружием, наконец-то повержен тобой. Так скажи мне: «Мною повержен сегодня грешный помыслами (Карна)!» — погаси поскорее, о Пхальгуна, постоянно раздуваемое ветром бесчестия неистовое пламя, которое тайно сжигает мое сердце!
Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» сорок шестая глава.

Санджая сказал:

Прервав эту речь добродетельного царя, охваченного гневом на сына Адхиратхи, великий душою, безгранично отважный Джишну сказал неодолимому Юдхиштхире, воспрянувшему было духом: «В то время как я бился с саншаптаками, о царь военачальник войска куру Драуни внезапно ринулся впере; меча летящие по воздуху стрелы, подобные ядовитым змеям Завидев мою колесницу, схожую с тучей, чтобы погубить (меня), выступило войско амбаштхов, о лучший из царей, ты я уничтожил пятьсот из них и двинулся к Драуни.

Тогда, в(всю (используя) могущество оружия знаний, столь туга натягивая лук, что (каждая) стрела касалась самого его он выпустил рядами множество стрел — так черная туча (исходит ливнем) во время дождей. Нам было не понять, ни как берет (стрелы) сын Дроны, ни как он кладет их на тетиву слева ли, справа нападает в бою. И вот сын Дроны настиг меня пятью острыми стрелами, пятью же (пронзил) Васудеву, и в тот самый миг я послал в него тридцать ваджроподобных (стрел). Истекая кровью, (струящейся) по всем его членам, видя, что лучшие среди воинов тоже обливаются кровью, оа укрылся, теснимый мною, в колесничном войске Сына суты.

Когда Карна-губитель увидел, что войско (его) разгромлено в битве, оружие разбито, а кони и слоны разбежались, он стремительно ринулся мне наперерез, двинув вперед пятьсот отборнейших колесниц, но я отразил их (натиск) и, отбившись от Карны, спешно направился сюда — повидаться с тобой. Все панчалы трепещут перед Карной, словно быки, учуявшие льва. Прабхадраки же рвутся на битву с Карной, попадая, точно (мелкая рыбешка), в пасть к огромной рыбе. Сходясь (в сражении) с Карной, прабхадраки, о царь, сразу же оказываются в разверстой пасти Смерти. Поезжай туда, и ты увидишь, что я готов сразиться с Сыном суты, и оба мы одержимы желанием победить. Шесть тысяч колесничных воинов, царских сыновей, уже отправились в небесный мир зш, о бхарата!

Когда покажется Сын суты, я встречу с ним в битве и буду упорно теснить его в поединке, словно Владетель ваджры — Вритру, о бхарата, Первый среди людских Индр! Но если, о царь, лев среди царей, я не смогу уничтожить сегодня мощно сражающегося Карну вместе с его сородичами, я удалюсь тем суровым путем, что уготован для пренебрегших обетом. Я взываю к тебе, о лев среди людских Индр, — пожелай мне победы в бою, ибо прежде сыновья Дхритараштры сумели одолеть Бхиму. Я сокрушу Сына суты и его рать и все сонмы недругов!»

Такова в «Книге о Карне» великий «Махабхараты» сорок седьмая глава.

ГЛАВА 48

Санджая сказал:

Услышав, что сильнейший его (противник) Карна остался невредим, неизбежно могучий Партха Юдхиштхира, пострадавший от стрел Карны, в гневе на Пхальгуну обратил к нему, Завоевателю богатств, такую речь: «Если бы ты не сказал нам в Двайтаване: «Я смогу одолеть Карну, о царь!» — все мы тогда, о Партха, вели бы себя сообразно тому, что (диктует) время. Ты дал мне обет, о герой, сокрушить (недруга) и захватить его войско — так почему ж ты завел нас в гущу врагов и обрек на погибель в открытом поле?!

Мы наставляли тебя, о Арджуна, много благ желали тебе, когда ты собрался в путь, о царский сын, и все это оказалось бесплодным для нас, а мы ожидали (добрых) плодов, как (ждет их) обильно цветущая ничула. Меня, мечтающего о (возвращении) царства, ты заставил увидеть, как безнадежно исчезло оно из вида — так рыболовный крючок скрывается под мясной наживкой, так исчезает гаял, предупрежденный (об опасности).

Вот что сказал, о скудоумный, голос небес, провозгласивший Притхе на седьмой день после твоего рождения: «Родился у тебя сын, доблестью равный Васаве! Он покорит всех вражеских героев и одолеет в Кхандаве сонмы богов, а также всех бхутов, чрезвычайно могучих! Он покорит мадров, калингов, кекаев и покарает куру на виду у царей!

И посему — не будет (на земле) второго такого лучника, не будет ни единого человека, столь же победоносного, а он, достойный, смиренный, овладевший всеми знаниями, лишь только пожелает, сможет подчинить себе любого. Твой сын, о Кунти, красотой подобен месяцу, стремительностью равен ветру, стойкостью — Меру, смирением — земле, сиянием — солнцу, преуспеванием — Дарителю сокровищ, геройством — Шакре, а мощью — Вишну. Великий духом сокрушитель недругов, он — словно сам рожденный от Адити Вишну. Неизбынно могучий создатель родового клана, он призван (нести) победу соратникам и гибель врагам!».

Так произнес голос из поднебесья, и слышали его подвижники на вершине Шаташринги, но не сбылось для тебя это (пророчество), ибо ложь изрекли тогда боги. Внимая речам других достойнейших из святых мудрецов, которые всегда почтительны (ко мне), я не склонюсь перед Суйодханой! Я не могу узнать тебя — так ты напуган сыном Адхиратхи!

Ты стоял под своим стягом с (изображением) обезьяны в прекрасной, созданной Тваштри колеснице с бесшумными осями, в руках твоих были отделанный золотом каленый меч и лук Гандива, огромный словно тала, а колесницей твоей правил Кешава — так почему же, о Партха, ты отступил, испугавшись Карны?! Лучше бы ты отдал свой лук Кешаве, а сам, слабосильный, стал бы его колесничим в этом бою, и тогда Кешава сокрушил бы жестокого Карну, словно принявший ваджру Властелин марутов — Вритру! Если бы ты родился до срока на пятом тяжком месяце или если б вовсе не был зачат в лоне Притхи, тебе не было бы (суждено вершить) ратный подвиг, о царский сын, и тогда ты не бежал бы, несчастный, прочь с поля брани!»

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» сорок восьмая глава.

ГЛАВА 49

Санджая сказал:

Едва Юдхиштхира произнес такие слова, Белоконный Каунтея схватился в ярости за меч, намереваясь убить быка-бхарату, но, видя, как он разгневан, Кешава, читающий в сердцах, сказал: «Зачем, о Партха, ты взялся за меч? Я не вижу здесь никого, с кем ты должен был бы сразиться, Завоеватель богатств: все сыновья Дхритараштры повержены мудрым Бхимой! Ты удалился (с поля брани), о Каунтея, чтоб повидать царя; теперь ты увидел его: царь Юдхиштхира в добром здравии. Ты встретился с царем-тигром, отвагой подобным тигру, — теперь время ликовать, так отчего ты пришел в такую ярость? Я не вижу здесь, о Каунтея, того, кого ты должен покарать, — так отчего же ты с такой поспешностью схватился за свой огромный меч? Смотрю я на тебя, о дивно отважный Каунтея, (и не понимаю), что это ты собираешься делать, в ярости сжимая меч?».

В ответ на слова Кришны Арджуна, глядя в упор на Юдхиштхиру, гневно сказал Говинде, (тяжко) вздыхая, как змей: я должен отсечь голову всякому, кто осмелится мне предложить: «Отдай Гандиву другому», — Я не в силах стерпеть того, что сказал мне царь в твоём присутствии, о безмерно отважный Говинда с беспечальной душой! Поэтому я покараю царя, трепетно чуткого к дхарме, а уничтожив его, лучшего из мужей, исполню тот обет — вот почему взялся я за меч, о радость ядавов! Убив Юдхиштхиру, я воистину исполню свой долг и буду избавлен от тревог и печалей, о Джанардана! А что думаешь ты теперь, когда настала такая минута? Ты здаешь все об этом мире, родной, — что было и что грядет. Как ты мне скажешь, так я и поступлю».

Кришна оказал:

Теперь, о Партха, я понимаю: не почитал ты старших.

Не в согласии с Временем, о муж-тигр, ты идешь на столь злое деяние. Знающий тонкости дхармы не должен так поступать, о Завоеватель богатств! Кто смешивает то, что следует делать, с тем, чего делать не следует, и то, что должно быть исполнено, с тем, что есть небрежение долгом, тот, о Партха, — ничтожнейший из мужей! Тебе неведомо то, что утверждают мудрейшие, которые, следуя дхарме, возвысились (духом) г познав и целостность ее, и отдельные грани.

Человек, не знающий твердо, как отличить то, что следует делать, от того, чего» делать не следует, невольно впадает в заблуждение, о Партха, — точно как ты сейчас, неразумный! Никогда не познаешь блаженства, если не (ведаяшь), что именно следует, а чего никогда не следует делать. Все это явствует из шрути, а ты не постиг его. Знатоки дхармы, ты следуешь дхарме, не постигнув (ее сути), ибо приверженный дхарме, о Партха, не приемлет душой убийства живого. Я считаю превыше всего, о друг мой, — не губить того, что живет; пусть даже придется прибегнуть; ко лжи, но ни за что не погубить (другое существо)».

Так как же ты можешь, о лучший из мужей, словно какой-то-иной человек, простолюдин, посягать на жизнь своего старшего брата — царя, знатока дхармы? О бхарата, не одобряют мудрые-убийства того, кто не вступает в бой, кто безоружен, кто, отвортив лицо, отступает (с поля брани) или вызывает о помощи, смиренно сложив ладони. Когда-то, о Партха, еще совсем юным ты дал тот обет, и потому в ослеплении ты решился теперь на такое деяние, несогласное с дхармой. Разве ты смог бы, о Партха, покушаться на убийство наставника, если бы помнил о дхарме, если бы ты не отринул себя от сложного, многотрудного пути дхарм!

Я поведаю тебе, о бык-бхарата, сию сокровенную суть дхармы — то, что могли бы поведать тебе либо Бхишма, либо Юдхиштхира, знатоки дхармы, либо Кшаттри-Видура, либо же славная Кунти. Я расскажу тебе точно об этом — внемли же, Завоеватель богатств! Слово истины, о праведный, не может считаться выше самой истины, и высшей степени трудно постичь, в чем точно состоит истина. Может случиться, что

нельзя сказать правду, а надо прибегнуть ко лжи; (к примеру) если пытаются отобрать все твое достояние, то уместно солгать. Если жизнь под угрозой, или при заключении брака ложь допустима — тут неправда может, обернуться истиной, а истина — ложью. Такой (как тебе) верность истине представляется только юному существу, но когда (человек) постигает, что действительно истинно, а что ложно, он становится подлинным знатоком дхармы. Даже крайне жестоко поступающий человек, приобщившись такому вот чуду, может исполниться высочайшей благодати, как это получилось с Балакой, убившим слепого.

И вот что еще удивительно: возлюбивший дхарму, но остающийся неучем и невеждой, может впасть в величайший грех, словно Каушика, (угодивший) в бездну.

Арджуна сказал:

«Поведай мне, досточтимый, — да будет мне ведомо, что случилось между Балакой и тем слепым и (что сделал) Каушика, (живший) у слияния рек?»

Кришна сказал:

Жил на свете, о бхарата, некий охотник за дикими зверями по имени Балака. Убивал он зверей не по собственной прихоти, а для того, чтоб содержать жену и сыновей и кормить своих незрячих родителей, а также тех, кто нашел у него приют. Неизменно и ревностно следовал он дхарме, был правдоречив и независтлив, никогда не стремился к добыче (большей, чем было необходимо) и не усердствовал в отлове.

И вот однажды, увидев пьющего воду зверя, глазами которому служили его ноздри, он убил то существо, никогда не виданное им прежде, и вслед за тем хлынул с небес цветочный ливень. Под пение апсар и звуки вадитр с неба спустилась прекрасная вимана, чтоб увезти охотника (на небеса). То существо, о Арджуна, предавалось подвижническому покаянию, дабы погубить все живое, и благодаря пожалованному Самосушим дару было совершенно незрячим. Уничтожив (создание), замышлявшее погубить все сущее, Балака отправился на небеса. Вот какова дхарма — та, что крайне трудна для постижения.

Каушика же был брахманом-подвижником, однако он не превзошел до конца премудрость Вед. Жил он неподалеку от деревни у места слияния рек. «Я должен всегда говорить правду» — таков был его

обет, о Завоеватель богатств, и звали его поэтому Правдоречивым. Однажды в тот лес пришли какие-то (люди), гонимые дасью. (Вслед за ними) явились те самые жестокие дасью и принялись их упорно разыскивать. И вот повстречали они Правдоречивого Каушику и спросили его: «Какой дорогой прошло сейчас много людей, о достойный? Мы просим тебя сказать правду. Если знаешь о них, помоги нам!». И Каушика честно ответил им на этот вопрос: «Они укрылись вот в том лесу, богатом деревьями и обильном лианами». Тогда жестокие (дасью) настигли (пришельцев) и истребили их, как гласит предание.

Из-за той великой беды, которую навлекли некстати сказанные слова Каушики, он, не постигший тонкостей дхарм, угодил в гибельный ад. Невежда, он не познал во всей глубине Веды, не уяснил особенности дхарм. Тот, кто не обращается в своих сомнениях к старшим, рискует из этого мира (низринуться) в глубокую бездну. Вот что может явиться для тебя здесь неким указующим знаком! Труднообъемлемое высшее знание постигается размышлением, и многие говорят: шрути и дхарма едины. Я не отрицаю того, но ведь не все сказано этим; именно ради приумножения живых существ и была провозглашена дхарма. Дхарму называют так оттого, что она есть опора, дхарма поддерживает живущих.

Все, что связано с поддержанием (сущего), и есть, без сомнения, дхарма. В тех случаях, когда алчные люди желают что-либо обрести вопреки справедливости и спасение в том, чтоб не проронить ни слова, никогда не следует подавать голос. Но если необходимо сказать свое слово и не высказаться опасно, в таком случае, мне думается, лучше произнести неправду, нежели правду. Если же речь идет о жизни и смерти, о браке или гибели всего рода и достояния, или же когда пускаются в ход насмешки, пусть будет ложным сказанное — прозревшие суть и смысл дхармы не видят в том ее нарушения. Тому, кто (должен прибегнуть) к клятвам, чтоб избежать столкновения с грабителями, лучше солгать — в том несомненная истина. Если есть такая возможность, ни за что не следует уступать свое достояние подобным, ибо богатство, отданное нечестивцам, бьет по самому отдающему. Поэтому тот, кто прибегнет ко лжи во имя (спасения) своего имущества, лжецом не окажется. Теперь тебе должным образом возвещено, по каким признакам различается (то, что истинно, а что ложно). Выслушав это, скажи мне, о Партха, должен ли ты убивать Юдхиштхиру?

Арджуна сказал:

Именно так и сказал бы многознающий, именно так и сказал бы многомудрый! Если чья-либо речь может быть нам полезна, так это твоя речь! Ты для нас — словно мать, ты для нас — словно отец, ты — высочайшее прибежище, Кришна, потому и речь твоя — чудо! В трех мирах нет ничего, что было бы неизвестно тебе, и потому ты постиг высочайшую дхарму совокупно и по существу. Я понимаю теперь: нельзя мне убить Пандаву Юдхиштхиру, Царя справедливости! Посоветуй мне милостиво, как (поступить) в таком случае.

Выслушай, я должен рассказать тебе, что еще у меня на сердце. Ты знаешь теперь, о Владыка дашархов, каков мой обет: если кто-либо из людей, даже достойный, посмеет сказать мне: «Отдай, о Партха, Гандиву другому!» — он будет (на смерть) сражен оружием. Я уложил бы такого на месте, о Кешава, так же как Бхима убил бы любого, кто посмел бы бросить ему: «Безбородый!». Царь же не раз повторил мне в твоём присутствии, о л«в вришнийцев: «Лучше бы ты отдал свой лук!» Но если бы я убил его, Кешава, то не задержался бы в мире живых и малую толику времени. О Кришна, лучший из вершителей дхармы, ты должен меня надоумить, (как поступить мне), чтоб мой известный в мире обет³¹⁸ был истинен, но чтоб и я, и (Юдхиштхира) Пандава остались в живых?!

Васудева сказал:

Царь утомлен (тем, что происходит) в мире, он изранен в бою множеством острых стрел Карны, и только поэтому, Партха, он говорил с тобою столь резко. Теперь игру в сражении ведет Карна, и если бы он принял смерть, то куру были бы побеждены, — так полагает царь (Юдхиштхира), сын Дхармы. Но когда (человеку) выпадает великий позор, его и живого считают мертвым. Ты, Бхима, оба Близнеца, старцы ш мужи, (славные) в мире своей отвагой, всегда выказывали почтение царю (Юдхиштхире).

Теперь же ты прояви к нему, неуважение, но в чем-то ничтожном: (к примеру,) обратись о Партха, к Юдхиштхире на ты, тогда как положено (обращаться к нему) на Вы. Наставник, о бхарата, если к нему обратились на ты, все равно что мертв. С тем и приблизься к Юдхиштхире, Царю справедливости, соверши этот шаг, несовместимый с дхармой, о Кауятея, продолжатель (рода) Куру! Это откровение, высочайшее из всех откровений, идет от Атхарвана и Ангираса, и те, что желают (достичь) блага, всегда должны следовать этому без колебаний.

Такой (поступок), о Пандава, раз он исходит от тебя, равносильно убийству Царя справедливости — он и воспримет его таким образом. Потом ты прикинь к его стопам, а следом обрати к Партхе смиренную и ласковую речь. Твой брат, царственный сын Панду, мудр и ни на кого зря не прогневаешься. Ты же, о Партха, разом избегнув и нарушения обета, и братоубийства, одолей, ликуя, Сына су ты Карну!

Санджая сказал:

Напутствуемый Джанарданой Партха Арджуна дал согласие на такое «убийство» милого его сердцу (брата) и принудил себя сказать Царю справедливости такие грубые слова, каких он никогда не произносил прежде: «Не тебе, о царь, говорить такое, что ты соблаговолил мне сказать, иначе ты не находился бы здесь, на расстоянии кроши от поля боя, (завершенного), только наполовину. Это Бхиме полагалось бы меня осуждать: отважнейший из всех воинов, он и теперь бьется (с недругами). В свое время потеснив врагов в битве и истребив (многих) царей-героев, с громким львиноподобным кличем уничтожил он потом более тысячи слонов. Герой вершит суровейший подвиг, какой не по силам тебе когда-либо совершить! Соскочив со своей колесницы, стиснув в руке палицу, он разит ею в битве воинов, коней и слонов, лучшим из мечей уничтожает боевые колесницы, конницу и (отряды) слонов. Отвагою равный Шатаманью, он губит недругов своим луком, колесами колесниц, топчет их насмерть ногами и убивает врукопашную.

Наделенный великой мощью, подобный Антаке и Вайшраване, он яростно истребляет врагов, воздавая им по заслугам. Поэтому не тебе, которого постоянно спасают соратники, а лишь Бхимасене подобает меня осуждать! Губитель недругов Бхима один в гуще сыновей Дхритараштры сокрушает огромные колесницы, отборных слонов и коней, лучших из пеших воинов. Это он вправе меня осуждать, он, который умертвил многие сонмища недругов, подобные синим дождевым тучам, — постоянно хмельных калингов, вангов, ангов, нишадов и магадхов. Он вправе был бы порицать меня, даже ни в чем не повинного! Стоя в надежно снаряженной колеснице с полными горстями стрел, вовремя успевая натягивать лук, герой порождает в великом бою ливни из стрел — точно водоносное облако (изливает потоки дождя);

Мудрые говорят, что могущество (брахманов), лучших из дваждырожденных, в слове, кшатриев же — в мощи рук. А ты, о бхарата, суров и могуч лишь на словах и полагаешь, что я таков же, но я отвечаю правилу. Постоянно, всей жизнью своей и душой, вместе с моими женами и сыновьями я стремился к тому, что было желанно тебе, а ты казнишь меня стрелами своих речей, и мы никогда не видим от тебя блага.

Ты вынес мне осуждение, пребывая на ложе Драупади, меж тем как я в это время ради тебя истреблял великих колесничных воинов. Ты слишком мнителен и жесток, о бхарата, и я на жду от тебя благодати! Верный истине (Бхишма), о бог среди людей, для твоего же блага сам подсказал тебе, как умертвить его в бою: то был отважный Шикхандин, сын Друпადы, великий духом, и под моей охраной он погубил (Бхишму). И я бы не стал ратовать за твое возвращение на престол, ибо ты вопреки здравому смыслу привержен игре в кости.

Ты сам совершил греховный поступок, на который способны лишь недостойные, а теперь рассчитываешь с помощью себе подобных одолеть неприятеля в битве. Ты слышал о многих сокрушающих дхарму сквернах, (связанных) с игрой в кости, — о них говорил (тебе) Саха дева, но ты был не в силах отринуть этот удел нечестивых, и потому мы все ввергнуты в ад. Ты — игрок, и

царство погубило из-за тебя, ты навлек несчастье на нас, о Индра людей! Больше, о царь, ты не посмеешь хлестать нас тяжелыми плетями своих речей — этим ты снова гневаешь тех, кто обездолен (тобой же)!».

Вот какую дерзкую речь, чеканя слова, заставил выслушать Савьясачин стойкого разумом (Юдхиштхиру). Затем раскаяние овладело сыном царя богов и с тяжким вздохом он обнажил свой меч. И тут опять обратился к нему Кришна: «Что это значит — ты вновь обнажаешь свой меч, (синий) как небеса? Скажи (мне) правду, снова ответь (честно), и тогда я смогу посоветовать, тебе, как вернее достичь цели». Когда лучший из мужей спросил его таким образом, глубоко удрученный (Арджуна) ответил Кешаве: «Мне следует умертвить себя, ибо я совершил крайне злое деяние».

Лучший из блюстителей дхармы выслушал эти слова Партхи и сказал Завоевателю богатств: «Провозгласи, о Партха, свои достоинства, и это тотчас обнаружит твое пристрастие к себе!» «Да будет так, о Кришна!» — с восторгом принял Завоеватель богатств, сын Шакры, такой совет и, опустив свой лук, сказал Юдхиштхире, первому среди стражей дхармы: «Внемли мне, о царь! Неведом (людям), о бог среди людей, второй подобный мне лучник, если не считать Бога, Владетеля Пинаки! Я же признан им, великим душою, и вмиг могу уничтожить вселенную со всем, что в ней движется и что неподвижно. Это мною, о царь, покорены (все) стороны света с их владыками, именно я заставил их (всех) подчиниться тебе.

И та раджасуя, во время которой были совершены (обильные) дарения брахманам, обеспечившие успех, и удивительный дворец собраний — всем этим ты обязан моей мощи. На обеих руках моих линиями обозначены стрелы и лук со стрелой, изготовленный к бою, а на ступнях моих — стрелы и стяги. Такого, как я, невозможно одолеть в сражении! Повержены северные народы, разбиты западные, покорены восточные, подавлены южные; немного осталось в живых саншаптаков, мной уничтожена половина их войска. Разгромленное мною войско бхаратов, подобное войску богов, полегло (в битве), о царь! Я не убиваю тех, что несведущи в обращении с оружием, и только поэтому я не обратил в прах весь этот мир!» Проговорив это, Партха заговорил вновь, обращаясь к Юдхиштхире, лучшему из блюстителей дхармы: «Запомни, о царь, это истина: или Радха лишится своего сына, или Кунти — меня. Смилуйся, царь, и прости мне мои слова. Поклон тебе! В свое время ты все узнаешь».

Умилостивив царя, покорителя недругов, (Арджуна) приблизился к нему и стоя произнес: «Я отправляюсь освободить от боя Бхиму, всей душой (желая) погибели Сыну суты, ибо жизнь моя в том, чтоб доставлять тебе радость, — истинно Я говорю, знай это, царь!» Пылающий мощью Увенчанный диадемой приник к стопам (Юдхиштхиры), а затем поднялся, чтоб отправиться в путь, (и сказал): «Скоро наступит (мой час), теперь уж недолго (ждать): (Карна) готов к бою, и (мой долг) его встретить».

Когда Пандава, Царь справедливости, выслушал эти суровые речи брата Пхальгуны, он поднялся со своего ложа и, жестоко скорбя душой, обратил свою речь к Партхе: «То, что я совершил, о Партха, (воистину) недостойно, и именно из-за этого обрушилась на вас горькая беда! Поэтому отсеки мне сейчас же голову, ибо я — ничтожнейший из людей, из-за меня роду (нашему) угрожает гибель! Я грешен, из-за моей греховности несчастья преследуют меня и разум мой утратил ясность. Я труслив, бездеятелен и жесток, (своим поступком) я оскорбил старейших — зачем ты так долго был верен мне, столь безжалостному!

Теперь же я, грешный, удаляюсь в леса, живите счастливо без меня- Великий душой Бхимасена достоин стать царем. Какой толк для меня в царстве, если я, точно евнух, (лишен мужества)? Я не в силах стерпеть те жестокие (обвинения), которые ты (бросаешь мне) в ярости. Пусть Бхима будет царем! На что мне жизнь, о герой, если я так унижен!» € этими словами царь быстро поднялся, покинул ложе и вознамерился тотчас отправиться в лес, но тут к нему с поклоном обратился Васудева:

«Тебе, верно, известен, о царь, знаменитый обет верного слову Владетеля Гандивы относительно его лука Гандивы: если кто-либо в мире скажет: «Отдай Гандиву другому!» — он должен быть тут же убит, а ты сказал именно так. Поэтому Партха, о владыка земли, во исполнение того обета по моей воле нанес тебе такое оскорбление, ибо считается, что обидеть наставника — все равно что убить его. Так прости же, о царь, Арджуне то прегрешение; (его совершили мы) оба — Партха и я, о мощнорукий! Вдвоем и взываем мы к твоему покровительству, о великий царь! Ты должен простить меня: (смиренно), с мольбой я склоняюсь перед тобою, о царь! Напьется теперь же земля крови грешного Радхеи — истинно то, в чем я заверяю тебя! Считай, что Сын суты уже расстался с жизнью, ибо тот, кому ты желаешь смерти, все равно что мертв».

Выслушав сказанное Кришной, Юдхиштхира, Царь справедливости, в смятении поднял Хришикешу, склонившегося перед ним с почтительно сложенными ладонями, и вслед за его словами произнес такие: «Все это так, как ты говоришь, но то лишь моя вина. Ты, о Говинда, Владыка мадху, наставил и спас меня. Тобою, о Ачьюта, мы избавлены ныне от жестокой беды. Обратившись к тебе, заступнику, мы оба, (и я, и Арджуна), ослепленные невежеством, спаслись теперь от грозного океана бедствий! Благодаря лодке твоего разума мы и нами наши близкие миновали море страданий и бед, имея в тебе, о Ачьюта, своего защитника!»

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» сорок девятая глава.

ГЛАВА 50

Санджая сказал:

Между тем Партха (Арджуна), произнесший по совету Кришны те слова в адрес Юдхиштхиры, опечалился так, словно действительно совершил прегрешение. Тогда Васудева, улыбаясь, сказал Пандаве: «Что было бы, о Партха, если бы ты и в самом деле своим острогранным мечом убил сына Дхармы, усердного в дхарме? Ведь ты лишь обратился к царю на ты и пришел от этого в такое отчаяние! А если бы, Партха, ты и в самом деле убил царя, что оставалось бы тебе делать?! Вот сколь трудна для постижения дхарма, в особенности для тех, кто медлителен разумом! Именно из боязни нарушить) дхарму ты неизбежно оказался бы во власти великого тамаса, а если бы убил старшего брата, (угодил бы) в грозную Нараку. Обратись к милосердию верного дхарме царя, лучшего из блюстителей дхармы, первого среди куру, — вот каково мое мнение.

Ублаготвори царя Юдхиштхиру своей любовью, пробуди удовлетворение в нем, а затем тотчас же выступай навстречу колеснице Сына суты, чтоб с ним сразиться! Доставь неизбывную радость сыну Дхармы, о почтительный, умертвив непобедимейшего Карну своими острыми стрелами! Я думаю, час настал, о мощнорукий, и, если ты совершишь это, цель твоя будет достигнута». Тогда, о безупречный, великий царь, терзаемый стыдом Арджуна припал головою к стопам Царя справедливости.

«Смилуйся, лучший из бхаратов, — повторял он снова и снова, — прости мне, о царь, то, что сказал я тебе, стремясь (соблюсти) дхарму, из боязни (нарушить обет)!» Царь Юдхиштхира, Царь справедливости, владыка земли, увидав, что Завоеватель богатств, губитель врагов с плачем приник к его стопам, поднял своего брата. Завоевателя богатств, ласково обнял его и тоже залился слезами.

Наплакавшись вволю, оба брата, мужи-тигры, сияющие ярчайшим блеском, стали чисты (душой) и обрели умиротворение. Затем, любовно обняв Пандаву, вдохнув запах его головы, Юдхиштхира, охваченный высочайшей радостью, сказал с улыбкою Джае: «О великий и мощнорукий лучник! Как ни старался я противостоять в битве Нарве, на глазах у всего воинства он стрелами пронзил мои доспехи, а также знамя, лук, копьё, палицу и коней. Зная о том, каков оц в бою, и видя его подвиги, я был охвачен отчаянием, Пхальгуна, и жизнь стала мне не мила. Если ты, о герой, не уничтожишь Сына суты, то я расстанусь о жизнью, — какой мне прок в ней!».

На эти слова, о бык-бхарата, Виджая ответил: «Истиной я клянусь тебе, милосердием твоим, Бхимой и Близнецами, о царь, владыка земли, лучший из мужей, — или теперь же я покараю Карну в бою, или убитый паду на землю! Истинна клятва моя на оружии!». После того как он провозгласил это,

обращаясь к царю, он обратился затем к Владыке мадху: «Сегодня, о Кришна, я несомненно уничтожу Карну в бою, поэтому — благо тебе! — поразмысли, как покарать того нечестивца?».

В ответ на эти слова Партхи, о лучший из царей, Кешава сказал ему: «Я попытаюсь в меру своих сил (решить эту задачу), ибо таково и мое извечное желание, о первый среди бхаратов, великий колесничный воин! Именно над тем я и размышляю: каким путем умертвить в сражении Карну». И затем мудрый Владыка мадху вновь обратился к сыну Дхармы: «О Юдхиштхира, тебе следует поддержать дух Бибхатсу и благословить его на расправу со злодеем Парной. И (Арджуна), и я, прослышав, что ты изранен стрелами Карны, поспешили сюда увидеть своими глазами, что стало с тобой, радость Пандавов! Благо, о царь, что ты исцелился, благо, что не был захвачен в плен (недругом)! Поддержи Джаю-Бибхатсу, благослови (его), о безупречный!»

Юдхиштхира сказал:

Подойди, подойди ко мне, Партха Бибхатсу, обними меня, Пандава! Пусть то, что сказал ты мне, неприятно, но ты должен был это сказать, и я прощаю (тебя). Вот моя воля: одолей Карну, Завоеватель богатств! Не гневайся на меня, о Партха, за то, что я сказал тебе столь жестокие слова!

Санджая сказал:

Тогда, о достойнейший царь, Завоеватель богатств принял головою к стопам старшего брата, обхватив их руками, но царь поднял его, крепко обнял, вдохнул запах его головы и вновь произнес: «О мощнорукий Завоеватель богатств! Ты оказал мне великую честь. Так обрети же вновь и навеки величие духа и победоносность!».

Арджуна сказал:

Сегодня же стрелами я настигну в бою гордого своей мощью, грешного в деяниях Радхею вместе с его родичами и приведу его к гибели! Натягивая до отказа свой лук, он терзал тебя стрелами, теперь же Карна сам пожнет суровые плоды своего деяния. Я покараю Карну и возвращусь с поля брани, чтобы почтить тебя, — истинно я говорю тебе, о владыка земли! Я не гжину ратного поля, пока не уничтожу Карну, — касаясь твоих ног, истиной я (клянусь тебе), о властелин мира!

Санджая сказал:

Так Партха снискал милость Царя справедливости и, полный решимости покарать Сына суты, с радостью в душе обратился к Говинде: «Да будет вновь изготовлена (к бою) моя колесница, да будут впряжены в нее лучшие из коней и да будет та великая колесница оснащена всевозможным оружием! Пусть вместе со всем снаряжением для колесницы доставят сюда коней столь стремительных, чтобы они (на бегу) так и стлались (по земле), и пусть их сопровождают знающие свое дело конюхи!». Едва великий духом Пхальгуна промолвил это, Кришна, о могучий царь, повелел Даруке: «Исполни все, что сказал лучший из бхаратов, Арджуна, первый из всех, владеющих луками!».

И вот, по приказу Кришны, о достойнейший из царей, Дарука принялся запрягать крытую тигровыми шкурами колесницу, гибельную для недругов. Стоя на колеснице, снаряженной великим душою Дарукой, (Арджуна) попрощался с Царем справедливости, испросил благословения у брахманов и поднялся на лучшую из колесниц, освященную обрядом удачи и благополучия. Многомудрый царь Юдхиштхира, Царь справедливости, даровал ему подобающее случаю высочайшее благословение, чтоб (он непременно) уничтожил Карну.

Видя, что великий лучник собирается в путь, живущие поняли, о бхарата, что Карна обречен на гибель от рук великого духом Пандавы. Все стороны света, о царь, сделались совершенно чисты, а (птицы) чаша, шатапатра и краунча облетели вокруг сына Панду по кругу прадакшины, о владыка людей! Множество красивых, (считающихся) благоприятными птиц под названием «пут» возбужденно кричали, призывая Арджуну поспешить на бой. Грозные (птицы) канка, гридхра, вата и ваяса, чуя добычу, устремились впереди его (колесницы), возвещая Партхе благоприятные знамения разгрома вражеской рати и гибели Карны.

Сильной испариной покрылось (тело) Партхи, когда он тронулся в путь, овладела им глубокая тревога: как-то все совершится. Тогда Губитель Мадху, видя, что Партха встревожен и озабочен, сказал Владетелю лука Гандивы: «Известно, о Владетель Гандивы, что тех, кого ты одолел своим луком, одолеть был бы не в силах ни один человек в этом мире, кроме тебя.

Известно много бойцов, отвагой подобных Шакре, которые, встретившись в битве с тобою, героем, ступили на высочайшую стезю. Кто (кроме тебя), о достойный, смог бы выстоять против Дроны, Бхишмы, Бхагадатты, Винды и Анувинды из Аванти, владыки Камбоджей Судакшины, а также отважного Шрутаюса и Ачьютаюса и остаться при этом целым и невредимым, если он не был бы столь же стойким, как ты?! Ты, о Арджуна, владеешь небесным оружием, ты могуч и ловок и умеешь рассчитать удар, метко прицелиться, умело выбрать (нужные боевые) средства, ты не знаешь в боях наваждений, обладая смирением мудрости! Ты в силах погубить всех богов и асуров вместе со всем, что есть на земле движущегося и неподвижного, и в мире, о Партха, нет воина, который в бою был бы подобен тебе! Среди кшатриев, что владеют луками, и даже среди богов я не видывал и даже не слыхивал о таком, кто был бы равен тебе в упоении боем. Брахма, сотворивший живущих, (создал) и удивительнейший (из луков) Гандиву, которым сражаешься ты, о Партха, и потому — нет тебе равного!

Однако я непременно должен сказать тебе еще кое-что, и это будет на пользу тебе, о Пандава! Не относись с небрежением к Карне, украшению боя, о мощнорукий, ибо Карна доблестен и могуч и в совершенстве владеет оружием. Этот великий колесничный воин искусен (в сражении), разнообразна вооружен и умел в выборе места и времени. Пламенностью он подобен огню, быстротою схож со стремительным ветром, яростью подобен Антаке, а мощь его напоминает силу льва. Руки его могучи, локти — как из железа, грудь широка, он горделив, отважен, непобедим, доблестен *la*. приятен обликом,

Я наделен всеми воинскими добродетелями и пробуждает в друзьях бесстрашие. Это извечный враг Пандавов, радеющий о благе сыновей Дхритараштры. Для всех неуязвим Радхей, даже для богов вместе с Васавой, но только не для тебя, — вот что я думаю. Покарай теперь же Сына суты! Никто из воинов — ни боги, ни те, чьи (тела) из плоти и крови, — при всем старании не в силах одолеть его в битве. По отношению к Пандавам он неизменно низок душой, грешен помыслами, враждебен и злокознен, однако в этой распре с сыновьями Панду он лишен корысти. Уничтожь Карну — и ты исполнишь свое предназначение. Одолей сегодня же Сына суты, о Завоеватель богатств, — (вырви) корневище (древа) грешников: ведь это благодаря (Карне) низкий Суйодхана считает себя героем». *Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» пятидесятая глава.*

ГЛАВА 51

Санджая сказал:

Затем Кешава, беспредельный душою, вновь обратился к Арджуне, твердо укрепившемуся в решении уничтожить Карну:

«Сегодня, о бхарата, семнадцатый день, как продолжается страшное побоище, (гибельное для) людей, слонов и коней. Огромными были рати и твоих (соратников), и (наших) недругов, но после того как они сошлись друг с другом в сражении, (ряды их) сильно истаяли, о владыка народов! Кауравы, о Партха, превосходили (вас) и числом слонов, и количеством коней, но в сражении с тобой, недругом, (много) их полегло на поле брани. Все панчалы и сринджаи с союзниками, так же как Пандавы, держатся, опираясь лишь на тебя, неодолимого.

Пандавы, панчалы, матсьи, каруши, чеди и кекаи под твоею защитою уничтожили сонмы недругов, о сокрушитель врагов! Кто же еще способен одолеть в битве объединенные (силы) кауравов, мой родной! И, с другой стороны, (кто сможет победить) охраняемых тобою в сражении Пандавов, великих колесничных воинов? Ты (один) способен покорить в боевой схватке сплотившиеся воедино

три мира — богов, асуров и людей — так стоит ли говорить о войске кауравов?! Кто другой, кроме тебя, даже если он подобен самому Васаве, способен победить царя Бхагадатту, о муж-тигр?! Все цари не в силах даже взглядом объять твое громадное войско, охраняемое тобою, о безупречный Партха!

Дхриштадьюмна и Шикхандин лишь потому смогли повергнуть Дрону и Бхишму, что были в бою постоянно поддерживаемы тобою, о Партха! Кто же, о Партха, смог бы только силой оружия одолеть в сражении двух тех великих колесничных воинов-панчалов, Бхишму и Дрону, каждый из которых доблестью равен Шакре?! Кто (смог бы покорить) бы сына Шантану, Дрону, Вайкартану, Крипу и Драуни, сына Сомадатты и Критавармана, а также владыку; синдху, царя мадров и самого царя Суйодхану — всех этих грозных, яростных, опьяненных боем героев, искусно владеющих оружием, действующих заодно военачальников акшаухини?! Погублены многие грозные отряды (воинов), уничтожены кони, слоны, колесницы, (пришли к гибели) неистовые кшатрии из разных местностей. Великая брахмано-кшатрийская рать говасов, дасамиев, васати, вратьев, ватадханов и честолюбивых бходжей, сойдясь с тобой (в бою), была вержена вместе с конями, колесницами и слонами и встретил смерть, о бхарата!

Грозных, суровых в подвигах тукхаров, яванов и кхашей, дарвов и абхисаров, даратов, шаков, раматхов и танганов, андраков и пулиндов, а также устрашающе отважных киратов, а с ними млеччхов — горцев и жителей морского побережья, яростных, сильных, опьяняющихся боем, (мощно) натягивающих (тетиву) своими руками, — всех их, яро сражающихся вместе с куру за дело Суйодханы, (никто) не сможет одолеть в бою, кроме тебя, о губитель врагов! Какой человек, если ты не будешь его защитником, рискнет выступить против мощного строя наступающей рати сыновей Дхритараштры?!

Под твоею защитою, о могучий, яростные Пандавы разбились и обратили вспять окутанное пылью (боем) войско (кауравов), подобное разлившемуся океану. Тому уже семь дней, как могущественный Джаятсена, властитель магадхов, убит в бою Абхиманью. Десять тысяч грозно нападавших слонов, принадлежавших окружению того царя, сокрушил своей палицей Бхима, а после его же мощью были повержены сотни других слонов и колесниц. И точно так же, родной, пока шла эта грозная битва, отсюда в мир смерти отправились те кау-равы, которые выступали против тебя и Бхимасены, а с ними — их кони, слоны и колесницы, о Пандава! Когда головные части войска (противника) были истреблены Пандавами, Бхишма принялся испускать страшные ливни стрел, о достойнейший Партха!

Златок разящего оружия, он лишал жизни (воинов) чеди, кашийцев, панчалов, карушей, матсьев и кекаев, накрывая их стрелами. Летящие прямо в цель, рассекающие тела недругов стрелы (Бхишмы) с золотым оперением, пущенные из его лука, заполнили небеса. Направленные в цель десятым способом, (эти стрелы) уничтожали коней, колесницы, слонов (противника). Оставив в стороне девять не подходящих ему способов, он широко метал свои стрелы. Десять дней громил Бхишма твое войско, опустошая колесницы, убивая слонов и коней. Являя себя в бою воплощенным подобием Рудры или Упендры, он ворвался в самую гущу ратей Пандавов и разгромил их.

Уничтожив (царей) хранителей земли — чеди, панчалов и кекаев, он предал огню войско Пандавов, обильное воинами, конями и слонами. Стремясь спасти Суйодхану, медленно погружавшегося в бездну, он был подобен в битве пламенеющему солнцу, так что сринджаи и другие цари не в силах были смотреть на него. Внезапно к (Бхишме), готовому к бою, разъезжавшему (на своей колеснице) по ратному полю, решительно двинулись Пандавы.

Бхишма один бросился в бой против Пандавов и сринджаев, стяжав славу героя, способного в одиночку противостоять (сонму) недругов. Но вот к тому великому колесничному воину устремился Шикхандин, находившийся под твоей охраной, и стрелами, гладкими в сочленениях, насмерть поразил того мужа-тигра. Столкнувшись с тобой, о муж-тигр, Прародитель принял смерть на ложе из стрел, словно гриф, налетевший на ворона.

Пять дней теснил грозный Дрона вражеские войска и, выбрав в великом бою (наилучшее) положение, сокрушал великих колесничных воинов. Обеспечив охрану Джаядратхи, великий колесничный воин, подобный Антаке, в яростном ночном бою повергал в пламя живущих. Спустя два дня тот герой, пламенный сын Бхарадваджи, вступил в поединок с Дхриштадьумной и удалился затем высочайшей стезей. Но если бы ты тогда не остановил в бою вражеские колесницы, во главе которых стоял Сын суты, Дрона не был бы повержен в битве! Ты сдерживал целую рать сына Дхритараштры, поэтому Паршате и удалось погубить Дрону в бою, о Завоеватель богатств!

Какой другой кшатрий, кроме тебя, совершил бы в сражении то, что удалось совершить тебе, о Партха, убив Джаядратху? Пламенем мощи своего оружия ты поверг царя синдху, преградив путь огромному войску и уничтожив царственных героев. Цари считают гибель царя синдху чудом, но это на самом деле не чудо, а (деяние) могучего колесничного воина — твое, о Партха! Если, о бхарата, кшатра, сойдясь с тобой в битве, целый день будет опаляема пламенем (твоего оружия), ей не удастся устоять — вот мое мнение.

Грозная рать сына Дхритараштры полегла в бою вместе со всеми героями, когда приняли смерть Бхишма и Дрона, о Партха! Пали лучшие среди воинов, были убиты кони, слоны и (пешие) воины, и (войско) бхаратов напоминало собой небосвод, на котором нет ни солнца, ни луны, ни звезд. Отвагою Бхимы, о Партха, повержено в битве войско (врага), как некогда войско а суров (было сражено) подвигами Шакры. Среди тех, кто остался в живых, есть пять (воистину) великих колесничных воинов: Ашватхаман, Критаварман, Карна, владыка мадров и Крипа. Когда ты расправишься с теми пятью великими колесничными воинами, о муж-тигр, ты (тем самым) избавишься (окончательно) от врагов. Передай тогда землю всеми ее городами и островами царю (Юдхиштхире)!

Пусть Партха, чья мощь и царская слава не знают пределов, владеем землей с ее горами и великими лесами, а также поднебесьем, - водою и Паталой! Истребив (недругов), как некогда Вишну — дайтев и данавов, даруй землю царю (Юдхиштхире), как Хари (даровал ее) Шакре. Пусть возликуют панчалы, когда враги будут повержены тобой, как (ликовали) боги, когда Вишну расправился с данавами!

Но если ты, о лучший из людей, почитая Дрону как своего наставника, питаешь сострадание к (сыну его) Ашваттхаману, или (жаль тебе) Крипу, которого ты тоже чтишь как наставника, если ты, почитая весьма многочисленную родню братьев-(кауравов), не сможешь отправить в обиталище Ямы Критавармана, сойдясь с ним в бою, если ты, о лотосокий, из милосердия к брату матери не сокрушишь владыку мадров Шалью, встретившись с ним (в поединке), то уж грешного помыслами Карну, готового на самую крайнюю низость по отношению к Пандавам, ты должен тотчас же покарать своими острыми стрелами, о лучший из мужей! В этом твое высочайшее предназначение, и добавь тут нечего.

Мы (доподлинно) знаем: здесь нет никакого прегрешения. (Вспомни) о той ночи, когда чуть было не сожгли твою мать с сыновьями, о безупречный, и то, как держал себя с вами Суйодхана в конце той игры; корень всех этих (бед) — злокозненный Карна, о Арджуна! Злобный Суйодхана постоянно рассчитывает на поддержку Карны, потому-то он и пытался захватить меня в плен. Твердо верит сын Дхритараштры, Индра людей, что Карна, без сомнения, одолеет в бою всех Партхов, о почтительный! Только в надежде на Карну, о Каунтея, сын Дхритараштры, зная твое могущество, решился на битву с тобой. А Карна твердит постоянно: «В великом сражении я одолею объединенные (силы) Партхов, равно как и Васудеву с царем (Юдхиштхирой)!».

Злокозненный Карна похваляется так в Собрании, тем самым поддерживая дух нечестивого сына Дхритараштры, — покарай же его немедленно, бхарата! Какие бы козни ни строил против вас сын Дхритараштры, всякий раз зачинщиком выступал грешный помыслами нечестивец Карна. Мне довелось видеть, как шестью жестокими колесничными воинами из (стана) сыновей Дхритараштры был убит сын Субхадры, герой с глазами как у быка. Он заставлял трепетать великих колесничных воинов — героев Дрону, Крипу и Драуни, сбивая наездников со слонов, лишая колесничных воинов колесниц.

(Герой) с плечами, (могучими) как у быка, умножал славу куру и врипшийцев, оставляя колеи без всадников, а пеших воинов лишая оружия и самой жизни. Он стирал с лица земли полчища (недругов), неся погибель великим колесничным воинам и отправляя людей, коней и слонов в обиталище Ямы. Но сына Субхадры тоже настигли стрелы (врага), и он запылал точно огонь. Когда я (увидел) это тело мое охватило пламенем — истиной я заклинаю тебя, о друг мой!

Вот тут-то злокозненный Карна и проявил свою ярость, но даже и он, о могучий, не мог выдержать бой с Абхиманью. Пронзенный стрелами сына Субхадры, теряя сознание, он истекал кровью и задыхался, охваченный пламенем гнева. Терзаемый стрелами (Абхиманью), он отвратил свое лицо (от битвы) и был готов покинуть поле брани, утратив надежду на жизнь. Он пребывал в крайнем смятении, слабея от ран, но вот в ходе боя Карна услышал суровые, пришедшиеся ко времени слова Дроны и рассек лук (Абхиманью). Когда он сокрушил оружие (героя), пятеро великих колесничных воинов, и среди них искушенный в низостях (Карна), потоками стрел умертвили (сына Субхадры).

И тот же Карна в Собрании в присутствии Пандавов и куру жестоко бросил в лицо Кришне (Драупади) горькие слова: «Побеждены, о Кришна, Пандавы, (отныне) их вечный удел — Нарака. Выбирай же другого супруга, о пышнобедрая, скупая на слова! Ступай служанкою в покои Дхритараштры, твоих мужей не существует больше, о тонкобровая (красавица) с устремленными вверх койчиками ресниц!». Так говорил грешный Карна, не ведающий дхармы, крайне низкий в своих помыслах, и ты слышал его греховные речи, о бхарата! Пусть усмирят (пламя) тех слов грешного (Карны) пущенные тобою отточенные на камне до блеска золоченые стрелы, отнимающие жизнь (у врагов)! Пусть усмирят твои стрелы (пламя) других греховных деяний, которые совершил против те[^]я злокозненный (Карна), (пусть погасят они огонь) его жизни! Пусть нечестивый Карна, когда тела его коснутся грозные стрелы, летящие из Гандивы, вспомнит слова Дроны и Бхишмы! Пущенные тобой молниеподобные стрелы с золотым оперением, смертельные для врага, напьются его крови, поразив его во все средоточия жизни.

Пусть острые, грозные, быстрые стрелы, пущенные твоею рукой, пронзив сердце Карны, препроводят его в обиталище Ямы! Пусть избиваемые твоими стрелами владыки земли, отчаявшиеся, подавленные, с воплями ужаса будут взирать на павшего с колесницы Карну! Пусть близкие и друзья увидят Карну распростершимся на земле с разбитым оружием, утопающим в собственной крови! Пусть, содрогнувшись, рухнет на землю сбитое твоей бхаллой мощное знамя сына Адхиратхи «Слоновья подруга!».

Пусть Шалья бежит в ужасе, бросив убитого воина и отделанную золотом колесницу, разбитую сотней твоих стрел!

Пусть Суйодхана, увидев, что сын Адхиратхи уничтожен тобой, утратит надежду на жизнь и на царство, о Завоеватель богатств! Вот мчатся на помощь к Пандавам, о лучший из бхаратов, избиваемые острыми стрелами Карны панчалы. Знай: Карна поверг сыновей Драупади и панчалов, Дхриштадьюмну и Шикхандина, сыновей Дхриштадьюмны, Шатанику — сына Накулы, а также Сахадеву и Накулу, Дурмукуху; и Джанамджи, Сувармана и Сатьяки.

Слышится ужасающий крик твоих родичей-панчалов, истребляемых Карной в великом бою, о губитель врагов, но панчалы неустрашимы и никогда не повернут вспять: великие колесничные воины, могучие лучники, они презирают смерть. Даже встретившись в битве с Бхишмой, в одиночку осыпавшим рать Пандавов потоками стрел, панчалы не покинули поля брани. Они мощно выступили против неодолимого Дроны, наставника всех лучников, который пылал огнем оружия, испепеляя (недругов).

Погубители врагов панчалы, постоянно воодушевленные (желанием) одолеть противника в битве, не убоятся сына Адхиратхи и не покинут ратного поля, хотя доблестный Карна стрелами лишает жизни стремительно мчащихся панчалов — точно огонь (пожирает) мотыльков. Встретившись с ними лицом к лицу, Радхей несет смерть сотням отважных панчалов, готовых отдать жизнь ради друга.

Грозно оружие Карны, которое некогда получил он от достойнейшего из святых мудрецов — Рамы Бхаргавы, величествен его облик. Испепеляющее любые полчища (недругов), грозное, устрашающее, оно сияет собственным блеском, останавливая на пути могучую рать.

Слетевшие с лука Карны стрелы реют над полем брани, как рои пчел, испепеля твоих (воинов). Столкнувшись в битве с оружием Карны, против которого устоять не под силу тем, что не смирили своей души, о бхарата, панчалы разбегаются в разные стороны. Обуянный яростью Бхима, окруженный со всех сторон сринджаями, бьется с Карной, о Партха, терзаемый его острыми стрелами.

Если Карну упустить из виду, он истребит и Пандавов, и сринджаев, и панчалов — так запущенная болезнь (разрушает) тело, о бхарата! В войске Юдхиштхиры я не вижу иного воина, кроме тебя, который, сойдясь с Радхеей, вернулся бы живым домой. Во исполнение своего обета, о Партха, бххарата, покарай его тотчас же острыми стрелами и обрети этим славу! Лишь ты и никто иной способен в бою одолеть (всех) кауравов вместе с Карной, о лучший из воинов, истинно я говорю тебе! Соверши этот великий подвиг — уничтожь могучего колесничного воина Карну, о Партха, и ты достигнешь своей цели, добьешься успеха. Удачи тебе, о лучший из мужей!»

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» пятьдесят первая глава,

ГЛАВА 52

Санджая сказал:

Выслушав то, что сказал Кешава, Бибхатсу, о бхарата, вмиг отринул печаль и преисполнился удовлетворения. Затем он быстро потер тетиву Гандивы, натянул лук и, готовый покарать Карну, произнес, обращаясь к Кешаве: «Если ты, что властвуешь над прошлым, настоящим и будущим, мною доволен, то при таком, как ты, покровителе победа моя предрешена, о Говинда! При твоей поддержке, о Кришна, я смогу в великом бою отправить в иной мир всю тройственную вселенную, не говоря о Карне! Я вижу бегущее войско панчалов, о Джанардана, вижу и Карну, бесстрашно сражающегося в бою. Мне видно оружие Бхаргавы, которое всюду настигает (противника), — Карна приводит его в действие, о Варшнейя, точно Шакра — великую ашани.

О той битве, в которой я буду действовать, Кришна, люди станут рассказывать до тех пор, пока стоит земля. Смертоносные (стрелы, называемые) «безухими», пущенные моею рукой, о Кришна, слетев с Гандивы, принесут погибель Карне! Теперь царь Дхритараштра проклянет себя за решение посвятить на царство недостойного царского сана Дурьодхану. Теперь, о мощнорукий, Дхритараштра лишится и державной власти, и преуспевания, и царской славы, и (самого) царства, и столицы, и сыновей. Если Карна будет убит, царь Дурьодхана отчается жить — истинно я говорю тебе, Кришна!

Пусть владыка людей (Дхритараштра), увидев Карну растерзанным на части моими стрелами, припомнит твои слова, (когда ты взывал) о мире! Пусть будут для Саубалы стрелы мои броском игральных костей, Гандива — для них ящичком, а моя колесница — разграфленным кругом для игры, о Кришна! Напьется сегодня земля крови Сына суты, который в битве не признает себе равным никого на земле, и (стрелы), летящие из Гандивы, откроют Карне высочайший путь. Теперь Радхья раскается в своих жестоких словах, которые он обратил в Собрании к Панчали, выставляя Пандавов на позор. Когда будет убит низкий душою Карна Вайкартана, Сын суты, те, что сейчас — словно бесплодный сезам, станут сезамом (плодоносящим).

«Я избавлю вас от сыновей Панду», — говаривал (Карна), но мои острые стрелы сделают лживыми эти его (слова). «Я уничтожу всех Пандавов вместе с их сыновьями», — хвалился Карна, а теперь я убью его на глазах у всех лучников. Я уничтожу сегодня Карну Радхью, опираясь на доблесть которого заносчивый сын Дхритараштры, низкий помыслами нечестивец, постоянно нас унижал, о Губитель Мадху! Теперь же, о Кришна, когда Карна будет убит, сыновья Дхритараштры вместе с царем в страхе разбегутся с яростной стремительностью ринулся к войску твоего сына — туда, куда пожелал направиться Бхима (чтобы громить вражеские) полки. Тогда другие куру со всех сторон двинули против Бхимы слонов,

колесницы, конницу и пешее воинство и отовсюду множеством стрел принялись бить по быстрой (колеснице) Бхимы, лучшей из колесниц.

Могучий душою Бхима стрелами с золотым оперением надвое и натрое рассекал летящие в него стрелы (врага), и, разбитые его стрелами, они падали наземь, (блеснув) золотым оперением. Слышался отчаянный крик юных (воинов), сражающихся на слонах, колесницах и конях, — их истреблял Бхима на глазах у твоего царя — и казалось, это (стенали) горы, дробимые ваджрой, о царь, Индра людей! Первые среди человеческих Индр, израненные превосходными (стрелами) Бхимасены, неся потери, со всех сторон продолжали наступать в бою на Бхиму, напоминая птиц, налетающих на дерево, (чтобы склевать) цветы. Однако (Бхимасена), словно бы утративший (на время) свою стремительность, перед лицом твоего войска вновь явил быстроту натиска и стал подобен воздевшему палицу Кале, который уничтожает живущих, несет (им) погибель, стремясь испепелить (все сущее) во время конца мира.

Твои (воины) не смогли отразить в битве его стремительный напор, подобно тому как живое (не в силах противостоять) Кале, который, когда настает время, нападает с разверстой пастью и уносит (жизни). Испепеляемое в битве войско бхаратов в страхе рассеялось в разные стороны, гонимое Бдшмой, словно скопление туч — мощным ветром, о великий душою бхарата! Тогда мудрый могучий Бхимасена, разгоряченный (боем), вневь обратился к своему колесничему:

«Узнай, о колесничий, то приближаются единым строем наши или же вражеские колесницы и стяги? Я ничего не различаю в (пылу) сражения; как бы мне не осыпать стрелами свое же войско! Когда, о Вишока, я вижу повсюду врагов, душу мою снедает тревога: царь (Юдхистхира) ранен, Увенчанный диадемой не возвращается — чудятся мне, колесничий, многие беды! Горе, о колесничий, что Царь справедливости покинул меня среди недругов и удалился отсюда, и я не знаю теперь, жив ли он или его уже нет в живых и что случилось с Бибхатсу, а это умножает мою скорбь. Я исполнен величайшей решимости разгромить наступающее войско недруга, и если я уничтожу в бою объединенные силы (врага), то возликую тогда вместе с тобой! Осмотри все колчаны и (посчитай) стрелы — сколько осталось их на моей колеснице, какое количество и каких видов? Узнай это точно и сообщи мне, о колесничий!»

Вишока сказал:

(Стрел) маргаба (у тебя) шестьдесят тысяч, а стрел-бритв и бхалл насчитывается по десять тысяч, (стрел) нача - две тысячи, а (стрел) прадарана — три (тысячи), о доблестный Партха-герой! Осталось еще столько оружия, что его не увезти и шести быкам на повозке, о сын Панду! Мечи (стрелы) тысячами: у тебя в запасе, о мудрый, имеются еще копья и пики — то, что приводят в движение руками. Бхима сказал:

Сейчас, о колесничий, узри суровый бой устрашающе стремительными, пущенными Бхимой стрелами, которые будут терзать царей, так что солнце падет (с небосвода), а (поле брани) будет напоминать обитель смерти. Теперь, о колесничий, станет ясно не только царям, но всякому ребенку, что либо Бхимасена один разгромит в битве куру, либо сам погибнет в бою. Да падут в сражении все куру, а меня пусть восславят миры, включая мир детей! Я один погублю всех (недугов), или же пусть они сообща одолеют Бхимасену!

Пусть только боги, которые вдохновляют на великие подвиги, даруют мне свое благословение! Пусть вернется сюда сегодня сокрушитель врагов Арджуна, словно Шакра, спешно призванный на жертвоприношение! Посмотри-ка: распадается (войско) бхаратов. Почему же бегут эти Индры людей? Ясно — то Савьясачин, первый среди мужей, стремительно осыпает стрелами войско (противника)! Смотри, о Вишока: знамена, слоны, кони и пехотинцы — (все) обращается вспять!

Посмотри, о колесничий: колесницы разбиты, а колесничные воины сражены стрелами и копьями. Однако беспощадно истребляемое войско кауравов пополняется непрерывно, хотя его косят быстрые словно ашани стрелы Завоевателя богатств с оперением из золота и павлиньих перьев. Мчатся прочь колесницы, слоны и кони, давя отряды пеших воинов, кауравы мечутся в смятении, точно слоны,

напуганные лесным пожаром. Отчаянные крики несутся над полем брани, о Вишока, Индры слонов выпускают громкие вопли.

Вишока сказал:

Исполнились, Пандава, все твои пожелания: среди отрядов (боевых) слонов показался Обезьянознаменный! Я вижу, как мелькает тетива его лука, сверкая молнией на синей туче. Водрузившись на вершину знамени Завоевателя богатств, обезьяна осматривается вокруг, блеском Творящего день сверкает дивная жемчужина на диадеме (Арджуны). Видишь, сбоку у него грозная громкозвучная Девадатта, (цветом) подобная палевому облаку. Смотри, на боку у держащего поводья Джанарданы, который врезался в неприятельское войско, виден сверкающий словно солнце, заостренный по краям диск с ваджроподобной ступицей — он умножает славу Кешавы, о герой, и ядавы всегда окружают его по сетям.

Бхима сказал:

Я дарую тебе, о колесничий Вишока, четырнадцать отборных деревень, а также сотню рабынь и двенадцать колесниц, ибо я чрезвычайно доволен: ты сообщил мне радостную весть об Арджуне! *Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» пятьдесят четвертая глава,*

ГЛАВА 55

Санджая сказал:

Заслышав грохот колесниц и львиные кличи (воинов), Арджуна повелел Говинде: «Гони побыстрее коней!» Выслушав слова Арджуны, Говинда отвечал ему: «Быстрее быстро помчусь я туда, где находится Бхима!» Яростные мужи-львы на колесницах, конях и слонах с отрядами пеших воинов, оглашая землю и стороны света свистом стрел, грохотом колесных ободов и (топотом) копыт, ринулись к Джае, приближавшемуся на своих конях цвета снега или морской раковины, покрытых золочеными попонами с жемчугом и драгоценными камнями. Видом своим (Джая) напоминал жестоко разъяренного Индру богов, взявшего в руки ваджру, чтобы одолеть стремящегося его уничтожить Джамбху.

И тут между ними и Партхой грянула суровая, великая битва, губительная для тел и жизней (воинов), (кровью смывающая) грехи; такой была некогда (битва) за владычество над тремя мирами между асурами и победоноснейшим богом Вишну. Увенчанный диадемой острыми стрелами-«бритвами» и стрелами-«полумесяцами» рассекал летящее в него лавиной всевозможное оружие, (снося) головы многим и многим (из недругов). Зонты, опахала из буйволиных хвостов, знамена, коней, колесницы, соединения пеших воинов и слонов (разили стрелы Арджуны), и (все) это рушилось на землю бесформенными горами, точно деревья, сломленные ветром.

Могучие слоны с золочеными попонами, украшенные победными гирляндами и флагами, и воины на них были унижены стрелами с золотым оперением, сияя точно горы, охваченные пламенем. Пронзая слонов, колесницы, коней отборными стрелами, схожими с ваджрою Васавы, (Арджуна) быстро продвигался вперед, горя желанием уничтожить Карну, словно некогда Владыка марутов, (вознамерившийся) сокрушить Балю.

И вот мощнорукий муж-тигр, о губитель врагов, врезался в войско сутов, точно макара в океанские (воды). Завидев его, о царь, множество твоих воинов на слонах и конях вместе с колесничными и пешими воинами ринулось навстречу Пандаве. Громкие кличи выпускали те, что устремлялись, к Партхе, — словно рокотали воды разбушевавшегося океана. Великие колесничные воины, отринув страх за свою жизнь словно тигры налетели в бою на мужа-тигра, но Арджуна, точно Мощный вихрь — облака, рассеял рать нападавших (воинов), которые ливнями сеяли стрелы. Могучие воины-лучники, объединившись, обошли Арджуну строем своих колесниц и вновь принялись разить его острыми стрелами, но Арджуна стрелами же отправил тысячи колесничных воинов, слонов и коней в обиталище Ямы.

Истребляемые в бою стрелами, слетающими с лука Партхи, великие колесничные воины в страхе пытались укрыться где попало. Четыреста героев, великих колесничных воинов, упорных (в битве), низверг острыми стрелами Арджуна в обиталище Ямы. Избиваемые в бою острыми стрелами, несущими различные знаки, они перестали осаждать Арджуну и в ужасе пустились бежать в разные стороны. Громко кричали бегущие (воины) головных отрядов войска, словно мощный поток — благо тебе! — дробился о гору.

После того как Арджуна Партха рассеял стрелами и заставил бежать (твое) войско, достойный, он развернулся и двинулся прямо к воинству сутов. Мощно звучал его клич, когда он ринулся на врагов, словно некогда Гаруда, бросившийся на змея. Услышав этот клич, могущественный Бхимасена преисполнился высочайшей радости, горя желанием свидеться с Партхой. Заслышав, что приближается Партха, пламенный Бхимасена, презревший (страх) за собственную жизнь, продолжал, о великий царь, громить твоё войско.

В стремительности подобный ветру, быстротой схожий с порывом ветра, Бхима, пламенный сын Ветра, мчался как ветер, и войско твоё распалось, громимое им, как прохудившаяся лодка в океане, о великий царь, Индра царей, владыка народов! Являя мощь своих рук, грозными стрелами Бхима громил твоё войско, стремясь отправить его в обиталище Ямы, о бхарата, и воины, столкнувшись со сверхчеловеческой мощью Бхимы в бою, дрогнули, будто перед Калой на исходе юги.

И тут, о бхарата, бык среди бхаратов, увидев, что грозно-могучие (воины) сметены Бхимасеной, великий лучник, царь Дурьодхана, так повелел всем своим воинам и охране: «Убейте Бхиму! Если он будет повергнут, то, я полагаю, (тем самым) будет погублено всё войско (Пандавов) без остатка».

Послушные приказу твоего сына цари со всех сторон обрушили на Бхиму потоки стрел. Множество слонов, колесниц и рвущихся к победе пеших воинов окружило Врикодару, о царь, Индра царей, и герой, окруженный теми героями, воссиял точно месяц среди созвездий, о царь, лучший из бхаратов! Прекрасный обликом (Бхима), лучший среди мужей, блистал в сражении, словно Виджая, а цари, о великий царь, все как один продолжали извергать потоки стрел — яростные, с глазами, красными от гнева, они стремились погубить Врикодару. Тяжкий урон нанес Бхима могучему войску своими гладкими в сочленениях стрелами, а затем покинул поле боя — словно рыба (ушла) из сети (обратно) в воду.

Уничтожив десять тысяч не отступающих (в битве) слонов, две сотни тысяч и еще двести воинов, погубив пять тысяч коней и сто колесниц, Бхима, о бхарата, породил реку, водами которой была кровь, илом — кровавые (сгустки), а водоворотами—(обломки) колесниц. Вместо крокодилов эта (река) кишела (убитыми) слонами, вместо рыбы— (телами) воинов; подобны акулам были (мертвые) кони, а волосы казались водорослями и травой. (Эта река) несла великое множество драгоценных камней, и отсеченные руки напоминали Индр среди змеев, (отрубленные) бедра — аллигаторов, костный мозг — ряску, (отсеченные) головы — скопления валунов, а (разбитые) луки—(траву) каша. (Воды этой реки) были усеяны стрелами, палицами, булавами и стягами, увлекающая отряды (павших) в бою воинов в обиталище Ямы. Вот какую реку мгновенно породил муж-тигр (Бхимасена), и была она подобна грозной Вайтарани, через которую не суждено переправиться тем, что несовершенны душой.

Куда бы ни направлялся сын Панду, лучший из колесничных воинов, всюду разил он воинов сотнями тысяч. И тогда, увидев, какой подвиг совершил в бою Бхимасена, Дурьодхана, о великий царь, обратился к Шакуни с такими словами: «Одолей же в бою, дядюшка, могущественного Бхимасену! Если он будет повергнут тобой, мне можно считать покоренной всю великую рать Пандавов». Тогда, о могучий царь, в окружении братьев (-кауравов) выступил пламенный сын Субалы, готовый к великому бою.

Приблизившись в битве к грозно-отважному Бхиме, герой воздвигся на его пути, точно берег на пути (океана), прибежища Макаров, но Бхима, остановленный было его острыми стрелами, ринулся

ему навстречу. Шакуни направил свои заточенные на камне стрелы с золотым оперением прямо ему в грудь, в левую ее сторону, о Индра царей, и, пробив золоченый панцирь, стрелы его, великого духом, снабженные перьями цапли и павлина, впились в (тело Бхимы), о великий царь! Тяжко раненный в битве Бхима, о царь бхарата, внезапно послал в Саубалу отделанную золотом стрелу, но ловкоукий Шакуни, могущественный губитель врагов, на лету рассек эту грозную стрелу на сотню частей.

Едва упала она на землю, яростный Бхима, о владыка народов с хохотом бхаллой рассек лук Саубалы, но, отбросив разбитый лук, пламенный сын Субалы поспешно взял другой вместе с шестнадцатью бхаллами. Четырьмя из тех бхалл, гладких в сочленениях, сын Субалы настиг колесничего (Бхимы), пятью — самого Бхиму, еще одной срезал его знамя, двумя — зонт, а четыре вонзил в четырех его коней, о великий царь, владыка народов!

Тогда, о могучий царь, пламенный Бхимасена в ярости метнул в него железное копьё с позолоченной рукоятью; пущенное рукою Бхимы, оно быстро мелькнуло, словно змеиное жало, и вонзилось в колесницу великого духом Саубалы. Схватив это копьё, отделанное золотом, (Шакуни), воплощение ярости, метнул его тут же обратно в Бхимасену, о владыка народов, и, пробив левую руку великого духом Пандавы, оно упало на землю, точно молния, слетевшая с небес.

Всюду вскричали тогда сыновья Дхритараштры, о великий царь, и тот львиный клич стремительных (недругов) был невыносим для Бхимы. Великий мощный колесничный воин поспешно взялся за лук с натянутой тетивой и, отринув (заботы) о собственной жизни, о Индра царей, словно бы в один миг окутал стрелами войско Саубалы.

Отважный (герой), о владыка народов, быстро сразил четверку его коней и колесничего и бхаллою срезал его знамя. Тогда лучший среди мужей (Шакуни) спешно покинул, о царь, свою колесницу с убитыми конями, (тяжко) дыша, натянул лук и не сходя с места, о глазами, красными от ярости, со всех сторон осыпал Бхиму множеством стрел. В ответ пламенный Бхимасена в ярости острыми стрелами быстро рассек лук (Шакуни) и поразил его самого.

Тяжко раненный мощным противником, губитель недругов (Шакуни) полумертвый рухнул на землю, о владыка людей! Тогда, увидав, что он лишился сознания, твой сын, о владыка народов, на глазах у Бхимасены умчал его прочь на своей колеснице. Муж-тигр (Бхимасена) оставался стоять в колеснице, а сыновья Дхритараштры повернули вспять и в ужасе перед Бхимой, гонимые страхом, разбежались в разные стороны. Когда Саубала был побежден лучником Бхимасеной, твой сын Дурьодхана, о царь, сломленный великим страхом, на быстрых конях покинул поле боя, спасая своего дядю. Видя, что царь повернул назад, его воинство, о бхарата, тоже обратилось в бегство, всюду выходя из колесничных поединков.

Едва сыновья Дхритараштры, не знающие себе равных колесничные воины, стали покидать (поле боя), Бхима стремительно ринулся вслед за ними, осыпая их многими сотнями стрел. Истребляемые Бхимой сыновья Дхритараштры, отвратившись (от битвы), добрались до Карны, о царь, и сгрудились вокруг него: наделенный великой отвагой и необычайным могуществом, он был (единственным) их прибежищем. Как мореплаватели, у которых лодка дала течь, счастливы, когда по прошествии времени прибьются наконец к острову, так и твои (воины), о царь, муж-тигр, бык-бхарата, добравшись до Карны, смогли перевести дух, радуясь друг другу, и принялись вновь готовиться к бою, заставив отступить саму смерть.

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» пятьдесят пятая глава.

ГЛАВА 56

Дхритараштра сказал:

Что же сказали, о Санджая, Дурьодхана и Саубала, когда (наши) войска были повержены в битве Бхима-сеной? (Что сказал) Карна, первый из победителей, а также (другие) мои воины — Крипа и Критаварман, Драуни и Духшасана? Безмерно удивительным кажется мне тот подвиг сына Панду, ибо

Радхея несомненно сдержал свой обет перед воинами³⁹⁷. Погубитель недругов Карна для всех куру — прибежище, защита, опора, надежда на жизнь, о Санджая! Что совершил в бою Карна, имя которому — Радхея, сын Адхиратхи, когда увидел, что неизменно могучий Каунтея разгромил (наше) войско? (Как поступили) мои непобедимые сыновья и цари, могучие колесничные воины? Расскажи мне все это, о Санджая, ведь ты — искусный (рассказчик)!

Санджая сказал:

В послеполуденный час, о великий царь, пламенный Сын суты принялся истреблять сомаков на глазах у Бхимасены, а необычайно могучий Бхима стал теснить войска сыновей Дхритараштры. Когда Карна увидел, что мудрый Бхимасена обратил в бегство его воинство, он повелел своему колесничному:

«Вези меня к панчалам!»—и могущественный царь жадров Шалья направил стремительных белых коней к чедн, панчалам и карушам. Сокрушитель вражеских полчищ Шалья проник (в самую глубину) их войска и повернул, ликуя, коней туда, куда повелел полководец (Карна). Завидев его покрытую тигровой шкурой колесницу, подобную туче, Пандавы и панчалы преисполнились трепета, о владыка народов! И вот послышался в великом бою грохот той колесницы, подобный грому Парджаньи, будто раскололась гора.

Сотнями острых стрел, выпускаемых из (натянутого) до самого уха (лука), Карна сотнями и тысячами принялся сокрушать воинов Пандавов, но тут его, вершащего в бою сверхчеловеческий подвиг, окружили великие лучники, могучие колесничные воины Пандавов. Шикхандин, Бхима и Дхриштадьюмна Паршата, Накула, Сахадева и сыновья Драупади вместе с Сатьяки ливнями стрел преградили Радхее путь, стремясь его уничтожить.

Доблестный Сатьяки, достойнейший из мужей, двадцатью острыми стрелами поразил Карну в ключицу, Шикхандин пронзил Карну в бою двадцатью пятью стрелами, Дхриштадьюмна — пятью, сыновья Драупади — шестьюдесятью четырьмя, Сахадева — семью, а Накула — сотней стрел. Затем могущественный гневный Бхимасена девятью (стрелами), гладкими в сочленениях, поразил в схватке Радхею прямо в ключицу.

Тогда наделенный величайшим могуществом сын Адхиратхй Радхея, смеясь, натянул превосходнейший из луков и принялся метать острые стрелы, терзая (недругов), каждого из которых он поразил пятью стрелами. Муж-бык (Карна) разбил лук и знамя Сатьяки и ранил его в грудь девятью стрелами, но тут яростный Бхимасена, губитель врагов, пронзил (Карну) тридцатью стрелами и тремя поразил его колесничного. Однако муж-бык (Карна) в мгновение ока лишил колесниц сыновей Драупади, и это было подобно чуду. Обратив их вспять, отважный (герой) своими гладкими в сочленениях стрелами принялся избивать панчалов и великих колесничных воинов чеди.

Но истребляемые в бою чеди и матсьи, о владыка народов, ринулись на Карну, обрушивая стрелы лавинами, а Сын суты, могучий колесничный воин, разил их (ответно) острыми стрелами. Я видел, о бхарата, тот удивительнейший (подвиг) Карны, когда пламенный Сын суты один, о великий царь, мощно громил в битве противостоящих ему героев и лучников, остановив стрелами Пандавов. Ловкостью Карны, великого духом, были довольны, о бхарата, вое боги и сиддхи и высочайшие святые мудрецы.

Тогда сыновья Дхритараштры, великие лучники, оказали почести Карне, лучшему из мужей, величайшему из великих колесничных воинов, первому из всех лучников. И тут, о великий царь, Карна наслал огонь на войско врага — словно мощный пожар, охвативший сушняк, запылал в пору жары. Непрестанно истребляемые Карной (воины) Пандавов при виде могущественного Карны в страхе бросились бежать с поля брани.

Громкий крик поднялся в великом бою среди панчалов, избиваемых острыми стрелами, пущенными из превосходного лука Карны. Напуганное их криком могучее воинство Пандавов, недругов Карны,

поняло, что воин (ведет) бой один, и тут Радхея, губитель врагов, явил высочайшее чудо, так что Пандавы все вместе не могли уследить за ним, сражающимся в одиночку.

Как поток разбивается, натолкнувшись на крепчайший из утесов, так было сметено войско Пандавов, столкнувшееся с Карной. Мощнорукий Карна, о царь, исторгая пламя, точно бездымно горящий огонь, противостоял в бою могучей рати Пандавов. Своими стрелами тот герой, о великий царь, легко отсекал героям руки, головы и уши с качающимися серьгами. Слоновьи бивни, рукояти (оружия), мечи, знамена, палицы, коней и разного рода колесницы, а также флаги и опакхала, колесничные оси, оглобли, упряжь и ярма на сотни частей рассекал Карна, верный, о царь, воинскому обету.

Казалось, что на аемле, о бхарата, некуда было ступить: она (была сплошь покрыта) комьями окровавленного мяса умерщвленных Карной коней и слонов. Из-за множества убитых коней, слонов, пеших воинов и (сокрушенных) колесниц нельзя было разобрать, где ровное место, а где — неровность; ни свои, ни вражеские воины не различали друг друга: все поглотила жуткая тьма, (которую породили) стрелы, (посланные) оружием Карны.

Упорные могучие колесничные воины, о великий царь, были сплошь унижены золочеными стрелами, пущенными из лука Радхеи, а Карна вновь и вновь громил великих колесничных воинов Пандавов, невзирая на их сопротивление. Как разъяренный лев гонит по лесу стада оленей, так многославный Карна (теснил) всюду воинов, уничтожая войска, словно волк — стада мелкого скота. Увидев, что войско Пандавов бежит, сыновья Дхритараштры, великие лучники, бросились следом, издавая грозные кличи, а Дурьодхана, о Индра царей, преисполненный величайшей радости, торжественно повелел всюду играть на различных музыкальных инструментах. Однако великие лучники панчалы, лучшие из мужей, хоть и были неоднократно громимы, вновь возвратились, как подобает героям, заставляя отступить саму смерть.

Многих из доблестных (воинов), что вернулись (и приняли) бой, погубил, о великий царь, муж-бык Радхея, губитель врагов: двадцать колесничных воинов-панчалов и более сотни (воинов) чеди и других было убито, о бхарата, яростным Карной. Опустошая колесницы и конские седла, оставляя сотни слонов без наездников и обращая вспять пеших воинов, Сын суты, гневный сокрушитель недругов, разъезжал (по ратному полю), (являя собой) воплощение Калантаки, недоступный для взгляда, точно полуденное солнце.

Но вот великий лучник Карна, сокрушитель вражеских полчищ, погубивший (множество) воинов, коней, слонов и колесниц, замер на месте, о великий царь! Могучий колесничный воин, уничтоживший сомаков, стоял в одиночестве, как стоял бы могущественный Кала, истребив сонмы живых существ.

И тут мы стали свидетелями необычайной доблести панчалов: избиваемые Карной, они не покинули сердцевины боя. Царь (Дурьодхана) и Духшасана, Крипа, сын Шарадвана, Ашваттхаман, Критаварман и Шакуни, сын Субалы, сотнями и тысячами губили воинство Пандавов. Два сына Карны — два брата, воистину отважные (воины), — всюду громили могучих панчалов, о Индра царей!

И (с новой силой) разгорелся тогда суровый и гибельный великий бой. Доблестные Пандавы, Дхриштадьюмна и Шикхандин и гневные сыновья Драупади в ярости принялись истреблять твое войско. Вот как случилось, что Пандавы всюду понесли урон в бою, но и твои воины тоже (пострадали), столкнувшись с могущественным Бхимой.

Такова в «Книге о Карие» великой «Махабхараты» пятьдесят шестая глава.

ГЛАВА 57

Санджая сказал:

Меж тем, о великий царь, Арджуна, разгромив войско (недруга) и пустив по земле кровавый поток, несущий мясо, кости и мозг, увидел в великой битве яростного Сына суты и сказал Васудеве, о муж-

бык, такие слова: «На ратном поле виднеется стяг Сына суты, о Кришна, (воины) во главе с Бхимасеной сражаются с великими колесничными воинами (кауравов). Панчалы бегут, трепеща перед Карною, о Джанардана! Вот царь Дурьодхана ярко блистает под сияющим белым зонтом: он обратил в бегство панчалов, сломленных Карной. Охраняют царя Крипа, Критаварман и могущественный Драуни, находящиеся под защитою Сына суты. Мы не добились их, и они уничтожат сомаков!

А вот, о Кришна, красуется в колеснице Шалья: искусно держа поводья, он правит колесницей Сына суты. Направь же туда (нашу) мощную колесницу — именно там сосредоточены все мои помыслы. Я ни за что не вернусь назад до тех пор, пока не уничтожу в сражении Карну, иначе Радхей на наших глазах, о Джанардана, истребит без остатка и Партхов, и великих колесничных воинов сринджаев!».

Тогда Кешава стремительно направил колесницу к твоему войску, (готовый) к колесничному поединку Савьясачина с великим лучником Карной. Когда по воле Пандавы (Арджуны) мощнорукий Хари тронулся в путь, сам (вид) его колесницы повсюду внес успокоение в ряды Пандавов.

Гром колесницы, на которой Пандава (вступил) в бой, о достойный, был подобен (звону) ашани Васавы или (рокоу) бурного потока. Мощно гремя колесницей, воистину доблестный Пандава Виджая, чья душа беспредельна, ринулся к твоему войску. Царь мадров (Шалья), завидев знамя великого духом Белоконного, приближавшегося вместе с Кришной, своим колесничим, сказал, обращаясь к Карне:

«Вот близится в колеснице, громя в бою недругов, тот, о ком ты спрашиваешь с нетерпением, Карна, — то Белоконный (Арджуна), и колесничим у него — Кришна. Каунтея стоит, касаясь лука Гандивы. Если ты уничтожишь его теперь же, то будет благом для нас! Войска сыновей Дхритараштры всюду бегут, (испытывая) страх перед Арджуной, стремительно громящим многочисленных недругов. Я вижу, как, минуя всех воинов, Завоеватель богатств устремляется прямо к тебе: именно так развернут его корпус. Пылающий гневом, обуянный жаждою боя Партха ни с кем не вступит (в сражение), кроме тебя, тем более посыле того, как ты нанес поражение Врыкодаре. Увидев, что Царь справедливости остался без колесницы, что он тяжело ранен, узнав, (что стало) с Шикхандином, Сатьяки, Паршатай-Дхриштадыомной и сыновьями Драупади, а также с Юдхаманью,

Уттамауджасом и с двумя его братьями, Накулой и Сахадевой^ яростный Партха, глаза которого красны от гнева, один на своей колеснице быстро направляется к тебе, исполненный стремления уничтожить всех лучников, о губитель врагов!

Он спешно обходит нас, минуя без сомнения наши рати; выступи против него, о Карна, ибо нет здесь иного (достойного Арджуны) лучника! В этом мире, среди тех, что владеют луками, я не вижу иного (воина), кроме тебя, который сдержал бы в бою яростного Арджуну, точно берег — (разлив вод). Не видно, чтобы (кто-нибудь) охранял его с тыла или с бокову смотри — он приближается к тебе в одиночку — (не упусти же) своей удачи! Только ты способен противоборствовать в поединке обоим Кришнам, это твой долг, о Радхей! Так выступи же навстречу Завоевателю богатств! Так же как Бхишма, Дрона, Крипа и Драуни, ты достойный соперник Савьясачина в колесничном бою.

Останови же Пандаву (Арджуна), одолей, о Карна, Завоевателя богатств — эту змею с высунутым жалом, этого ревушего быка, этого затаившегося в логове тигра! Владыки земли, сыновья Дхритараштры, могучие колесничные воины, стремительно без оглядки бегут с поля боя в ужасе перед Арджуной, и нет человека, кроме тебя, который бы мог развеять страхи бегущих, о доблестный Сын суты! Все куру, собравшись вокруг тебя, своего прибежища в битве, уповают на твою защиту, о муж-тигр! Так выступи же навстречу Пандаве и Васудеве Варшнее, любимому Увенчанном диадемой, яви, о Радхей, свою отвагу, благодаря которой побеждены тобой в битве непобедимые вайдехи, амбашти, Камбоджи, нагаджиты и гандхары!»

Карна сказал:

Теперь ты в обычном для тебя состоянии, о мощнорукий Шалья, и согласен со мной в этот час; выглядишь ты лишенным страха перед Завоевателем богатств. Полюбуйся теперь на силу моих рук, посмотри, как я искусен: я один уничтожу великую рать Пандавов вместе с обоими Кришнами, тиграми среди мужей! Истинно я говорю тебе: я не вернусь с поля брани, если не одолею обоих героев! Даже если мне суждено уснуть (вечным сном), приняв смерть от их рук — ведь удача в бою переменчива, — либо я достигну своей цели, погубив их обоих, либо сам погибну (в сражении). Как мы слышали, до сих пор в мире не было воина, равного Партхе, лучшему среди колесничных воинов. Теперь мне предстоит с ним сразиться. Смотри, каково мое мужество в суровом бою! Сын царя кауравов, отважнейший из колесничных воинов, едет на колеснице, (влекомой) быстрыми конями, (и кто знает), не несет ли он мне гибель! Ведь с гибелью Карны наступит конец всем.

Усеянные шрамами мощные руки царского сына не покрываются потом и не дрожат, он тверд в обращении с оружием, искусен и скор на руку — не существует воина, равного Пандаве! Он мечет, точно одну, великое множество (стрел) с оперением канки, истребляя царей; его меткие (стрелы) бьют на расстоянии кроши — так есть ли на земле такой воин, который может сравниться с ним?!

Превосходнейший колесничный боец, стремительный Пандава, имея союзником Кришну, насытил (в Кхандаве) Пожирателя жертв. Великий духом Кришна получил там свой диск, а мощнорукий Пандава Савья-сачин, чья душа не знает тревоги, (принял) от Уносящего жертвы лук Гандиву, прекрасную громкозвучную колесницу, запряженную белыми конями, а также два дивного вида не-иссякающих колчана вместе с небесным оружием.

В мире Индры он истребил неисчислимые (полчища) дайтьев и всех калакеев и получил там раковину Девадатту — так кто же, скажите, превыше его на земле?! Достоянейший (воин) умиловил Махадеву, когда тот (явился ему) воочию в суровом бою, и получил (от него) великое грозное оружие Пашупату, способное сокрушить тройственную вселенную. Тогда же Хранители мира, собравшиеся все вместе, вручили ему каждый свое оружие неизбывной мощи, которым он покарал в бою всех асуров-калакханджей, львов среди мужей. А в городе Вираты он один на своей колеснице одолел нас всех вместе, захватил в битве стада скота и отобрал одеяние у великих колесничных воинов.

Вот какого героя я вызываю на бой: среди (других) достоинств он наделен отвагой, соратник его — Кришна, и охраняем он тем беспредельно отважным Кешавой, самым несравненным Нараяной! Десятков тысячелетий не хватит, чтоб рассказать всеми мирами вместе взятыми о достоинствах великого духом Джвдпну, (в котором явлен миру) Вишну и сын Васудевы с мечом, диском и раковинной в руке. Тревога и страх одолевают меня, когда я вяжу обоих Кришн на одной колеснице. Оба великих колесничных воина отважны, искусны, тверды в обращении с оружием, оба наделены сокрушительной мощью — вот каковы Пхальгуна и Васудева, о Шалья; так кто же иной, кроме меня, сможет выступить против (них).

В бою я умерщвлю их обоих, или же те двое Кришн уничтожат меня». После таких слов, обращенных к Шалье, губитель недругов Карна издал (боевой) клич, подобный (грохоту) тучи. Вместе с твоим сыном, приняв от него почести, приблизился он к героям куру и обратился с речью к мощноруким Крипе и Бходже, к царю Гандхары и его младшему брату, к сыну наставника (Дроны), своему младшему брату, а также ко всем остальным воинам — как пешим, так и восседающим на слонах:

«Налетайте на Ачьюту с Арджуной, преградите им путь, быстро со всех сторон сожмите их в плотное кольцо, так, чтобы я, о владыки земли, тотчас же смог без труда уничтожить их, когда они будут тяжело изранены вами!» — «Да будет так», — отвечали отважнейшие из героев. Спешно ринулись они к Арджуне, исполненные желания погубить его, но Арджуна поглотил их в битве, словно могучий многоводный океан — большие и малые реки.

Врагам не удавалось уследить, как он нацеливает и как мечет свои отборные стрелы; пронзенные стрелами Завоевателя богатств падали замертво воины, кони, слоны. Словно люди с больными глазами на солнце, кауравы были не в силах поднять глаза на Джаю, пламенной мощью подобного солнцу конца юги, лучи которого — стрелы, а завораживающий диск — Гандива. Крипа, Бходжа и сам твой сын, меча стрелы, ринулись на него, но Пандава стремительно и мощно рассек в великой битве те отборные быстрые стрелы своими, меткими и смертоносными, пробив (каждому из недругов) грудь тремя стрелами. Арджуна-солнце, полным диском которого был натянутый до отказа Гандива, сжигал врагов жгучими лучами-стрелами, подобный Сурье в ореоле сияния между Шучи и Шукрой.

Но вот сын Дроны пронзил Завоевателя богатств десятью и Ачьюту — тремя острыми стрелами, затем четырьмя отборными стрелами ранил четырех коней (Арджуны) и обезьяну (на его знамени). В ответ Завоеватель богатств тремя стрелами (рассек) трепещущий от напряжения лук Драуни, стрелою-«бритвой» (снес) голову его вознице, четырьмя (стрелами свалил) четырех его коней и тремя сшиб знамя о его колесницы. Исполненный ярости, тот взял другой туго натянутый лук, изукрашенный золотом, самоцветами и алмазами и сверкающий точно кшгъцо Такшаки, подобный огрүмшному змею, (обрушивающемуся) с горы.

Драуни, (воин) высоких достоинств, бросил на землю (разбитое) оружие и, укрепив тетиву на том луке, с близкого расстояния принялся разить отборными стрелами достойнейших непобедимых мужей, стоящих в одной колеснице. Крипа, Бходжа и твой сын ринулись на Партху, словно тучи на Гонителя тьмы, но тот своими стрелами (рассек) лук Крины вместе со стрелой, (сбил) его знамя и (убил) коней и колесничего. Под крик твоего сына пламенный (Арджуна) стрелами расколол его знамя и лук, а следом за тем убил превосходных коней Критавармана и срезал его стяг.

Он быстро расправился со слонами и колесничным войском, с конями ж колесничими, (ломаю) луки и (сбивая) знамена, так что твоя огромная рать оказалась разметанной, точно мост, снесенный (бурными) водами. И тут Кешава на колеснице Арджуны быстро совершил апасавью вокруг потрясенных недругов. Тогда другие рвущиеся в бой воины на добротнo оснащенных колесницах с устремленными ввысь знаменами снова ринулись на стремительно мчавшегося Завоевателя богатств, словно (асуры) на Совершителя ста жертвоприношений, вознамерившегося уничтожить Вритру. Тут Шикхандин, Шайнея и Близнецы, великие колесничные воины, обойдя колесницу Завоевателя богатств, преградили путь недругам, разя их острыми стрелами и издавая грозные кличи.

И вот отважнейшие среди куру и сринджаи в ярости принялись истреблять друг друга меткими яркопламенными стрелами — так некогда бились асуры с лучшими из богов. Падали (замертво) рвущиеся к победе (воины) на слонах, колесницах и конях, лелея надежду оказаться на небесах, о губитель врагов! Они издавали громкие кличи и мощно разили друг друга метко нацеленными стрелами. Из-за темноты, (порожденной обилием) стрел, которые (метали) один в другого могучие духом лучшие из воинов в этом великом бою, не (видно) было, о царь, ни небосвода, ни одной из десяти сторон света, и даже сияние солнца заволокло мраком.

Такова в «Книге о Карие» великой «Махабхараты» пятьдесят седьмая глава.

ГЛАВА 58

Санджая сказал:

Желая спасти Каунтею Бхиму, который словно бы тонул под натиском отборных сил куру, Завоеватель богатств, разгромивший своими стрелами рать Сына суты, продолжал отправлять вражеских героев в мир смерти, о царь-бхарата! Было видно, как сети его стрел заволакивали постепенно весь небосвод, истребляя твое воинство. Заполнив стрелами поднебесье, где вились птичьи стаи, Завоеватель богатств, о великий царь, явился для куру самим Антакой. Бхаллами, стрелами-«подковами», (другими) отполированными до блеска стрелами Партха пронзал тела (воинов) и отсекал им головы.

Все вокруг было покрыто обезглавленными, лишенными доспехов (телами) павших и умирающих воинов с отсеченными членами. Из-за разбитых стрелами Завоевателя богатств колесниц, (убитых) воинов, коней и слонов поле битвы, о царь, стало подобно великой Вайтарани. Земля была усеяна обломками колес, осей, дышл, колесницами без коней и с конями, с колесничими и такими, колесничие которых были убиты. Тогда на Арджуну ринулись разъяренные, истекающие мадой, отборные слоны Критавармана.

На тех (слонах) восседали изукрашенные золотом воины, облаченные в золотые доспехи, и направляли их яростные погонщики. Сраженные ливнем стрел Увенчанного диадемой эти четыреста (слонов) рухнули, словно снесенные (ваджрой) вершины могучей горы о населяющими их существами. Место (сражения) было завалено (телами) отборных слонов, поверженных стрелами Завоевателя богатств, и колесница Арджуны пробивались вперед подобно солнцу, прорезающему тучи. Путь Пхальгуны был устлан сраженными им слонами, конями и (телами) воинов; грудями (лежали) разбитые колесницы и безжизненные, растерзанные (тела) жадных до битвы воинов, лишенных оружия, средств передвижения и доспехов. Мощным, ужасающим звоном заставил он зазвенеть Гандиву, грозный удар которого был сокрушающ, точно (удар) ваджры, схожий с небесным громом.

И вот истребляемое стрелами Завоевателя богатств войско (кауравов) распалось, подобно тому как в сильную бурю на море разваливается огромная лодка. Посылаемые Гандивой, смертоносные стрелы различного вида, - подобные пылающим головням, метеорам и ашани, наслали пламя на твое войско. Твоя великая рать под ударами этих стрел трепетала, словно горящая в ночи банановая роща на высокой горе. Охваченные пламенем, избиваемые стрелами Увенчанного диадемой воины (кауравов), подавленные, разгромленные, поверженные, устремились в разные стороны. Испепеляемые Савьясачином куру бросились врассыпную, словно стада зверей в огромном лесу, когда их пожирает пламя пожара.

Отступившись от мощнорукого Бхимаоены, все перепуганные воины куру (до единого) повернули вспять с поля боя. Теперь, когда куру были сломлены, непобедимый Бибхатсу тотчас вернулся, соединившись с Бхимасеной. Встретившись с Бхимою, Пхальгуна, Завоеватель богатств, посоветовался (с ним), сообщил ему, что Юдхиштхира в добром здравии, а затем с дозволения Бхимасены тронулся в путь, оглашая землю и небеса громом своей колесницы, о бхарата!

И тут Завоевателя богатств окружили вдесятером грозные быки-недрузи — твои сыновья из тех, что младше Духшасаны. Натягивая луки, суровые (воины) будто приплясывали, о бхарата, осыпая (Арджуну) стрелами, (которые обрушивались), как метеоры, на слона. Губитель Мадху принялся колесницей совершать апасавью, но пока колесница Арджуны разворачивалась, те герои вновь ринулись вперед. (Стрелами) нарача и «полумесяцами» Партха стремительно разил знамена, колесницы и луки нападавших, (отражая) их стрелы.

Десятью (стрелами) бхаллами (Арджуна) снес (воинам) головы; лица павших с красными от ярости глазами и закушенными губами были подобны звездам на небосклоне. Сразив десятью быстрыми бхаллами, украшенными золотым оперением, десять кауравов с золотыми браслетами на руках, тот губитель врагов двинулся дальше.

Такова в «Книге о Еарне» великой «Махабхараты» пятьдесят восьмая глава.

ГЛАВА 59

Санджая сказал:

Но тут в бой против (воина) с лучшей из обезьян на стяге, едущего на быстрых конях, выступили (остальные) девяносто героев, колесничных воинов куру. Эти мужи-тигры окружили в бою Арджуну, мужа-тигра, но Кришна направил своих украшенных золотом, покрытых жемчужными попонами стремительных белых коней в сторону колесницы Карны. Когда Завоеватель богатств, громя недругов,

устремился к колеснице Карны, на него тотчас же, обрушивая ливни стрел, ринулись колесничные воины-саншаптаки.

Острыми стрелами настиг Арджуна каждого из спешивших к нему девяносто героев вместе с их колесничными, луками и знаменами, и они пали (наземь), сраженные разной формы стрелами Увенчанного диадемой, подобно тому как сиддхи (низвергаются) с небес вместе с виманами, когда иссякают их благие заслуги. Тогда против Пхальгуны, первого среди бхаратов, бестрепетно выступили (воины)-куру на колесницах, слонах и конях, о лучший из куру!

Завоеватель богатств ринулся наперерез мощной яростной рати твоих сыновей, которая, не меча оружия, направила (против него) отборных слонов. Но вот могучие лучники куру принялись осыпать потомка Куру пиками, мечами, копьями, дротиками и секирами, топорами и стрелами, однако Пандава своими стрелами отразил эту взметнувшуюся лавину оружия, направленную куру,— точно солнце (прорезало) тьму своими лучами. Тогда по приказу твоего сына на ста тринадцати слонах, истекающих мадой, с тыла напали на Партху млеччи.

Они осыпали Партху, стоявшего в колеснице, (стрелами) карни и палика, пиками, копьями и дротиками, кампанами и бхиндипалами. Но Пхальгуна острыми бхаллами и стрелами-«подумесяцами» отразил лавину оружия, которую, ликуя, обрушили юные (воины), восседавшие на слонах. Мощными стрелами, помеченными различными знаками, он (разил) слонов с флагами и наездниками — так (Индра) дробил горы ваджрами.

Настигаемые стрелами с золотым оперением огромные слоны в золоченых гирляндах падали замертво, словно (рушились) горы, пылая огнем. Мощно звенел Гандива среди крика людей, конского ржания и рева слонов, о владыка народов! Раненые слоны разбежались в разные стороны, и кони, лишившись своих седоков, уносились, о царь, в десяти разных направлениях. Тысячи колесниц без коней и колесничих выглядели, о великий царь, подобно граду гандхарвов.

Было видно, как мечутся всюду конные всадники, о великий царь, настаигаемые стрелами Партхи. В то самое время Пандава явил мощь своих рук, один одолев в сражении конницу, слонов и колесничных воинов.

И тут, о царь, бык-бхарата, Бхимасена, увидев, что Увенчанной диадемой окружен могучей трехчастной ратью (кауравов), прервал бой с несколькими твоими колесничными воинами из тех, что еще уцелели, и стремительно ринулся к колеснице Завоевателя богатств. Тогда, завидев, что Бхима спешит (на помощь) брату, твои воины, большинство которых пало от рук Арджуны, в страхе бросились прочь.

Неутомимый Бхима, вооружившись палицей, принялся добивать в великом сражении быстрых коней, которых еще не успел уничтожить Арджуна. Стремительно обрушивал Бхима устрашающую, словно ночь конца света, сокрушающую людей, слонов и коней грозную свою палицу, способную сокрушить крепостные валы вместе со сторожевыми башнями и воротами, на людей, коней и слонов, и погубила она, о достойный, множество всадников и коней. (Сколько) воинов в железных и медных доспехах, (сколько) коней положил Пандава своей палицей! С (предсмертными) криками они падали замертво наземь. Затем, покончив с отрядом слонов, могучий Бхимасена вновь поднялся на свою колесницу и двинулся вслед за Арджуной.

Вражеское войско, разгромленное, преследуемое постоянно оружием (Пандавов), застыло в растерянности, о великий царь, многие (воины-кауравы) покинули поле боя. Увидев, что воинство (недруга) нерешительно в замешательстве застыло на месте, Арджуна осыпал его стрелами, способными выжечь все живое. Когда смертоносные стрелы Арджуны стали разить в великом бою колесничных воинов, коней и слонов куру, в их рядах поднялся отчаянный крик.

С громкими воплями ужаса твои воины жались друг к другу, кружась на месте, как огненное колесо. Твое пылающее войско в пробитых стрелами доспехах утопало в крови, напоминая (видом) заросли цветущей ашоки. Узрев отвагу Савьясачина, все куру пришли в отчаяние, (опасаясь) за жизнь Карны; понимая, что им не устоять в бою против натиска стрел Цартхи, куру повернули вспять, повергнутые Владыкой лука Гандивы. Они прекратили бой с Партхой, истребляемые его стрелами, и в ужасе бросились врассыпную, громко взывая к Сыну суты. Партха же ринулся следом за ними, рассыпая многие сотни стрел на радость вои-нам-Пандавам во главе с Бхимасеной. А сыновья твои, о великий царь, устремились навстречу колеснице Карны, ибо для них, тонущих в пучине (бедствий), Карна один был островом (спасения).

О великий царь! Куру, точно лишённые яда змеи, приникли к Карне в страхе перед Владыкой лука Гандивы. Подобно тому как все живое, подвластное карме, испытывая ужас перед смертью, ищет опоры в дхарме, так и твои сыновья, трепеща перед великим душою Пандавой, возлагали надежды лишь на могучего лучника Карну, о бхарата, владыка людей! И Карна сказал утопающим в крови, подавленным ужасом, (воинам), страдающим от стрел: «Не страшитесь! Приблизьтесь ко мне!» Видя, что твоя рать полностью сломлена могуществом Партхи, Карна натянул свой лук и замер, полный решимости разгромить недругов, а затем на глазах у Савьясачина снова напал на панчалов.

В ответ (цари), хранители земли, глаза которых (от ярости) были подобны кровавой ране, мгновенно обрушили на Карну лавины стрел, подобно тому как тучи (обрушиваются) на землю (потоки дождя). Но следом за тем тысячи стрел, пущенных Карной, лишили жизни (многих) из панчалов, о достославный, лучший из живущих! И тут, о владыка народов, между Сыном суты и избиваемыми им панчалами, жаждущими уничтожить недруга ради друга, разгорелся великий бой.

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» пятьдесят девятая глава.

ГЛАВА 60

Санджая сказал:

Когда, о царь, колесничный воин Белоконный обратил в бегство куру, Сын суты Карна мощными стрелами принялся громить сыновей панчалов — словно ветер (рассеивал) скопища облаков. Сбив анджаликой с колесницы возничего и убив коней Джанамеджаи, он осыпал бхаллами Шатанику и Сутасому и раздробил их луки. Сын суты поразил шестью (стрелами) Дхриштадыомну, убил в бою его правого коня, а затем, уничтожив коней Сатьяки, сразил сына владыки ке-каев Вишоку. Когда тот юноша был убит, (к месту схватки) устремился полководец властителя кекаев Уградханван и тут же напал на сына Карны Сушену, тяжело ранив его устрашающе быстрыми стрелами.

Тремя стрелами-«полумесяцами» Карна мгновенно отсек (Уградханвану) обе руки и голову, и он, бездыханный, рухнул с колесницы на землю, точно срубленный топорами шал. Внук суты Сушена, словно бы пританцовывая на месте, обрушил на героя из (рода) Шини, кони которого были убиты, острые, прямо летящие стрелы, но тут же сам рухнул, сраженный стрелами внука Шини. Когда погиб сын Карны, душа его исполнилась гнева, и вознамерился он уничтожить (Сатьяки), быка (из рода) Шини.

Со словами: «Ты убит, внук Шини!» — он выпустил губительную для недруга стрелу. Но Шикхандин тремя своими стрелами рассек эту его стрелу, и еще тремя поразил самого Карну. В ответ тот разбил лук и знамя Шикхандина и двумя стрелами настиг самого высокородного (героя). Затем великий духом, суровый, собранный сын Адхиратхи вонзил шесть (стрел) в Шикхандина, срезал голову сыну Дхриштадыомны и острой стрелой поразил Сутасому. Когда, о царь-лев, в ходе яростной битвы пал сын Дхриштадыомны,

Кришна сказал:

«Ряды панчалов тают. Ступай же, о Партха, и уничтожь Карну!».

Тогда прекраснорукий (Арджуна), отважнейший среди мужей, ликуя, быстро ринулся на своей колеснице к колеснице сына Адхиратхи, чтобы в грозный час стать опорой для тех, кого громил предводитель колесничных воинов. Со страшным звоном натянул он Гандиву, сильно ударя ладонью по тетиве, и внезапно (все вокруг) потемнело от стрел: это (Арджуна) принялся истреблять слонов, коней, колесницы и колесничных воинов (недруга). Следом за ним на своей колеснице в бой вступил Бхпмасена, охраняя с тыла первого героя (битвы) Пандаву. Оба царевича (Накула и Сахадева), оставив тех врагов, с которыми сражались, также спешно устремились на своих колесницах к Карне.

А между тем Сын суты учинил великое побоище, истребляя сомаков. Он уничтожил сонмища колесничных воинов, коней и слонов, покрыв стрелами стороны света. Уттамауджас и Джанамеджая, яростные Юдхаманью и Шикхандин, соединившись с Паршатой, кличем бросили вызов Карне, осыпая его стрелами. Те пять колесничных воинов-панчалов вместе с (другими) прекрасными (бойцами) ринулись на Карну Вайкартану, но не смогли сбросить его с колесницы, как (не могут) индрии (лишить) стойкости того, кто совершенен душой. Рыча словно лев Карна иссек стрелами их луки, знамена, флаги, колчаны, коней и колесничных и пятью ранил (самых героев). Отчаяние охватило воинов: казалось, земля с горами и деревьями вот-вот расколется от звона лука (Карны), рука которого (не уставала накладывать)- стрелы на тетиву, сея смерть среди нападавших.

Сын Адхиратхи, мечущий стрелы из туго натянутого лука, подобного луку Шакры, был схож в поединке с пламенеющим солнечным диском, сияющий ореол которого был окружен гирляндой лучей. Двенадцатью острыми стрелами он поразил Шикхандина, шестью - Уттамауджаса, тремя — Юдхаманью и по три быстрых (стрелы) послал в Сомаку и сына Паршаты. Те пять великих колесничных воинов, губителей врагов, поверженные в той великой битве Сыном суты, оказались бездейственны, словно объекты индрий, отринутые человеком, подчинившим себе атман.

Тогда сыновья Драупади ринулись спасать своих дядей по матери, ибо те тонули в океане (могущества) Карны, точно купцы в море, когда их суда терпят крушение. Колесницы (царевичей и послужили) им крепко сбитыми лодками, (на которых они смогли выбраться) из того океана. Затем (Сатьяки), бык среди потомков Шини, острыми стрелами рассек множество стрел, направляемых Карной, и, ранив Карну железными заостренными {стрелами}, восемью поразил твоего старшего сына. Крина и Бходжа, а также твой сын и сам Карна принялись теснить (Сатьяки) острыми (стрелами), и тот достойнейший из ядавов сражался с ними четырьмя, словно владыка дайтьев с властителями сторон света.

Звения натянутым до отказа изогнутым луком, из которого непрерывным дождем сыпались стрелы, Сатьяки был еще более недоступен (для недругов), чем полуденное солнце на осеннем небе (для глаз). Губители врагов панчалы, надежно вооруженные колесничные воины — все вместе снова направились к своим колесницам, чтоб охранять героя из (рода) Шини в великой битве, подобно тому как сонмы марутов (охраняли) Шакру в бою с врагами.

И тут меж твоими воинами и их недругами разгорелась грозная битва, гибельная для колесничных воинов, слонов и коней, — таким был некогда (бой) между богами и асу-рами. Колесничные и пешие воины, кони и слоны метались, осыпаемые всевозможным оружием, сталкиваясь друг с другом, истребляя своих же, и с отчаянными криками падали замертво. Меж тем твой сын, младший брат царя, бесстрашно ринулся на Бхиму, осыпая его стрелами. Врикодара тоже стремительно бросился ему навстречу, подобно льву, когда тот кидается на крупного (оленя) руру.

И тут меж ними завязалась нечеловеческая схватка, подобная той, что была между Шакрой и Шамбарой; ставкой для игроков (в этой игре) была сама жизнь, ярость рождали друг в друге оба грозных (соперника). Жестоко избивали они друг друга губительными для плоти, ярко блистающими стрелами и были подобны двум впервые истекающим мадой, (бьющимся) из-за слониhi мощным слонам, сердца которых полонил Манматха. Врикодара двумя стрелами-«бритвами» быстро разбил лук и знамя твоего сына, вонзил стрелу ему в лоб, а его вознице снес голову с плеч. Тогда царевич,

взяв другой лук, двадцатью стрелами поразил Врикодару и сам принялся править конями, продолжая изливать на Бхиму дождь прямо летящих стрел.

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» шестидесятая глава.

ГЛАВА 61

Санджая сказал:

И вот царский сын Духшасана, вступивший в жаркую схватку (с Пандавой), совершил невозможное: стрелой-«бритвой» рассек лук Бхимы, а шестью (другими) стрелами настиг его возницу. Затем великий духом (воин) множеством отборных стрел стремительно поразил Бхимасену, но тот, истекая (кровью), словно слон — мадой, метнул в него в битве свою палицу. Бхимасена мощно покрыл ею (расстояние) до Духшасаны в десять дханвантар, и сраженный той быстрой палицей Духшасана, содрогаясь, рухнул на землю. (Палица Бхимы) на лету сразила его коней и колесничего, обратила в прах его колесницу, а сам (Духшасана), доспехи, убранство, одежда и венок которого были растерзаны, недвижимый, громко кричал от боли, о Индра людей!

Затем стремительный Бхимасена соскочил с колесницы и, помня о распре, затеянной твоими сыновьями, пешим направился (к Духшасане), вперив в него тяжелый взгляд. Обнажив свой острый, заточенный по краям меч, он наступил на горло лежащему на земле в судорогах (врагу), рассек ему грудь и принялся пить еще теплой его кровь. Он пил жадно и долго, бросая вокруг свирепые взгляды, пил и приговаривал:

«Превыше всего я ценю этот напиток из добытой мною сегодня крови — превыше молока из материнской груди, чистого масла с медом, (превыше) чтимого напитка из мадхуки, питья из небесной влаги и даже лучшего (из напитков) — молока, смешанного с простоквашей!».

Те, кто видел тогда, как Бхимасена, произнося эти слова, вновь и вновь припадал (к ране) и, приплясывая, в радостном возбуждении стремился напиться (кровью врага), объятые трепетом, в ужасе падали ниц. Оружие валилось из рук падающих воинов, они громко кричали от страха, закрывая глаза, чтобы не видеть (происходящего). Все вокруг, кому довелось видеть, как Бхима пьет кровь Духшасаны, охваченные смятением, бежали прочь, возглашая: «Это не человек!».

А (Бхимасена) продолжал говорить, обращая свои слова к слуху отважнейших в мире: «Теперь, когда я пью кровь из твоего горла, нечестивейший из людей, посмеешь ли ты снова сказать столь же высокомерно: «Корова! Корова!».

Ночлег в Праманакоти, попытка отравить (меня) смертельным ядом, коварное нападение змей, сожжение смоляного дома и, наконец, похищение царства с помощью игры, наша жизнь в лесах, неудобные пристанища, (раны) от стрел и (иного) оружия в битвах — вот те беды, которые непрестанно претерпевали мы из-за низости Дхритараштры и его сыновей, а счастье— где оно было?!». Закончив эту свою речь, Врикодара, одержавший победу (над недругом), вновь заговорил, о великий царь, обращаясь с улыбкою к Арджуне с Кешавой: «Все, что вы слышали от меня насчет Духшасаны, я исполнил в бою, о герои!».

Теперь же мне предстоит выполнить другой (свой обет): убить второго — Дурьодхану, (как убивают) жертвенное животное. Только поправ ногою голову нечестивца на глазах у всех кауравов, я обрету покой!» Произнеся эти слова, безмерно могучий (Бхима), великий духом, ликуя, издал громкий клич и, окропленный кровью с головы до ног, принялся приплясывать, словно Тысячеокий, одолевший Вритру.

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» шестьдесят первая глава.

ГЛАВА 62

Санджая сказал:

Когда Духшасана был убит, твои сыновья, великие колесничные воины, герои, не отступающие в сражениях, исполнились яда великого гнева. Отважнейшие из них, о царь, вдесятером принялись разить Бхиму стрелами. Кавачин, Нишангин, Папган, Дандадхара и Дханурдхара, а также Алолула, Шала, Сандха и Ватавега с Суварчасом, потрясенные гибелью брата, разом, все вместе осыпали мощнорукого Бхимасену стрелами. Окруженный со всех сторон стрелами, (посылаемыми) великими колесничными воинами, Бхима, глаза которого были налиты кровью от ярости, был гневен, словно сам Кала.

(Сверкая) золотыми браслетами, Партха десятками остро отточенных быстрых бхалл с золотым оперением разом отправил тех (воинов) в обиталище Ямы. Когда те герои были убиты, войско твое, охваченное ужасом перед Пандавой, бросилось бежать на глазах у Сына суты. Тогда, о могучий царь, видя доблестный подвиг Бхимы, (обрушившегося на кауравов), точно Антака на живущих, Карна сам вступил в великую битву. Шалья, краса собрания (кшатриев), угадав по виду Карны его состояние, обратился к нему, о губитель врагов, о соответствующими времени словами:

«Не печалься, Радхей, не пристало это тебе! Цари бегут, охваченные страхом перед Бхимасеной, Дурьодхана объят смятением, горя о гибели брата. Разум их помутился, когда великий душой (Бхимасена) пил кровь Духшасаны, и ярость их вытеснена горем. Оставшиеся в живых братья, Крипа и другие, со всех сторон стекаются к Дурьодхане, о Карна! Герои Пандавы и воины, которых ведет с собой Завоеватель богатств, обрели цель: они устремляются к тебе, готовые к бою. Опираясь на свое великое мужество, следуя дхарме кшатрия, выступи же, муж-тигр, навстречу Завоевателю богатств!

Вся тяжесть (ответственности) возложена сыном Дхритараштры на тебя, так неси же ее, о мощнорукий, так, как позволяют тебе твои силы, твое величие. Победишь — вечная тебе слава, будешь повержен — тебе уготованы небеса. Пока ты пребываешь в смятении, о Радхей, твой сын Вришасена неистово нападает на Пандавов».

Выслушав эти слова непомерно могучего Шалы, (Карна) сердцем своим ощутил твердое желание воина — биться (с врагом). Тут Вришасена яростно налетел на Врикодару, когда тот, громя недругов, стоял в своей колеснице, подобный Кале, воздевшему жезл, — с палицею в руке он крушил твоих (воинов). Отважный Накула в гневе напал на сына Карны, (опьяненного) радостью боя, и начал теснить недруга стрелами, словно победоносный Магхаван, вознамерившийся покарать Джамбху.

Затем доблестный Накула стрелою-«бритвой» срезал его знамя с браслетами из раковин, отделанными хрусталем, и бхаллой (рассек) сверкающий лук сына Карны, перевитый золотой лентой. Но сын Карны взял другой быстрый лук и, надежно вооружившись, принялся чудесным могучи[^] оружием разить Пандаву Накулу, стремясь отомстить за Духшасану.

Тогда разъяренный Накула, великий душой, стал разить его стрелами, подобными крупным метеорам, а сын Карны, искусный знаток оружия, ответил Накуле своим волшебным оружием. Затем сын Карны, о царь, чудесным оружием сразил всех быстрых, прекрасных, рожденных в Ванаю коней юного Накулы, изукрашенных золотом. Соскочив со своей колесницы с убитыми конями, Накула взял сверкающий восьмилунный щит, опоясал себя мечом, подобным небесам, и, двигаясь плавно, как птица по воздуху, совершая различные передвижения, принялся разить лучших из воинов, коней и слонов.

Сраженные его мечом, они падали наземь, точно (жертвенный) скот во время ашвамедхи, (заколотый) тем, кто на это поставлен. Две тысячи (умашенных) лучшим сандалом, известных, надежных, упоенных боем (воинов) из разных местностей, (сражающихся) за высокое вознаграждение, быстро сразил в одиночку Накула, подступая к тому, кто был его главным (противником).

Но вот сам (Вришасена) налетел на нападающего Накулу, осыпая его со всех сторон стрелами. Израненный Накула, теснимый в схватке, пришел в ярость и ответно стал разить героя своими

стрелами. Тогда сын Карны, пронзенный (стрелами противника), исполнившись гнева, послал сразу восемнадцать стрел в героя, который в одиночку, играючи разил отборных воинов — и пеших, и колесничных, а также коней в слонов.

Сын Панду, отважнейший из мужей, ринулся вперед, намереваясь погубить сына Карны, но сын Карны своими стрелами пронзил в великой битве его тысячезвездный щит. Едва (Накула) устремился (к Вршпасене), тот сокрушитель врагов шестью заостренными по краям остро отточенными стрелами быстро рассек его обнаженный грозный острый железный меч с отточенным лезвием, способный выдерживать тяжелую нагрузку, уничтожающий плоть недругов, подобный змее угрожающим видом, а потом острыми, (хорошо) смазанными стрелами сильно ранил (героя) в грудь. Теснимый сыном Карны сын Мадри, кони которого были убиты, на глазах у Завоевателя богатств вспрыгнул на колесницу Бхимасены, точно лев на горную вершину. Заметив, что Накула остался без колесницы, что он изранен стрелами недруга, подавлен (мощью) оружия сына Карны, что меч и лук его разбиты, (к нему на подмогу), пустив коней галопом, на грохочущих (колесницах), управляемых отличными колесничными, о развевающими на ветру знаменами поспешили колесничные воины (панчалы).

Пятеро славных сыновей Друпеды вместе с шестым (воином) — внуком Шини, а также пятеро победителей недругов — сыновей дочери Друпеды, воздев свои луки, стрелами, подобными владыке змеев, принялись уничтожать твоих слонов, колесницы, коней и воинов. И тут лучшие из твоих колесничных воинов —сын Хридики и Крипа, Драуни и Дурьодхана, Шакуни, Шука и Врика, Кратха и Девавридха, — (вооруженные) луками, быстро ринулись на них, (стоя) в колесницах, грохот которых был подобен (реву) слона или же грому (тучи).

Лучшие из лучших твоих воинов, тесня одиннадцать доблестных (героев), своими отборнейшими из отборных стрелами остановили (их натиск), но тут против них выступили кунинды на грозно-стремительных, цвета только что появившихся облаков слонах, подобных горным вершинам. Богато снаряженные слоны, рожденные в Гималаях, обильно истекая мадой, несли на себе искусных (наездников), рвущихся в бой, и, покрытые золочеными сетками, напоминали собою тучи, (расцвеченные) молнией. Сын (владыки) Кунинды десятью мощными, выкованными из железа (стрелами) тяжко ранил Крипу, его коней и колесничного, но затем, сраженный стрелами сына Шарадвана, вместе со слонем рухнул на землю.

Тут послышался крик младшего брата сына (владыки) Кунинды: железными копьями, подобными солнечным лучам, он повредил колесницу (Крипы), но в тот самый миг, когда еще не отзвучал его голос, владыка Гандхары снес ему голову. Когда пали те кунинды возликовали твои (сыновья), могучие колесничные воины. Мощным дыханием наполнили они свои (боевые раковины), рожденные в соленоводном (океане), и с луками в руках ринулись на врага.

И тут снова грянул жестокий и яростный бой между куру и Пандавами, соединившимися со сринджаями, и (полетели) стрелы, мечи, пики, секиры, палицы и боевые топоры, лишая жизни воинов, коней и слонов. Нанося друг другу урон колесницами, конями, слонами и пешими воинами, (герои) падали замертво наземь, напоминая озаряемые молнией, грохочущие тучи, осаждаемые со всех сторон грозными ветрами.

Пока Шатаника разил отрядами могучих слонов, пеших воинов и колесницы твоих (сыновей), а Бходжа уничтожал конницу, (на землю) валились, теряя оружие, сраженные Критаварманом слоны. Еще три слона, настигнутые стрелами Драуни, со всеми воинами, оружием и флагами пали замертво наземь, словно обрушились могучие горные пики, сбитые ваджрой.

Тогда другой младший брат царя Кунинды отборными стрелами ранил в грудь твоего сына (Дурьодхану), но сын твой острыми стрелами иссек его тело и слона. Тот царь слонов вместе о царским сыном упал, обильно окрасившись кровью, точно сраженная ваджрой Владыки Шачи гора красного песчаника, (орошаемая потоками) воды во время дождей.

В этот миг другой слон, направляемый сыном (владыки) Куинды, снес колесницу Шуки вместе с конями и колесничим, но сам, пронзенный стрелами Кратхй, вместе с погонщиком рухнул, словно гора, пробитая ваджрой. Победоносный властитель кратхов, колесничный воин, сраженный стрелами горца, восседавшего на слоне, упал вместе с луком, конями и колесничим, словно мощное дерево, сломленное ураганом. Двенадцатью стрелами Врика тяжело ранил сидевшего на слоне жителя (Гималаев), царя гор, но тот четырьмя (стрелами) быстро сразил стремительного Врику вместе с конями и колесницей.

Под крепкими ударами стрел сына Бабхру царь слонов упал вместе с погонщиком; сын Девавридхи, раненный, тоже был сбит нападшим на него сыном Сахадевы. Царь Куинды на слоне, разящем противника бивнями и хоботом, устремился к Шакуни, намереваясь расправиться с ним, и яростно бросился на него, но владыка Гандхары снес ему голову. Мощные слоны, кони, колесницы, отряды твоих пеших воинов, уничтоженные Шатаникой, устилала землю, недвижимые, обращенные в тлен, словно наги, сраженные ветром (от крыльев) Супарны.

Затем сын (царя) Куинды, смеясь, поразил сына Накулы множеством острых стрел. В ответ Накули стрелой-«бритвой» отделил от тела его голову с лицом, подобным рожденному в воде (лотосу). Тогда сын Карны тремя быстролетящими острыми стрелами настиг Шатанику, тремя — Арджуну, тремя — Бхиму, семью — Накулу и двенадцатью — Джанардану. Узрев тот подвиг (сына Карны), способного на сверхчеловеческие деяния, возликовали куру и оказали ему почести, шо те, что знали цену доблести Завоевателя богатств, поняли, что он тем самым только подлил масла в огонь.

Когда Увенчанный диадемой, губитель вражеских героев, увидел, что отважнейший из мужей (Накула) лишился в бою коней, он ринулся на Вришасену, расположившегося впереди Сына суты. Словно некогда Намучи на Йндру, налетел в великой битве сын Карны, могучий колесничный воин, на нападавшего (Арджуну), грозного мужа-героя, держащего наготове тысячи стрел. Достоянейший сын Сына суты, чудесным образом ставший сто первым (кауравой), поразил Партху стрелами, испустив клич, словно некогда Намучи, ранивший Шакру. Вришасена грозными стрелами пронзил Партхе предплечье, девятью нанес удар Кришне и вновь десятью стрелами с заостренными наконечниками (поразил) Партху. Тройная морщина ярости прорезала нахмуренный лоб великого духом (Арджуны,) Увенчанного диадемой, и, вознамерившись покарать в бою Сына суты, он испустил стрелы, лишённые наконечников. Увенчанный диадемой мощно послал десять стрел, разя врага непрерывно в средоточия жизни; затем он срезал его лук, обе руки (воина) и, наконец, четырьмя грозными стрелами-«бритвами» (снес) ему голову.

Израженный стрелами: Партхи, лишившись рук, он упал, обезглавленный, с колесницы на землю — словно огромный, пышно цветущий, густолиственный шал, снесенный ветром, (рухнул) с горной вершины. Увидев, что сын его, сраженный стрелами, упал с колесницы, стремительный Сын суты, потрясенный гибелью сына, быстро ринулся на своей колеснице к колеснице Увенчанного диадемой. *Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» шестьдесят вторая глава.*

ГЛАВА 63

Санджая сказал:

Увидев, что сражен Вришасена, Вриша, преисполненный скорби и гнева, тотчас излил из очей рожденную скорбью влагу. Затем с глазами, налившимися от ярости кровью, пылкий Карна устремился в своей колеснице на врагов, выкликая Завоевателя богатств на поединок.

Сблизившись, те две их колесницы, сияющие словно солнца и обитые тигровыми шкурами, казались двумя (настоящими) солнцами, ставшими друг против друга. А те два сокрушителя недругов, великих духом бел оконных мужа-солнца, стоя рядом, сияли словно солнце и месяц, (одновременно стоящие) в небесах.

И, видя их — словно бы Индру и (Бали) Вайрочану, изготовившихся к бою за власть над тройственной вселенной, — все живые существа пришли в изумление, о почтенный! Было чему изумиться, наблюдая, как под грохот колес, звон и хлопки о защитный ремень тетив, свист стрел и рев раковин понеслись навстречу друг другу колесницы тех царей, как сблизились их знамена: Карны — со слоновьей подпругой, Носителя диадемы — с обезьяной! Видя, как сходятся те две колесницы, цари издавали боевые львиные кличи и громкие возгласы одобрения, о бхарата!

Прослышав, что (сейчас начнется) их колесничный поединок, все воины повсюду (на том поле) принялись махать руками и крутить (в воздухе) одеждами. Кауравы двинулись к тому месту под звуки музыки, трубя, чтобы ободрить Карну, в громкозвучные раковины. А Пандавы, чтобы ободрить Завоевателя богатств, дружно огласили ревом труб и раковин все стороны света. Герои ударяли себя в грудь, громко восклицали, издавали львиные кличи, хлопали в ладоши — и оттого великий шум стоял всюду (над полем) в миг, когда сошлись Карна с Арджуной!

Те два мужа-тигра, превосходнейшие из колесничных бойцов, стояли, держа в руках мощные луки, на своих колесницах, (снабженных) стрелами, легкими копьями, палицами и прочим оружием. Оба они имели белых коней, оба были облачены в доспехи, препоясаны мечами, украшены морскими раковинами, оба были прекрасны видом и оба владели превосходнейшими колчанами. Тела обоих умашены были красной сандаловой пастой, оба подобны были разъяренным быкам или двум змиям, или двум Ямам-Калантакам. Оба ярились, словно Индра и Вритра (перед боем), оба сияли как Солнце и Месяц, были грозны, будто две великих планеты, столкнувшиеся в конце юги.

Оба они — детища богов, оба богоподобны, богоравны обликом; и вот они сошлись, два мужа-тигра, Карна — с Арджуной! Оба вооружены превосходнейшим оружием, оба многоопытны в битвах; и когда они похлопывали себя по бокам, звук долетал до самого небесвода! Оба, прославленные деяниями своими, силой и доблестью, они, сойдясь вместе, были подобны сошедшимся в битве Шамбаре и Царю бессмертных!

Оба в бою равны были Картавирые или сыну Дашаратхи; оба отвагой подобны Вишну, в бою не уступали Бхаве! У того и у другого, о царь, были превосходнейшие колесницы, влекомые белыми конями; у обоих были могучие, искуснейшие возничие! При виде тех двух сияющих великолепием колесничных бойцов (даже) сонмы сиддхов и чаранов преисполнились изумления, о великий царь!

И вот сыны Дхритараштры со своими войсками поспешно окружили то украшение поля битвы — великого духом Карну, о бык-бхарата! Тогда же и Пандавы, возглавляемые Дхри-штадьюмной, охваченные боевым восторгом, обступили со всех сторон не имеющего равных себе в бою, великого духом Партху. И твои в той битве, о владыка народа, (как в игре), сделали ставку на Карну, а Пандавеи в бою поставили все на Партху.

Одни стали участниками Собрания, а другие — зрителями; каждый сделал свою ставку, и теперь ему неминуемо суждена была либо победа, либо поражение. И началась между теми двумя игра, сулящая либо победу, либо, напротив, (поражение) стоящим среди бранного поля нашим и Пандавам.

Те двое, прирожденные бойцы, стоя на поле брани, кипели ненавистью и жаждали одолеть друг друга, о великий царь! Стоя лицом к лицу, оба они, словно Индра и Бритра, чаяли погубить друг друга и были столь же грозны обликом, как две обильно дымящиеся кометы.

Тут между существами, (обитающими) в поднебесье, начались взаимные раздоры, громкие споры пошли из-за Карны и Арджуны, о бык-бхарата! Обитатели всей вселенной, всего пространства, о почтенный, разделившись, примкнули к той или иной из сторон. Боги, данавы, гандхарвы, пищачи, змеи и ракшасы — все они в миг схватки Карны с Арджуной разделились на враждебные партии.

Небо, о владыка народа, со всеми созвездиями приняло сторону Карны, а бескрайняя земля, как мать за сына, вступилась за Партху, о бхарата! Реки, моря и горы, деревья и травы встали на сторону

Увенчанного диадемой, о достойнейший из людей! Асуры, ятудханы и гухьяки, а также птицы, обитатели небес, присоединились к Карне, о притеснитель недругов! А все драгоценности и сокровища, (четыре) Веды с пятою при них — акхьяной, с Упаведами и Упанишадами, с тайными поучениями и сводами знаний, Васуки, Читрасена, Такшака и Упатакшака, все горы, все отпрыски Кадру с их потомством, все гневные, налитые ядом змей-наги — встали за Арджуну. Все потомки Айраваты, Сурабхи и Вайшали, все кольчатые (змеи) встали за Арджуну, а мелкие змеи — за Карну. Все волки, все хищники, все чистые звери, дваждырожденные среди зверей — все эти, о царь, уповали на победу Карны.

Васу, маруты, садхьи, рудры, вишвы и оба Ашвина, Агни, Индра, Сома, Павана и десять сторон света пошли к Завоевателю богатств, а адитьи — к Карне. Боги вместе с питарами и ганами были за Арджуну; Яма, Вайшравана и Варуна тоже пошли к Арджуне; сонмы богов, брахманов, царей и святых мудрецов встали за Пандаву, и гандхарвы во главе с Тумбуру тоже примкнули к Арджуне, о царь!

Правей с маунеями, сонмы гандхарвов и апсар, слоны с волками и тиграми, (люди,) пешие и на колесницах, мудрецы, путешествующие на облаках и в (потоках) ветра, — все они собрались туда, чтобы наблюдать схватку Карны с Арджуной. Боги, данавы, гандхарвы, змей-наги, якши и птицы, постигшие суть Вед великие святые мудрецы, вкушители поминальной пищи — предки-питары, Подвижничество и Знание, волшебные снадобья, различного вида небесные светочи — все они, о великий царь, висели в поднебесье, производя большой шум. Брахма, сопровождаемый брахмическими мудрецами и праджапати, также прибыл туда, стоя вместе с Бхавой на волшебной колеснице.

Увидев Самосущего Праджапати, приблизились к нему боги: «О боже, да поделят два этих мужа-льва победу поровну!» Слышавший эти их слова Магхаван тоже поклонился Прародителю: «Не допусти, чтобы весь мир погиб вместе с Карной и Арджуной! Повели так, о Самосущий: пусть эти двою поделят победу поровну! Пусть будет так! Кланяюсь тебе, снизойди к мольбе моей, о владыка!».

Тут Брахма и Ишана такое слово молвили владыке Три-десяти (богов): «Пусть непременно достанется победа великому духом Виджае! Он разумев, могуч, опытен в военном деле, обладает сокровищем тапаса, в избытке наделен ратным пылом и без остатка вмещает в себе все «знание лука». Благодаря своему духовному величию он способен преступить начертанное судьбою, пойти ей наперекор, а такое нарушение-неминуемо повлечет за собой гибель всех миров!

Когда два Кришны придут в ярость, они не ведают никаких преград! Ведь эти мужи-быки — творцы всего сущего и несущего! Они — это два древних величайших мудреца, Нара и Нараяна, никому не подвластные, властвующие сами, не ведающие страха, губители недругов! Пусть Карна Вайкартана, муж-бык, доблестный воитель, обретет наилучшие из (посмертных) миров и пусть два Кришны одержат победу! Да попадет Карна в один мир с марутами и Васу, да примет он вместе с Бхишмой и Дроной почести в небесном раю!».

Выслушав сказанное богами богов, Брахмой и Ишанойг Тысячеокий внял их совету и, обращаясь ко всем существам изрек: «Вы слышали, в чем, по словам этих двух владык, состоит благо вселенной: так пусть и будет, а не иначе! Смиритесь с этим и отриньте гнев!».

Услышав эти слова Индры, все существа, о почтеннейший царь, преисполнились изумления и воздали ему подобающие почести. Премудрые боги излили о небес дождь всевозможных благовоний и затрубили в небесные трубы. Все боги, данавы и гандхарвы явились туда, чтобы наблюдать несравненный колесничный поединок двух мужей-львов, (полюбоваться на) две влекомые белыми конями, снабженные знаменами, оглушительно грохочущие колесницы. А обе те пары первейших во вселенной героев, Васудева с Арджуной и Карна с Шальей, сблизившись, начали трубить в свои раковины, о бхарата! И между теми двумя (героями), соперничающими друг с другом в доблести, началась битва, приводящая в трепет робких, подобная битве Шакры с Шамбарой!

Водруженные на колесницах их столь различные обликом незапятнанно чистые знамена сияли красною и источали средь битвы друг на друга гнев. Прекрасно было знамя Карны «Слоновья подпруга», крепкое, все в дорогих самоцветах, подобное змее или луку Пурандары. А (знаменем) Партхи была превосходнейшая из обезьян, внушающая трепет, с разинутой пастью, с устрашающими зубами: смотреть на нее было трудно, как на солнце! Воспылав жаждой битвы, знамя Обладателя лука Гандивы приблизилось к знамени Карны и с грозным рычанием набросилось на него.

Взлетев, обезьяна стремительно, словно Гаруда — на змея, ударила на слоновью подпругу, (разя ее) клыками и когтями. А слоновья подпруга, выкованная из железа, украшенная дивными колокольчиками, подобная аркану Калы, разъярившись, обрушилась на великую обезьяну. В том несравненном колесничном поединке, явившемся следствием игры в кости, знамена обоих (героев) сами вступили между собою в схватку, а кони их (гневно) ржали друг на друга. Лотосоокий Васудева разил стрелами взглядов Шалью, а тот не сводил глаз с Лотосоокого. И Васудева одолел стрелами взглядов Шалью, а Завоеватель богатств, сын Кунти усмирил взглядом Карну.

С улыбкой обратившись к Шалье, сказал ему так Сын суты: «Если сегодня здесь, на поле боя, сразит меня Партха, скажи прямо, что ты тогда будешь делать, друг мой?»

Шалья сказал:

Если сегодня сразит тебя Белоконный, о Карна, то я собственными руками убью тогда обоих: Пандаву и Мадхаву!

Санджая сказал:

А Арджуна в это время обратился к Говинде, и Кришна, улыбаясь, дал Партхе такой превосходный ответ: «Скорее солнце упадет со своего места (на небосводе), земля расколется на множество кусков, пламя станет холодным, чем Карна сможет сразить тебя, Завоевателя богатств! Но если как-либо такое все-таки произойдет, что равносильно светопреставлению, то я своими руками уничтожу в битве Карну и Шалью!».

Выслушав его, Арджуна, Имеющий на знамени обезьяну, со смехом молвил неумолимому в деяниях Кришне: «Я один управлюсь с обоими: и с Карной, и с Шальей, о Джанардана! Этого Карну, с его знаменем и флажками, с конями, колесницей и Шальей (-возничим), с зонтом и в доспехе, с луком, стрелами и копьями — этого Карну вместе с его конями, колесницей, оружием, доспехом, копьем ты сегодня же увидишь иссеченным в куски моими стрелами на бранном поле! Не утихает мой гнев, (вызванный тем,) что насмеялся он прежде над Кришной! Сегодня ты увидишь, о Говинда: я сокрошу Карну, как взбешенный слон — цветущее дерево! Сегодня ты услышишь радостную весть, о Губитель Мадху! Сегодня, исполнив свой долг, ты успокоишь ту, что родила Абхиманью, возвеселишь Кунти, сестру твоего отца, о Джанардана! Сегодня словами, сладостными как амрита, ты успокоишь Юдхиштхиру, Царя справедливости, и Кришну, лик которой залит слезами, о Мадхава!»
Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» шестьдесят третья глава.

ГЛАВА 64

Санджая сказал:

Тут диковинной красною засияло небо, заполненное сонмами божеств, нагов, асуров и сиддхов, гандхарвов, якшей и апсар, брахмических и царственных мудрецов, а также супари. На виду у людей эти диковинного облика (существа) заняли свои определенные места в поднебесье, огласив (его) хвалебными гимнами, песнями, (ритмами) танцев, музыкой и другими приятными звуками.

Исполнившись боевого восторга, воины куру и Пандавов всю землю, все пространство огласили звуком музыкальных инструментов, громом колесниц, звоном оружия и львиными* кличками и принялись дружно разить своих противников. Кишащее множествами разномастных коней, слонов и колесниц, весьма неудобное (для воинов) из-за обрушивающихся (на их тела) превосходнейших

мечей, дротиков и ршшти⁴⁵⁶, полное бесстрашных (героев), усеянное мертвыми телами поле битвы, окрасившись кровью, являло небывало величественное зрелище.

Когда началось это (гибельное для) носителей оружия побоище, облаченные в доспехи Завоеватель богатств и сын Адхиратхи совершенно затмили своими острыми, неуклонно к цели летящими стрелами и стороны света, и (сражающиеся) войска, и друг друга. И тут из-за стрел наступила тьма, в которой ни твои, ни противники их ничего не могли различить; в страхе прибегли они под защиту тех двух колесничных бойцов, как рассеянные в небе лучи света (собираются при наступлении мрака) вокруг двух Гонителей тьмы. А те двое, развеивая своим оружием оружие противника, словно (сошедшиеся в схватке) западный и восточный ветры, ярко воссияли, как будто два Гонителя тьмы, взошедшие на фоне простершегося (над миром) непроглядного мрака.

Получив приказ не придавать значения наступившей тьме, и твои, и их недруги обступили кольцом тех двух великоколесничных бойцов, словно боги и асуры — Васаву с Шамбарой. При трубных звуках раковин, при грохоте мридангов, литавр, гонгов и боевых барабанов те двое достойнейших из мужей, издававшие львиные кличи, сияли величием, о бхарата, словно Шашанка и Сурья среди скопища туч! Каждый из двух стоял как бы в ореоле, образованном кругом (растянутого до предела) великого лука, тысячи стрел были как бы его лучами; оба ярко сияли, непереносимые (для врагов) в битве, словно два солнца при конце мирового периода, готовые испепелить всю вселенную со всем движущимся в ней и неподвижным.

Оба непобедимые, оба несущие смерть недругам, оба ищущие друг другу гибели, искусные (воины) — те два достойнейших героя, Карна и Пандава, сошлись в великой битве, словно Индра с Джамбхой! И вот, вооруженные большими луками, применяя всякое чудесное оружие, стали они, неизмеримо великие, разить людей, коней и слонов, а также друг друга превосходными, устрашающего вида стрелами. Тут, мучимые стрелами этих двух достойнейших мужей, сторонники куру и Пандавов со своими слонами, колесницами, конницей и пешими воинами зповь побежали врассыпную во всех направлениях, как (бегут) обитатели леса, охваченные страхом перед львом.

Тогда Дурьодхана, Бходжа и сын Субалы, а также Крипа с внуком Шарадвана — эти пятеро великоколесничных бойцов ударили смертоносными стрелами в Завоевателя богатств и Ачьюту. Завоеватель богатств превосходнейшими стрелами у всех них одновременно рассек луки, колчаны, знамена, колесницы, убил коней и возничих, а еще двенадцатью стрелами поразил Сына суты.

Тут налетели поспешно на Арджуну сто колесниц, сто жаждущих крови слонов и конница намеревающихся погубить его шаков, туххаров и яванов вместе с храбрейшими из Камбоджей. Завоеватель богатств, стремительно сокрушив (мощью) своих рук и бритвообразными стрелами превосходнейшее оружие у них в руках, (отсекши) головы, (поразив) слонов, коней и колесницы сражавшихся (с ним воинов), истребил (всю) эту вражескую рать. Тут из поднебесья (раздались) звуки божественных труб и возгласы: «Прекрасно!», издаваемые ликующими (богами), а также пали (на землю) благостные, колеблемые ветерком, красивые и ароматные, великолепные цветочные дожди.

Видя это чудо, свершившееся на глазах богов и людей, все существа преисполнились изумления, о царь! Только твой сын и Сын суты, оба не отступающие от раз принятого решения, не испытали при этом ни изумления, ни тревоги. А сын Драны, крепко взяв сына твоего за руку, обратился к нему с таким увещанием: «Укроти свой дух, Дурьодхана, заключи мир с Пандавами! Довольно раздоров! Стыдно ссориться! Наставник, знаток чудесного оружия, подобие самого Брахмы, убит, как и другие мужи-быки во главе с Бхтшшой! Я сам и мой дядя по матери (живы лишь потому, что) неуязвимы! Лучше долгие годы правь ты этим царством совместно с Пандавами!

Завоеватель богатств остановится, если я удержу его; Джанардава тоже не желает (продолжения) раздора; Юдхипь тхира всегда печется о благе всего живого, а Врикодара и Близнецы во всем ему повинуются! Если ты и Партхи (договоритесь) между собой, то все существа, по воле твоей, обретут благо! Пусть уцелевшие цари вернутся в свои столицы! Да удержатся войска от враждебных действий!

Но если ты, о владыка людей, этим словам моим не внимлешь, то неминуемо, сраженный недругами в битве, горько в этом расквешься! На виду у тебя и всего мира Увенчанной диадемой в одиночку свершил такое, чего не смог бы ни Губитель Балы, ни Антака, ни Прачетас, ни великий царь якшей! Но Завоеватель богатств обладает и много большими достоинствами! Он исполнит все, что я ему скажу, и будет во всем слушаться тебя!

Так смирись же, о царь, ради покоя всей вселенной! Ты всегда удостаивал меня высоких почестей, и я говорю из чувства большой дружбы к тебе: если только ты соизволишь выказать дружелюбие, я тотчас же остановлю Карну! Люди умудренные говорят, что друга либо имеешь от природы, либо завоевываешь дружеским обращением, либо подкупаешь богатством, либо подчиняешь себе своим могуществом — вот четыре возможных способа, и всеми ими ты в силах расположить к себе Пандавов!

От природы они — твои близкие, о герой; упрочь же это еще и дружеским к ним отношением. Если они, видя, что ты успокоился, возобновят дружбу с тобою, то ты, о Индра земных Индр, непременно ответь им тем же!».

Выслушав из уст друга эти слова благого совета, он, поразмыслив, в глубокой тоске, тяжело вздыхая, отвечал: «Все так, как ты говоришь, мой почтенный друг; но послушай теперь, что я тебе скажу. Много такого, что до сих пор живо у меня в сердце, наговорил этот злодей Врикодара в миг, когда, словно тигр, сразил он Духшасану.

Ведь ты и сам был при этом; так как же (после этого) возможен мир! И ты не смеешь, о неколебимый, сын (нашего) наставника, сказать теперь Карне: «Воздержись от битвы!». Пхальгуна уже сильно утомлен сегодня, и Карна благодаря своей мощи непременно сразит его!».

Неоднократно повторив это сыну Дроны, дабы убедить его, сын твой затем повелел своим войскам: «Вперед! Разите этих недругов! Вот шумят их стрелы; так что же вы сами столь тихи?»
Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» шестьдесят четвертая глава.

ГЛАВА 65

Санджая сказал:

И поскольку сын твой, о царь, принял это пагубное решение, то два этих наилучших из людей, Вайкартана, Сын суты, и Арджуна, оба (на колесницах, влекомых) белыми конями, при оглушительном звуке раковин и барабанов сошлись в бою. Как два гималайских слона в пору истечения мады, выставив бивни, (схватываются), соперничая из-за слонихи, так стремительно и яростно сшиблись два героя: Завоеватель богатств и сын Адхиратхи. Как туча с тучею, как, если б такое случилось, гора с горою, — так сошлись они, обрушивая друг на друга потоки стрел, гремя колесами, хлопая в ладоши, звеня тетивами луков. Как две могучие горы, сдвинувшиеся с места со всеми своими высокими пиками, деревьями, кустарниками и растениями, со всевозможными на них другими горными жителями, — так они чудесным оружием разили друг друга,

И тут началась между ними великая битва, подобная той, что была встарь у владыки богов с сыном Вирочаны; битва, какой другим не выдержать, при которой тела и колесничных бойцов, и возникших были иссечены стрелами, при которой текли обильные потоки крови.

Как пошедшие навстречу друг другу, гонимые ветром два огромных озера, переполненные различных видов лотосами, рыбами и черепахами, оглашаемые криком птичьих стай, — так сошлись те две украшенные знаменами колесницы. А те два великоколесничных бойца, каждый из которых подобен обликом и равен доблестью великому Индре, — оба стрелами, подобными ваджре великого Индры, разили друг друга, словно великий Индра с Вритрою!

Оба те воинства о их слонами, колесницами, конницей и пехотой, несущие на себе разноцветные украшения, одежды и венки, а также те (существа), что пребывали в небесах, затрепетали и громко воскричали в изумлении (при виде) схватки Карны с Арджуной. Упоенные (битвой) зрители воздевали руки, пальцы которых крепки как ваджра, и издавали львиные кличи в тот миг, когда сын Адхиратхи, словно разъяренный слон на другого слона, бросился на Арджуну, чтобы убить его.

И тут сомаки закричали Партхе: «Скорее, Арджуна! Вперед — и срази Карну! Одним ударом меча, не медля, снеси ему голову и сокруши все надежды сына Дхритараштры завладеть царством!» А присутствовавшие там многочисленные наши воины молвили Карне: «Вперед! Вперед! Срази Арджуну, о Карна, и тогда снова Партхи, надев лубяные одежды, надолго уйдут в леса!».

И сперва Карна поразил Партху десятью большими стрелами, а Арджуна в ответ десятью остроконечными стрелами ранил его в бок. Оба они, Сын суты и Арджуна, в боевом восторге, стремясь (поразить противника) в самые уязвимые места, разили друг друга оперенными, остро отточенными стрелами и средь битвы грозно надвигались друг на друга.

В этот миг не сносящий обид, великий духом Бхимасена преисполнился гнева; ударив рукой об руку, закусив губу, приплясывая на месте и как бы вызывая (Арджуну) на опор, он сказал: «Скажи, Увенчанный диадемой, как могло так случиться, что Сын суты первый поразил тебя десятью большими стрелами? Некогда ты в (лесу) Кхандава одолел все живое и дал насытиться Агни — так порази ныне с той же решимостью Сына суты, или я сам сокрушу его своею палицей!»

Затем, видя, что «колесничные» стрелы Партхи отражены (противником), обратился к нему также и Васудева: «Как случилось, скажи, Увенчанный диадемой, что Карна сегодня сокрушил своим оружием все твое оружие? Отчего ты ко всему столь бесчувствен, что не замечаешь даже, какой крик подняли, ликуя, эти кауравы, о герой? Ведь они, стоя за спиною Карны, видели, как он отражал твое оружие своим! Полон решимости, из юги в югу сокрушал ты оружие тамаса, разил ужасных ракшасов, дамбходбхавов и асуров в многочисленных битвах — с той же решимостью убей ныне Сына суты! Или же немедля, сейчас же отсеки этим Сударшаной, диском с бритвенно-острыми краями, который я вручил тебе, голову недруга — как Шакра ваджрой (отсек голову своему) недругу Намучи!»

Полон великой решимости, некогда ублаготворил ты Бога в образе Кираты — исполнись же ею вновь, о герой, и порази Сына суты со всеми его приспешниками! А всю землю, опоясанную океаном, изобилующую богатствами, с городами на ней и селами, отдай, очистив ее от вражеских полчищ, (во владение) царю (Юдхиштхире) — и тем обретишь себе несравненную славу, о Партха!»

Побужденный к тому Бхимой и Джанарданвй (Арджуна) погрузился в воспоминания, узрел истинное свое «Я», осознал ту цель, ради которой явился в мир великий духом (Кришна), и так ответил Кешаве: «Сейчас на погибель Карне и на благо вселенной я явлю взорам свое грозное волшебное оружие! Дайте мне на то свое дозволение и ты, почтенный, и боги, и Брахма, и Бхава, и все, постигшие суть Вед!».

Сказав такие слова, он заставил явиться приводимое в действие волей смертоносное «оружие Брахмы». Затем в изобилии наделенный ратным пылом Арджуна затмил стрелами все основные и промежуточные направления. Тот бык-бхарата разом выпустил сотни сотен стремительных стрел! Но и Вайкартана средь битвы выпустил тысячами рои стрел: с шумом в звонном обрушились они на Пандаву, словно излитые Парджаньей потоки дождя! Грозный своею мощью вершитель сверхчеловеческих деяний (Карна), поразив Бхимасену, Джанардану и Увенчанного диадемой тремя стрелами каждого, громогласно издал устрашающий клич. Увенчанный диадемой, будучи еам ранен стрелами Карны, поглядел также на Бхиму и Джанардану и тут, не стерпев обиды, выпустил еще восемнадцать стрел. Из них одной стрелой он ранил Сушену⁴вв, четыремя — Шалью и тремя — Карну, а другими десятью метко пущенными (стрелами) поразил закованного в золотые доспехи Сабхапати.

И тот царевич, лишившись головы, рук, коней, возницы, лука и знамени, рухнул, сокрушенный, наземь со своей превосходнейшей из колесниц, словно подрубленное топорами дерево шала. Поразив снова Карну тремя и восемью, двумя, четырьмя и десятью (стрелами, Арджуна) сокрушил также четыре сотни слонов с воинами на них, восьмьсот колесниц, а еще тысячу коней со всадниками и восемь тысяч отборных пеших воинов. И видя, как сражаются друг с другом те два первенствующих в битве, достойнейших героя, губители недругов, Карна и Партха, — все существа на земле и в небесах, придержав своих ездовых животных, застыли на месте, увлеченные зрелищем.

Вдруг, чересчур сильно натянутая, с громким звуком лопнула тетива лука у Пандавы; и в тот же миг Сын суты осыпал Партху сотнею «мелких» (стрел). А шестьюдесятью острыми, оснащенными птичьими перьями, омоченными, маслом, подобными только что сбросившим старую кожу змеям, железными стрелами поразил он Васудеву; и тут сомаки обратились в бегство. Тогда, преисполнившись ярости, Партха, весь израненный стрелами Карны, стремительно напряг тетиву своего лука, развеял пущенные сыном Адхиратхи стрелы и принял средь битвы сомаков (под свою защиту).

Птицы в поднебесье не могли летать из-за тьмы, произведенной превосходящим (их) в скорости оружием. Легко, словно бы играючи, Партха пронзил десятью стрелами панцирь Шальи; потом, поразив Карну двенадцатью метко пущенными (стрелами), послал в него еще семь. Тяжко пораженный грозно-стремительными, оперенными, с силой пущенными из лука Партхи стрелами, весь израненный, с телом, залитым кровью, воссиял Карна грозным величием, словно Рудра, изготовившийся нанести смертельный удар.

Тогда сын Адхиратхи ранил тремя стрелами подобного обликом Владыке Тридесяти (богов) Завоевателя богатств, а пятью подобными пламенным змеям стрелами пронзил, горя жаждой убийства, (тело) Ачьюты. Пробив насквозь доспех Пурушоттамы, эти стремительные, златоизукрашенные, метко и сильно пущенные стрелы ушли глубоко в землю, свершили там омовение и направились обратно к Карне. Но Завоеватель богатств пятью быстрыми, меткими, широколезвийными стрелами расщепил каждую из них натрое. Пали они на землю, и были то, (оказалось), великие змеи, сподвижники сына Такшаки.

Тут Увенчанный диадемой воспылал гневом, словно огонь, сжигающий сухую траву. Смертоносными, пламенно-сверкающими, пущенными с оттянутой до самого уха тетивы стрелами поразил он Карну в самые средоточия жизни. Зашатался Карна, но, будучи наделен необычайной силой духа, благодаря ей все же устоял.

В этот миг, когда исполнился гнева Завоеватель богатств, из-за потоков стрел ни солнечного света, ни колесницы Карны, ни основных и промежуточных сторон света не стало видно, о царь! Все небо, казалось, было застлано изморосью и туманом. В один миг, о царь, тот храбрейший из героев, бык среди куру, Савьясачин предал смерти всех «стражей стоп» и «стражей колес», «впереди идущих» и «охранителей тыла», а также две тысячи лучших в числе куру героев, доблестных, сплоченных воедино и руководимых Дурьодханой отборных колесничных бойцов со всеми их конями, возничими и колесницами.

Тут сыновья твои и другие оставшиеся в живых кауравы обратились в бегство, оставив Карну одного, бросив на произвол судьбы своих убитых и раненных стрелами, жалобно стенающих сыновей и отцов.

Но Карна, хоть он и видел, что терзаемые страхом куру покинули его и все пространство вокруг опустело, не дрогнул, а, напротив, стремительно атаковал Арджуну, о бхарата!

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» шестьдесят пятая глава.

Санджая сказал:

Бежав под натиском стрел (Арджуны с поля боя), разбитые войска кауравов остановились и издали наблюдали за тем, как действует сияющее словно молния оружие Завоевателя богатств. А то оружие, которое Арджуна применил в великой битве на погибель Карне, (одного за другим) поглощало отважных воинов, производя в небе и в поднебесье неумолчный шум. (Однако Карна) губительным для недругов, наделенным огромной мощью, полученным им некогда от Рамы «оружием Атхарванов» развеял то пламенное оружие Арджуны и самого Партху поразил острыми стрелами. И закипела тут великая битва между Арджуной и сыном Адхиратхи, о царь, разившими друг друга стрелами, словно два слона — грозными ударами бивней.

И вот Карна возложил средь битвы на тетиву смертоносную для недругов, остро-отточенную, огненную, ярко полыхающую, гладко отполированную, змееглавую, происходящую из рода Айраваты, полную жгучего яда стрелу, которую уже очень давно берег он на случай встречи о Арджуной и которой постоянно воздавал почести, содержа ее в золоченом тростниковом футляре, в сандаловом порошке. Ею намеревался он в битве снести голову Пхальгуне. Видя, что Вайкартана уже готов пустить стрелу, великий духом царь мадров сказал ему:

«Не долететь этой стреле, о Карна, до шеи (Арджуны); попробуй взять (другую), ту, что (действительно) способна снести голову!» А Карна, глаза которого налились кровью от гнева, изготовил, несмотря на его слова, лук для выстрела и отвечал ему: «Знай, о Шалья, что Карна никогда не прицеливается дважды! Подобным мне (героям) плутовство не к лицу!» Сказав эти слова, он выпустил из лука эту стрелу по имени Балахака, коей он столько лет воздавал почести; и посылая поспешно ту мощную (стрелу) в цель, он крикнул: «Смерть тебе, Пхальгуна!»

Заметив, что Карна возлагает на тетиву ту (стрелу-) змею, Мадхава, наисильнейший из силачей, ногами изо всех сил уперся в (днище) колесницы. Колесница глубоко увязла в земле, а кони пали на колени, и потому стрела сбила (только) диадему (с головы) многомудрого (Арджуны).

И вот Сын суты стрелою, пущенной о силой, гневом и превеликим старанием, сбил с головы Арджуны прославленное на земле, на небе, в поднебесье и в водах украшение вершины его тела — (диадему), которая сияла как пламя, солнце, луна или планеты, которая была богато убрана множеством самоцветов, жемчуга и серебра, которую некогда силою тапаса о превеликим тщанием изготовил для Пурандары сам сын Бхуваны. Эту драгоценную, вселяющую трепет в сердца врагов, ярко сияющую, приносящую благо своему владельцу, благоуханную диадему сам довольный Владыка богов даровал Киритину, который истреблял тогда недругов небожителей. Ни Хара, ни Владыка вод, ни Акхандала, ни Хранитель сокровищ со своими превосходнейшими Пинакой, арканами, ашани и стрелами не смогли бы причинить этой (диадеме) вреда — а Вриша сбил ее мощным ударом (той стрелы-) змеи! Излучающая сияние, пылающая в огне (змеино) яда, чудесная любимая диадема Партхи слетела, пораженная превосходнейшей из стрел, на землю, словно пылающее солнце (скатилось) с Горы заката.

Итак, (стрела-) змея с силой сшибла с головы Арджуны изукрашенную множеством самоцветов диадему, как будто ваджра великого Индры (снесла) величественную вершину горы с растущими на ней деревьями в цветах и нежной зелени. И, казалось, вихрь ударил разом по земле, поднебесью, небосводу и водам — такой раздался тогда в мирах звук, слыша который люди застывали неподвижно на месте или, потрясенные, падали наземь. Тогда, повязав волосы белым куском ткани, Арджуна невозмутимо предстал (перед своим врагом); и благодаря оказавшемуся на его голове этому (украшению), которое все будто бы лучилось светом, воссиял он словно Гора восхода.

А Балахака, великий, грозный змей, сиянием подобный Солнцу и Вкусителю жертв, закоренелый во вражде своей к Арджуне, направленный рукою Карны, ударив в диадему, отлетел прочь и сказал Кришне: «Знай, что я совершил ныне это злодейство, поддавшись злобе, порожденной во мне убийством моей матери!» Тогда Кришна средь битвы молвил Партхе: «Срази этого змея, твоего заклятого врага!» Услышав эти слова Мадхусуданы, Владелец лука Гандивы, грозный для врагов

лучник спросил: «Кто этот змей, по своей воле-устремившийся на меня — как бы прямо в пасть Гаруды?»».

Кришна сказал:

Когда ты, держа в руках лук, ублаговворяя Яркосияющего (Агни) в (лесу) Кхандава, этот оборотень с телом, истерзанным стрелами, улетел по небу; мать же его была убита. Тогда Джишну, пренебрегши остальными (врагами), шестью остро отточенными стрелами рассек того змея, наискось летевшего по небу, и тот с разрубленным телом рухнул на землю.

В тот же миг Карна, искоса взглянув на Завоевателя богатств, поразил того храбрейшего из мужей десятью заточенными на камне, украшенными павлиньим оперением стрелами. А Арджуна, ранив (недруга) двенадцатью острыми, от уха пущенными стрелами, пустил в него, опять растянув лук до самого уха, яростную, как ядовитая змея, железную стрелу. Точно пущенная (Арджуной), та превосходнейшая из стрел пробила нарядный доспех Карны и, как бы изымая из него жизненные силы, испила его крови, а затем, с оперением, омоченным кровью, ушла в землю.

От удара той стрелы Вриша вскипел гневом, словно большой змей, которого ударили палкой, и стремительно испустил множество превосходнейших стрел, как змея (изрыгает) смертельный яд. Двенадцатью стрелами поразил он Джанардану и девятью — Арджуну; затем, пронзив Пандаву еще одной грозной стрелой, Карна издал громкий крик и рассмеялся. Не мог гневливый Пандава спокойно наблюдать его веселье; и вот, знаток уязвимых мест, он, наделенный доблестью Индры, поразил тогда недруга оперенными стрелами в самые средоточия жизни, как Индра некогда всею мощью поразил Балу. Затем Арджуна послал в Карну еще девяносто смертоносных, подобно жезлу Антаки, стрел, и тот, тяжело израненный, заколебался, словно гора, расколотая ваджрой.

От удара оперенных стрел, пущенных Завоевателем богатств, его головной убор, изукрашенный лучшими самоцветами, золотом и отборными алмазами, вместе с его превосходными ушными серьгами слетел на землю. Его великолепный, сияющий драгоценный панцирь, который в течение долгого времени старательно изготавливали искуснейшие ремесленники, Пандава в один миг разбил стрелами на множество кусков. Лишив Карну превосходными стрелами его доспеха, гневный Арджуна поразил его затем еще четырьмя стрелами; и, пораженный своим недругом, Карна испытал такую боль, какую (испытывает) больной от расстройств (в соотношении телесных первоэлементов): желчи, флегмы и ветра. Арджуна, однако, продолжал поспешно разить Карну множеством превосходнейших острых стрел, которые с силой, тщанием и усердием выпускал из своего в колесо растягиваемого лука, и вновь пронзил ему самые средоточия жизни. Тяжко раненный грозно-стремительными, разнообразной формы, остроконечными, оперенными стрелами партхи, Карна сиял красотой, словно гора, красная от содержащегося в ней минерала и (во время ливня) сбрасывающая с себя каскадами красную воду.

Увенчанный диадемой осыпал Карну с конями его и колесницей стрелами с наконечником «телячий зуб», о бхарата; напрягши все силы, он затмил златооперенными стрелами все стороны света. Усеянная стрелами «телячий зуб», широкая, крепкая грудь сына Адхиратхи была прекрасна, словно гора, поросшая цветущими ашоками, палашами, шалмали и множеством трепещущих (на ветру) сандаловых деревьев.

Со множеством стрел, впившихся в тело, Карна в той битве, о владыка народа, был великолепен, как гора Махендра, изобилующая прекрасными карникарами, поросшая на вершинах и склонах различными деревьями. Выпуская из лука сонмы стрел, Карна, которому эти множества стрел служили как бы лучами, красовался, словно медно-красное солнце в ореоле алых лучей, направляющееся к Горе заката. Но остроконечные стрелы, вылетающие из рук Арджуны, встречая в небе подобные огромным змеям пламенные стрелы, пущенные руками сына Адхиратхи, все их сокрушали.

Тут одно из колес его увязло в земле. И когда, вследствие проклятия брахмана, колесница его, (увязнув), зашаталась из стороны в сторону, а мысль об оружии, полученном некогда от Рамы, покинула сознание, Сын суты среди битвы пал духом. Не в силах смириться со всеми этими бедствиями, он, размахивая руками, стал попрекать дхарму: «Знатоки дхармы всегда твердят, что она хранит поборников своих от бед. Ныне она столь низко пала, что не хранит преданных моих друзей, и я склонен думать, что дхарма не всегда дает защиту!» Пока он так говорил, и кони его, и возничий шатались из стороны в сторону; сам же он был совершенно потрясен ударами оружия Арджуны. Пораженный в самые средоточия жизни, не сознавал он уже, что ему следует делать, только снова и снова среди битвы принимался порицать дхарму.

И все же Карна сумел в том бою поразить Партху тремя наизлейшими стрелами в руку, а затем пронзил его еще семью. Тогда Арджуна пустил в него семнадцать жгуче-яростных, неотвратимых, грозных, подобных пламени или ашани Индры (стрел). Пронзив (Карну), они, грозно-стремительные, пали на землю. Карна, чей дух был уже поколеблен, явил тогда крайнее напряжение всех своих сил. Могучим усилием воли он овладел собой и вызвал явление «оружия Брахмы».

Тогда Арджуна призвал заклятиями «оружие Индры». Заклявши мантрами Гандиву, его тетиву и стрелы, Завоеватель богатств излил ливни стрел, как (изливает) дожди Пурандара. Те преисполненные гневного пыла, мощные стрелы, слетая с колесницы Партхи, (невидимые в полете), затем становились видимыми уже только у самой колесницы Карны.

Великоколесничный боец Карна, хотя уже только совсем рядом с собою за-замечал эти устремленные на него стрелы, тем не менее все их отражал. Герой из рода Вришни, видя, что (противник) сокрушает все (их) оружие, сказал тогда: «О Партха, примени самое мощное оружие! Все твои стрелы отбивает Радхей!» И Арджуна, закливав мантрами, пустил тогда в ход «оружие Брахмы». Накрыв Карну со всех сторон тучею стрел, Арджуна поверг его в смятение; но, преисполнившись гнева, Карна сумел-таки острейшими стрелами рассечь тетиву его (лука). Пандава снял эту тетиву, освятив, (натянул) другую и осыпал Карну тысячами пламенеющих стрел. Так быстро (проделал это Арджуна), что Карна не успел и заметить среди битвы, когда лопнула у противника тетива и когда он заменил ее; то было, поистине, подобно чуду! И все же Радхей отразил своим оружием оружие Савьясачина; явив всю свою доблесть, он даже стал одерживать верх над Партхой!

Тут Кришна, видя, что Арджуна изранен оружием Карны, сказал Партхе: «Примени самое лучшее свое оружие!» Тогда Обладатель диадемы, Завоеватель богатств, взяв другую, жгучую словно пламя и змеиный яд волшебную стрелу, цельно-железную, зовущуюся «оружием Рудры», приготовился пустить ее (во врага). И в этот миг великой битвы земля поглотила одно из колес (колесницы) Радхеи.

Карна, когда колесо его (колесницы) увязло в земле, пролил в бессильном гневе слезы и сказал Арджуне: «Потерпи немного, о Пандава! Ты видишь, по воле рока увязло колесо у меня среди (бранного поля); так отрешись, о Партха, от мысли (убить меня), достойной лишь негодяя! Герои никогда не наносят удара в битве тому, у кого распущены (и спадают на лицо) волосы, тому, кто повернулся спиной, или брахману, или тому, кто (в знак покорности) сложил ладони, кто просит пощады или бросил оружие, тому, кого постигла несчастливая случайность, о Арджуна, тому, кто остался без стрел, у кого упал доспех, выпало из рук или сломалось оружие. Царь никогда не поступит так по отношению к царю! Ведь ты — преотважнейший герой, о Каунтея: потому повремени немного, пока я не вытащу из земли колесо, о Завоеватель богатств! Не подобает тебе, стоящему на колеснице, убивать меня, стоящего на земле! Я не жду зла ни от Васудевы, ни от тебя, о Панда-вея! Ты ведь по рождению кшатрий, продолжатель великого рода. Помня заповеди дхармы, повремени немного, о Пандава!».

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» шестьдесят шестая глава.

ГЛАВА 67

Санджая сказал:

И тогда стоя на колеснице, сказал Васудева: «Не случайно, Радхея, ты вспомнил о дхарме! Всегда так бывает, что люди подлые, пав духом в беде, винят провидение, а не собственные скверные поступки! Но когда ты, и Суйодхана, и Духшасана, ж Шакуни, сын Субалы, втащили Драупади, одной-единственной одеждой укрытую, в Зал Собрания, — тогда ты не помнил о дхарме, о Карна!

Когда Шакуни, искусный игрок, обыгрывал в зале собрания несведущего в игре Юдхистхиру, сына Кунти, — где тогда было твоё благочестие?! Когда ты насмеялся в Зале Собрания над Кришной, отданной в пору нечистоты её во власть Духшасаны, — где тогда было твоё благочестие?! Когда ты, возжаждав обладания царством, уповая на помощь царя Гандхары, бросил Пандаве вызов (на игру) — где тогда было твоё благочестие?!».

Когда сказал эти слова Васудева Радхее, Пандава, Завоеватель богатств, припомнил все, что произошло раньше, и преисполнился лютого гнева. И от гнева изо всех пор его тела вырвалось пламя яростного боевого пыла; то было подобно чуду, о великий царь! Увидев это, Карна магией «оружия Брахмы» вновь осыпал Завоевателя богатств (стрелами), а сам в то время изо всех сил старался вытащить колесницу (из земли). Но, отбив его оружие своим, опять принялся разить его Пандава. И послал тут Каунтея в Карну любимейшее своё оружие, «оружие Джатаведаса», и вспыхнуло оно ярким пламенем! Тогда Карна, укротив то пламя «оружием Варуны», затем с помощью (сотворенных им) облаков окутал все стороны света мраком, как будто то был ненастный день! Но не смутился доблестный сын Панду, применил «оружие Баю» и на глазах у Радхеи развеял все те облака!

Прекрасно было знамя Карны со знаком «Слоновья подпруга», изукрашенное золотом, жемчугом, самоцветами и алмазами, изготовленное долгим и тщательным трудом искуснейших из ремесленников, видом своим вызывающее восхищение. Всегда придавало оно отвагу твоим войскам и вселяло ужас во врагов; ибо, принадлежа подобно самому Адитьи, славно оно во всем мире, а сиянием равняется месяцу, солнцу и пламени!

И вот Увенчанный диадемой, великий духом (герой), приложив все своё старание, сокрушил это пламенеющее великолепием знамя великоколесничного бойца, сына Адхиратхи, острой, с подковообразным наконечником, златооперенной стрелой. Вместе с тем знаменем упали (в бездну печали) и сердца кауравов. Погибли их дхарма, слава и надежда на победу, и только всюду, о почтенный, раздавался громкий крик: «О горе!»

Тогда, на погибель Карне, Партха, сын Панду, поспешно извлек из колчана оружие «Анджалика», подобное ваджре Махендры и жезлу Анапы, поистине — словно наилучший из лучей Тысячелучистого, поражающее самые средоточия жизни, умащенное кровью и плотью, предрагоценнейшее, схожее с Солнцем и Вайшванарой, разлучающее с жизнью людей, коней и слонов, шестикрылое, длиной в три локтя, грозно-стремительное, неотвратимое, пламенной мощью своей равное ашани Тысячеокого, неотразимое как кровожадный демон, подобное Пинаке (Шивы) и диску Нараяны, внушающее страх, губительное для всего живого.

Возложив на свой лук ту великую, превосходную стрелу, растянув Гандиву и звеня тетивой, знаток мантр сказал: «Вот я наложил на тетиву стрелу, являющуюся великим, непревзойденным оружием, что пронзает тела и уносит жизни врагов! Я предавался подвижничеству, я ублажал наставников и всегда прислушивался ко всем желаниям моих друзей; так вот, если сказанное истинно, то пусть эта чтимая мною стрела с крепко насаженным (наконечником) поразит насмерть врага моего Карну!».

Сказав это, Завоеватель богатств спустил с тетивы, на погибель Карне, свирепую, грозную словно колдовской обряд Атхарванов и Ангирасов, пламенную, губительную в битве даже для самой смерти стрелу. При этом, горя азартом битвы, Увенчанный диадемой говорил: «Да принесет эта стрела мне победу! Пусть кровожадная, великолепием подобная солнцу и месяцу, отошлет наконец она Карну в обиталище Ямы!».

И вот украшенный венками и диадемой (Арджуна), всем видом являя радость, кровожадный, желающий Карне смерти, поразил тою победоносной, сияющей как солнце и луна, превосходнейшей стрелой своего врага. Сиянием равная восходящему солнцу, подобная стоящему в зените солнцу осени голова того предводителя воинств пала на землю, как кроваво-красный диск солнца падает вниз с Горы заката.

Привязанная к постоянно вкушавшему роскошь и негу, несказанно прекрасному телу вершителя возвышенных деяний голова рассталась с ним с превеликим трудом, как богатый хозяин расстается с любимым домом. Искалеченное стрелами, безжизненное, лишенное панциря высокое тело Карны рухнуло наземь, изливая кровь из ран, как падает сокрушенная ваджрой вершина горы, изливая воды, окрашенные красным песчаником. Вышедшее из тела поверженного Карны огненное сияние его духовного пыла пронизало все небо; и все смертные-воители видели это чудо, о царь, в час, когда был сражен Карна.

Увидев, что Карна сражен и лежит недвижим, довольные сомаки вместе с другими войсками подняли великий шум. Одни на радостях трубили в трубы, размахивали руками плащами; другие преисполненные мощи (воины), обнявшись, плясали, кричали и беседовали, глядя на сраженного, лежащего на земле, поверженного стрелой с колесницы Карну, подобного огню, затушенному сильным порывом ветра, когда по окончании жертвоприношения он догорал в своем кострище.

Залитое потоками крови, сплошь израненное тело Карны, казалось, ошетинилось стрелами — как будто Аншуман раскинул свои лучи! Пылающими стрелами-лучами сожигал он воинство врага; но могучее Время-Арджуна низвело-таки Солнце-Карну к закату. Как солнце, скрываясь при закате, уносит с собой и свое сияние, так улетела и та стрела, унеся с собою жизнь Карны. В последнюю стражу того дня, о почтенный, отсеченная оружием «Анджалика» голова Сына суты и тело его рухнули наземь. На виду у всех войск стрела недруга вмиг разлучила с телом голову Карны.

Санджая сказал:

Увидев, что отважный Карна, израненный стрелами, с телом, запятнанным кровью, недвижно лежит на земле, царь мадров на колеснице со срубленным знаменем удалился с поля боя. Когда пал Карна, тяжело израненные, мучимые страхом кауравы обратились в бегство, то и дело оглядываясь на огромную, пламенеющую телом (обезьяну) на знамени Арджуны. А голова (Карны), в деяниях равного Тысячеокому, прекрасная, с ликом, подобным тысячелестковому лотосу, пала на землю, как тысячелучистое (солнце закатывается) в исходе дня.

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» шестьдесят седьмая глава.

ГЛАВА 68

Санджая сказал:

Шалья, который видел, как войска (кауравов) при схватке Карны с Арджуной были все сокрушены стрелами, встретил двигавшегося навстречу ему Дурьодхану и показал тому, во что превратилось поле боя, о бхарата! Поглядев на свое войско, в коем не было уже Сына суты, в коем побиты были многие всадники, колесницы и слоны, Дурьодхана, всем видом являя страдание, со слезами в глазах принялся громко вздыхать. Чтобы поглядеть на лежащего на земле, израненного стрелами, обогрившего кровью Карну — как на солнце, упавшее с небес, — (все, кто был там,) собрались вокруг него.

И твои сторонники, и недруги — все либо ликовали, либо ужасались, либо погружались в воспоминания, а иные были просто вне себя от скорби; каждый вел себя так, каков он по натуре. Но (большинство) кауравов, узнав, что Карна сражен Завоевателем богатств, мощь его сокрушена, повреждены доспех, украшения, одежды и оружие, обратились в бегство, словно стадо коров, пришедшее в полное смятение при гибели быка-вожака.

Увидев, что Карна, учинивший (врагам) страшное побоище, сражен, словно слон — гривастым львом, Арджуной, и простерт на земле, царь мадров в страхе поспешно умчался прочь на своей колеснице. Владыка мадров, разум которого пришел в смятение, на своей лишившейся знамени колеснице быстро подъехал к терзаемому отчаянием Дурьодхане и, завязав с ним беседу, сказал такие слова:

«Войско твое подобно царству Ямы. Погибли лучшие из воинов, сражавшиеся на слонах, конях и колесницах; сойдясь в бою с другимж мужами, конями л слонами, подобными вершинам гор, все они пали замертво. Не видано еще, о бхарата, битвы, подобной той, что была сегодня у Карны с Арджуной! Сойдись с ними лицом к лицу, Карна затмил (величием) двух Кришн и всех прочих твоих недругов. Однако судьба, устраивающая все по прихоти своей, хранит Пандавов и вредит нашим. Все герои, радевшие об осуществлении твоей заветной цели, осилены и сражены вратами! Равные величием, доблестью, отвагой и мощью Кубере, Вайвасвате, Васаве, а также Владыке вод, обильно наделенные множеством всяческих достоинств герои, Индры людей, кого почти невозможно погубить, радевшие о твоем благе, сражены в битве Пандавеями! Но не печалься о том, о бхарата, такова воля рока! Удача всегда сменяется неудачей, она не может длиться вечно!»

Выслушав эти слова Владыки мадров, Дурьодхана с опечаленным сердцем, почти не воспринимая окружающего, всем видом являя страдание, окинул духовным взором свои проступки и стал тяжело вздыхать. К нему, пребывающему в безмолвном размышлении, несчастному, тяжело страдающему, Артаяни обратился с такой скорбной речью: «Гляди, вот пред тобой грозное поле сражения, покрытое телами павших героев — пеших, конных и на слонах!

Повержены могучие слоны, подобные горам, тела их сплошь изранены, средоточия жизни уязвлены стрелами; в смятении испустили они дух, вокруг же в беспорядке разбросаны их доспехи, оружие, снаряжение и (тела) воинов (ездокон)! Тела тех (слонов), в золотых венках, залиты потоками жрови, изломаны анкуши и пики (погонщиков), колокольца и знамена; они подобны Индрам гор, пораженным ваджрой, на которых сокрушены все скалы, звери, деревья и кусты!

Повержены пронзенные стрелами кони, иные из них тяжело дышат и изрыгают из пасти кровь, издают печальное ржание, жалобно стонут, (безумно) поводят очами, грызут землю! А рядом (лежат) израненные воины, сражавшиеся верхом на конях и на слонах; в одних еще теплится жизнь, другие уже испустили дух! Покрытая трупами людей, коней, слонов и сокрушенными колесницами, ужасное зрелище являет собой земля, как будто великая (река) Вайтарани!

Вот на земле лежат, содрогаясь (в предсмертных муках), слоны с разрубленными хоботами и ногами; трепещущими простертыми телами их, а также славных всадников, колесничных бойцов, погонщиков слонов и пеших воинов, которые грудью приняли удары врагов, чьи одежды изорваны, изломаны доспехи, украшения и оружие, покрыта земля, словно потухшими кострищами! Повсюду являющимися взору телами могучих воинов, тысячами павших под ударами стрел, лишенных сознания, лишь время от времени вздыхающих, покрыта земля, словно затухающими огнями! Как будто на землю упали с неба ярко пылающие кометы, как будто земля — это само чистое ночное небо, усеянное пламенеющими небесными телами!

Пронзив насквозь тела людей, коней и слонов, стрелы, вылетевшие из рук Карны и Арджуны, ушли в землю, как огромные змеи, стремительно уползающие в свою нору! Заваленная сокрушенными колесницами, телами людей, коней и слонов, которых Завоеватель богатств и Сын суты поразили на пути своем по полю брани, земля стала непроходима! Всюду лежат тела воинов и сокрушенные ударами превосходнейших стрел колесницы, у которых колесничие и кони убиты, оружие и знамена изломаны, разбиты передки, колеса, оси, ярма и тройные бамбуковые дышла, распущены узлы креплений, поломаны железные (скрепы) и (деревянные) шипы, сокрушены колчаны и скамьи, разорены изукрашенные золотом и самоцветами «гнезда»; усеянная ими земля подобна осеннему небу, покрытому облаками!

Толпы людей, коней, слонов, тучи изукрашенных, отменно снаряженных колесниц, потерявших своих возничих и теперь мчащихся туда, куда несут их стремительные кони, (налетая на) множество быстро снующих по полю (других воинов), сокрушают их в прах.

Падают на землю булавы, покрытые тонким золотом, боевые топоры, палицы, (отлитые) из «мякинного» металла, блестящие мечи без ножен дубины, обложенные золотыми пластинками, златоизукрашенные луки, стрелы с оперением из чистого золота, извлеченные из ножен сверкающие желтые обоюдоострые мечи, златоблещущие дротики и кинжалы, зонты, опахала из ячьих хвостов, раковины, сверкающие золотом и пестрящие чудесными цветами венки, слоновьи попоны вперемешку с флагами и одеждами (воинов), диадемы, гирлянды, блистающие короны.

Повсюду разбросаны опахала, слоновьи попоны, ожерелья из отборного жемчуга с драгоценными камнями, бусы, браслеты для предплечий и запястий, нашейные украшения нишка с золотыми нитями, превосходнейшие самоцветы, жемчуг, золото и алмазы, дорогие камни обладающие всевозможными счастливыми магическими свойствами, а также привыкшие к беспредельной роскоши тела (героев) и головы их с луноподобными ликами! Расставшись с телами и нарядами, с плотскими и духовными радостями, обрета великую заслугу за свою верность дхарме, (герои) ушли со славой в уготованные им (посмертные) миры!».

Сказав это, Шалья умолк. А Дурьодхана, чей разум был помрачен скорбью, тяжело страдая, со слезами на глазах, не сознавая происходящего, твердил только: «Карна! О Карна!».

Тогда все Индры людей во главе с сыном Дроны, дружно утешая Дурьодхану, направились к (лагерю), то и дело оглядываясь на пламенеющий славой огромный стяг Арджуны. Земля, орошенная алой кровью, истекшей из тел людей, коней и слонов, сияла красною, будто некая восхитительнейшая женщина в алых одеждах, венках и украшениях из червонного золота.

В этот грозный миг, увидев (все происходящее), кауравы, являвшие собой весьма красочный вид, — ибо лица их неразличимы были за стекающей по ним кровью, не устояли на поле битвы, и потому все миры богов были для них потеряны. Крайне удрученные гибелью Карны, воскричали они: «Карна! О горе!» и, глядя на крававо-красный диск солнца, поспешно устремились к своему лагерю, о царь!

А Карна, тело которого пронзили пущенные из Гандивы златокрылые, острые, напитавшие кровью свое оперение стрелы, хоть и убитый, простертый на земле, был все же прекрасен, словно солнце в венце своих лучей! Тут сострадательный к преданным почитателям своим владыка Вивасван, чье тело (приобрело в этот предзакатный час) кроваво-красный цвет, коснулся своими лучами-руками забрызганного кровью тела Карны и удалился затем к далекому океану, для того чтобы совершить в нем омовение.

При виде этого сонмы богов и святых мудрецов тотчас разошлись по своим обителям, я (все прочие) существа, поразмыслив, также пошли каждый своей дорогой — кто на небеса, кто на землю. Узнав о той дивной, повергшей в ужас все живое битве между первейшими в роде Куру героями, Завоевателем богатств и сыном Адхиратхи, все существа, преисполненные изумления, воспевая хвалы (героям), пошли (каждое своим путем).

Хотя Радхей, сраженный, и расстался с жизнью в этом побоище, хотя панцирь его и был весь иссечен стрелами, царственное великолепие все же не покинуло героя! Носящий всевозможные украшения, а на предплечьях — браслеты из чистого золота, сраженный Вайкартана лежал (на поле битвы), словно покрытое молодыми побегами дерево, о царь! Сияющий подобно наилучшему золоту, пламенный как огонь, опалив сперва зноем своего оружия Пандавов и панчалов, о царь, тот муж-тигр вместе о сыновьями его был все же укрощен ратным пылом Партхи! Вриша, который на просьбы ищущих богатства

отвечал: «Даю!» и никогда не говорил: «Нет!», кто всегда был добродетелен и окружен добродетельными мужами, — он ныне сражен в колесничном поединке! Тот, кто был столь велик

духом, что ни в чем не отказывал брахманам, даже если нужно было отдать свое достояние свое и саму жизнь, кто был всегда любимым людьми, щедрым дарителем и сам радовался возможности совершать дарения, — тот ушел на небеса, унося с собой надежду на победу, благо и последнюю опору твоих сыновей!

Когда пал Карна, прервали свой бег потоки, омраченное солнце склонилось к закату, и, не уступающая пламенностью солнцу планета, детище Ямы, по своей кривой орбите поднялась высоко в небо, о царь! Раскололся небосвод, возопила земля, внезапно повеяли свирепые ветры, стороны света задымились и вспыхнули ярким пламенем, океаны взволновались и заревели, многие горы с рощами на них заколебались, сонмы живых существ вдруг испытали небывалую муку, о почтенный, а Брихаспати, притеснив Рохини, сиянием уподобился Солнцу и Месяцу. Когда пал Карна, не различить было направлений, все небо объял мрак, земля сотрясалась, падали с неба пламенно-алеющие кометы, и «бродящие в ночи» преисполнились великого ликования! Когда Арджуна «бритво-образной» стрелой снес сияющую ликом словно луна голову Карны, тогда послышались крики: «О горе! Горе!», неумолчно издаваемые существами в небе, в поднебесье и здесь (на земле)!

Сразив в битве недруга своего Карну, чтимого людьми, богами и гандхарвами, Арджуна Партха воссиял непревзойденным ратным пылом, словно Тысячеокий, одолев Вритру. И теперь на колеснице, громыхающей как скопище туч, сверкающей словно осеннее солнце в зените, (снабженной) флажками и грозно ревушим (на ветру) знаменем, сияющей как снег, месяц, (белая) раковина или хрусталь, изукрашенной золотом, жемчугом, самоцветами, алмазами и кораллами, непревзойденно стремительной, — те два

величайших из людей, Пандава и Погубитель Кешина, подобные солнцу и огню, разъезжали по полю битвы, возвышаясь (над ним), не ведая страха и сияя величием, словно стоящие на одной колеснице Вишну и Васав. Грохотом колес и звуком (ударов) тетивы о кисть принудив недругов лишиться величия, истребив потоками стрел множества кауравов, Тот, на чьем знамени обезьяна, и Тот, на чьем знамени достойнейший из пернатых, изо всех сил затрубили в свои громозвучные раковины, повергая в уныние сердца врагов. Взяв в руки обтянутые золотыми сетками, белые как снег, превосходнейшие громозвучные раковины, те два достойнейших из людей разом затрубили, словно бы целуя их своими прекрасными устами. Слившийся воедино звук Панчаджаньи и Девадатты зацолнил собою и землю, и поднебесье, и небосвод, и воды!

Огласив звуком раковин леса и горы, реки и стороны света, те два героя привели в ужас войско сына твоего и возвеселили Юдхиштхиру. Едва заслышав звук, который они издавали своими раковинами, куру стремительно бежали (с поля боя), покинув Дурьодхану, владыку бхаратов, и царя мадров, о бхарата! Сонмы всевозможных существ дружно возносили хвалы Завоевателю богатств, блиставшему на поле битвы несказанным великолепием, и Джанардане, с коим вместе они были подобны двум взошедшим солнцам.

Унизанные стрелами Карны те два утеснителя недругов, Ачьюта и Арджуна, сияли среди битвы величием, как сияют чистым светом, разогнав мрак, взошедшие в венцах из лучей месяц и солнце. Удалив (из тел) бесчисленные стрелы, те два владыки, не имеющие равных себе доблестью, вступили наконец в окружении друзей в свой лагерь — словно Васав и Ачьюта, призываемые участниками жертвоприношения; а все боги, гандхарвы, люди, чараны и великие святые мудрецы, якши и великие змеи воздавали им высшие почести с пожеланиями окончательной победы. Так это было, когда они вдвоем сразили среди великой битвы Карну.

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» шестьдесят восьмая глава.

ГЛАВА 69

Санджая сказал:

Когда пал Карна, а войско твое обращено было в бегство, Дашарха, обняв Партху, молвил ему радостно такое слово: «Губителем Балы сражен Вритра, а тобой, о Завоеватель богатств, — Карна! Теперь (наравне) будут рассказывать люди о гибели Вритры и Карны! Владетель ваджры, в избытке

наделенный ратным пылом, поразил в битве Вритру, а ты из своего лука острыми стрелами поразил Карну! Давай же, о Каунтея, уведомим об этом прославленном в мире, покрывшем тебя почетом подвигом твоем мудрого Царя справедливости! Сообщив Царю справедливости о столь долгожданной гибели в битве Карны, ты станешь тем самым свободен от (своего перед ним) долга!».

Когда же Партха ответил: «Да будет так!», то Кешава, бык из рода Яду, решительно повернул колесницу того превосходнейшего колесничного бойца. И обратился тогда Говинда к Дхриштадьумне, Юдхаманью, обоим сыновьям Мадри, Ври-кодаре и Ююдхане с такою речью: «Благо вам! Будьте же начеку и стойте лицом к врагам, пока мы не уведомим царя о том, что Карна сражен Арджуной!».

Приняв от тех героев напутствие, Говинда, везя с собой Партху, направился в жилище царя, где увиделся с Юдхиштхирой. Радостные, оба они припали к стопам того царя-тигра, владыки земли, возлежавшего на превосходнейшем золотом ложе.

Приметив их ликование и (покрывавшие их тела) необычайного вида раны, Юдхиштхира понял, что сражен Радхей, и поднялся им навстречу. Тогда сладкоречивый Васудева, потомок Яду, доподлинно поведал ему все об убийстве Карны. Чуть улыбаясь, Кришна, прозываемый иначе Ачьюта, сложив ладони, сказал царю Юдхиштхире, чей недруг был теперь сражен:

«По воле благосклонной судьбы Владетель лука Гандивы, и Пандава Врикодара, и два Пандавы — сына Мадри, и ты, о царь, — все невредимы и спаслись из этой потрясающей, губительной для героев битвы. Так немедля, о царь, приступи к тем делам, что еще остается свершить! Сражен могучий, свирепый Вайкартана, Сын суты! По воле судьбы ты торжествуешь, о Индра царей, по воле судьбы процветаешь ныне, о Пандава! Земля впивает сейчас кровь того недостойнейшего из благородных, Сына суты, который некогда объявил Кришну проигранной в кости! Вот лежит, о бык в роде Куру, враг твой, с телом, истерзанным стрелами, погляди, о муж-бык, вот он, пронзенный множеством стрел!».

А Юдхиштхира, обрадованный, ответно почтил Дашарху, с любовью твердя ему: «На то воля судьбы!» — о Индра царей! — «Неудивительно, что имея тебя, о мощнодланый сын Деваки, возниким, Партха явил сегодня такое свидетельство своей доблести!».

Затем превосходнейший в роде Куру Партха, блюститель дхармы, взяв (Кришну) за украшенную браслетами правую руку, так сказал им обоим, Кешаве с Арджуной: «Нарада поведал, что вы суть боги Нара и Нараяна, два древних Высочайших мужа, чье предназначение — утвердить в мире дхарму! Мудрый владыка Кришна Двайпаяна также не раз сообщал мне, о мощнодланый, это божественное предание! Благодаря твоему могуществу и (своему) Гандиве Завоеватель богатств, сходясь лицом к лицу с врагами, всегда одолевает их и никогда не обращается вспять. Оттого, что ты принял на себя в этой битве должность колесничего при Партхе, победа наша стала неизбежна, а поражение — невысказано!».

Сказав так, муж-тигр, великоколесничный боец, взошел, о великий царь, на златоизукрашенную, влекомую сияющими белизной как жемчуг зубов и черными как глина конями, и отправился тогда, получив на то дружеское согласие отважных Кришны и Арджуны, окруженный со всех сторон своими войсками, осматривать поле битвы, на котором свершилось столько великих событий; а в пути он беседовал с теми двумя мужами, Мадхавой и Пхальгуной. И там он увидел простертым на поле брани мужа-быка Карну, все тело которого было в куски иссечено выпущенными из Гандивы стрелами.

Увидев, что Карна вместе с сыном его лежат сраженными, царь Юдхиштхира восславил тогда двух мужей-тигров, Мадхаву и Пандаву. «Ныне, о Говинда, я вместе с братьями стал царем над этой землей благодаря твоей, моего мудрого защитника и покровителя, поддержке! Увидев сраженным этого мужа-тигра, гордого Радхейю, злокозненный сын Дхритараштры лишится сегодня последней надежды

сохранить царство и жизнь, поскольку пал великоколесничный Карна! Мы же, по милости твоей, о муж-бык, достигли цели! Ты и Владетель Гандивы увенчаны победой, о потомок Яду! На то воля судьбы, что победа за тобой, о Говинда! На то воля судьбы, что пал Карна!». Так многократно восславлял Джанардану и Арджуну радостный Царь справедливости Юдхиштхира, о Индра царей!

Тут обаянные радостью великоколесничные бойцы принялись поздравлять (с победой) царя, стоявшего в окружении всех своих братьев во главе с Бхимой. Накула, Сахадева и Пандава Врикодара, превосходнейший колесничный боец среди вришни Сатьяки, о великий царь, Дхриштадьюмна, Шикхандин, все Пандавы, панчалы и сринджаи воздали почести Каунтее в тот час, когда погиб Сын суты.

Восхвалив сына Панду, царя Юдхиштхиру, все те являющие победный вид, достигшие своей цели, опьяняющиеся битвой великоколесничные бойцы восславили речами, перемежаемыми хвалебными гимнами, обоих Кришн, губителей недругов, и затем, преисполненные ликования, разошлись по своим шатрам. Так вот произошло это превеликое, в трепет повергающее побоище из-за неправого твоего решения; но что толку теперь тебе скорбеть о прошлом!

Вайшампаяна сказал:

Услышав ту дурную весть, о царь, великий владыка Дхритараштра Кауравья, тяжело страдая, пал недвижимым на землю; пала также и верная обету правдивости, прозревающая дхарму царица Гандхари. Видура с Санджаей подхватили на руки царя, владыку земли, принялись утешать его. Потом женщины царского (гарема) подняли на ноги Гандхари. Но царь, как те двое его ни утешали, оставался безмолвен и не воспринимал окружающего.

Такова в «Книге о Карне» великой «Махабхараты» шестьдесят девятая глава.